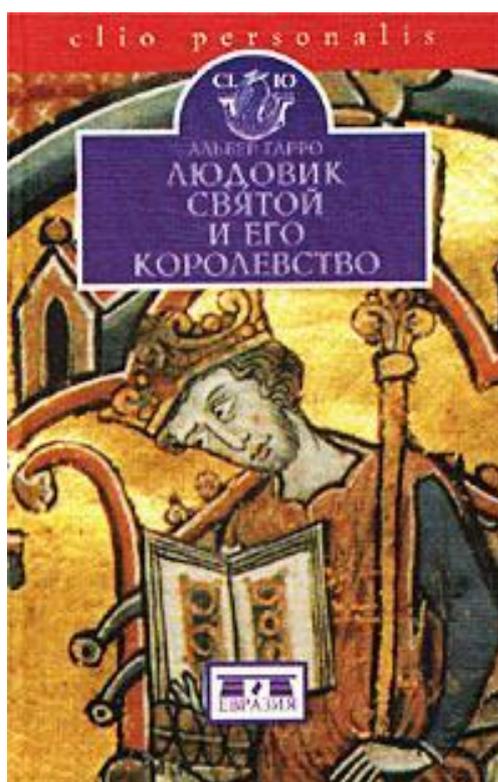

Альбер Гарро

*Людовик Святой
и его королевство*

Предисловие к русскому изданию

В истории бывают люди, которые собой, своей жизнью и деятельностью, определяют лик целой эпохи, и когда они уходят из жизни, то как будто меняется дух времени. К таким людям относится, несомненно, и король Людовик IX (1214-1270), без которого трудно себе представить не только французский, но и вообще западноевропейский XIII век и который был символом французской монархии на протяжении всех лет ее существования после него. Приобретя ореол святости еще при жизни и канонизированный Католической Церковью вскоре после смерти (1297 г.), он воплощал в себе лучшие черты феодального сюзерена, рыцаря и христианина. Поэтому уже для многих современников он был идеальным королем, и со временем притягательность его личности только возрастала, причем не вовсе потому, что он был причислен к лику святых. Как писал в начале XX в. французский историк О. Молинье, «в суждениях о Людовике Святом царит полное единодушие, все отдавали дань уважения его благоразумию и чувству чести; в отличие от большинства своих предшественников и потомков он всегда прислушивался к голосу совести и в политике следовал нормам справедливости». Даже современные историки, имеющие возможность критически оценить на основании многих документов политическую деятельность этого короля (что, конечно, они и делают), не вносят диссонанса в традиционно пиететное отношение к нему, свидетельством чего является и предлагаемая читателю книга Альбера Гарро.

Жизнь и личность Людовика IX оказались удивительно хорошо запечатленными в воспоминаниях его современников. Во многом мы обязаны этим процессу канонизации, который продолжался более двадцати лет (1273-1297 гг.) и во время которого были опрошены все остававшиеся в живых люди, общавшиеся с королем. Их просили вспомнить все, и в первую очередь те высказывания, которые им приходилось слышать из его уст. Все это тщательно записывалось, и в итоге образовался огромный архив, по поводу которого Папа Бонифаций VIII сказал, что его не увезти и на осле. Этот архив хранился в папской курии и, к сожалению, до нас не дошел, за исключением небольших фрагментов. Но в свое время им свободно пользовались те, кто писал о Людовике IX. По крайней мере один из них — Гийом де Сен-Патю, бывший духовником его жены, королевы Маргариты Прованской в течение 18 лет, перечитал почти все эти материалы, чтобы написать обширный труд «Жизнь монсеньора святого Людовика». Яркие воспоминания о короле оставили также его духовник Жоффруа де Болье, его капеллан Гийом де Шартр и, наконец, его друг Жан де Жуанвиль. К ним нужно прибавить авторов хроник, много писавших о нем, причем это были не только французы, как Гийом де Нанжи, но и англичанин Матвей Парижский, и итальянец Салимбене. Изо всех этих сочинений встает настолько живой портрет Людовика IX, что можно ясно представить себе, как он выглядел в разные годы жизни, как вел себя в различных ситуациях, как одевался, что говорил и думал по тому или иному поводу. Именно такой его психологический портрет и воссоздает в своей книге Альбер Гарро.

В дополнение к богатому материалу этой книги, написанной на основании воспоминаний о Людовике IX, хочется добавить некоторые сведения о короле как политике и государственном деятеле, которые можно почерпнуть в новейшей историографии.

Людовик IX как человек и политик был воспитан своей матерью Бланкой Кастильской, испанской принцессой, которая в 12-летнем возрасте была привезена во Францию в качестве жены наследника французского престола, ставшего в 1223 г. — после смерти Филиппа II Августа — королем Людовиком VIII. Но он правил недолго, ибо довольно неожиданно умер в 1226 г.; многие посчитали, что его отравили. Подозрения были небезосновательными, поскольку у него было немало смертельных врагов среди крупных

феодалных сеньоров, с которыми он вел настолько жесткую борьбу жесткой рукой, так что его даже прозвали Львом. После него на престол вступил его старший сын Людовик IX.

Ему исполнилось всего лишь 12 лет. По существовавшему тогда обычаю, хотя его в конце того же 1226 г. миропомазали и короновали в Реймском соборе, управлять королевством до совершеннолетия, наступавшего в 21 год, он не мог. Власть передавалась в руки регента, каковым в своем завещании, составленном накануне смерти, Людовик VIII назначил Бланку Кастильскую. Поскольку государственного права в то время еще не существовало и права регента, равно как и право на регентство, никак не регулировались, это назначение уже само по себе стало причиной серьезных конфликтов. Женщина, да к тому же еще и иностранка, у руля правления королевством — это было немыслимо для многих, а для принцев крови, то есть ближайших родственников правящей династии, и невыносимо, поскольку они сами претендовали на регентство. И конечно же власть, выпавшая из рук усопшего короля и оказавшаяся у женщины, представлялась настолько ослабшей, что феодальная знать сочла момент особенно благоприятным для расширения и укрепления своей власти и расширения своих владений. Поэтому очень скоро образовалась коалиция, открыто выступившая против регентши. Но ее участники не знали, с кем они имеют дело.

Бланка Кастильская была на редкость волевой, мужественной и решительной женщиной, а как истинная испанка — очень набожной. Будучи еще совсем юной, она лично собрала флот на помощь своему мужу, отправившемуся в Англию завоевывать английскую корону, а деньги она вытребовала у свекра, короля Филиппа II Августа, заявив ему, что если он их не даст, то она отдаст в залог за золото своих детей, его внуков. В наследство от мужа ей достались очень опытные советники, которые ею руководили. В общем, когда силой (она не раз лично возглавляла королевскую армию), когда мелкими уступками она развалила феодальную коалицию, не допустив никакого умаления ни королевской власти, ни королевского домена, то есть непосредственных владений короля, подлежащих его прямому управлению. В условиях этой ожесточенной политической борьбы рос и взрослел Людовик IX. Мать воспитывала его в очень жестких религиозно-нравственных правилах и несомненно посвящала в тайны государственного управления. Во всяком случае он не мог не знать, что происходит в королевстве, и на всю жизнь запомнил, как его с матерью однажды чуть не захватили ее враги, желавшие, устранив Бланку, управлять от имени короля, но тогда их спасли подросшие вовремя парижане.

Людовик IX достиг совершеннолетия в 1234 г. Он вырос глубоко религиозным человеком, но от родителей унаследовал сильную волю и твердость духа, поэтому при всей склонности к христианскому милосердию он всегда готов был прибегнуть к силе, если того требовали обстоятельства. Власть от матери переходила к нему, но Бланка Кастильская вплоть до своей смерти (1252) сохраняла столь сильное влияние на него, что по существу была его соправительницей, а в последние годы жизни, когда он отправился в крестовый поход в Египет, оставив именно ее регентшей, вновь лично управляла королевством, и не менее успешно, чем в годы своего первого регентства.

Став полновластным королем, Людовик IX сразу проявил весьма незаурядные политические и административные способности. Центром его управления был, конечно, королевский двор, но что он собой представлял? При Людовике IX он оставался патриархальным: никакой роскоши и чрезвычайная строгость нравов, ибо король не только не терпел порока, особенно плотского, в своем окружении, но и не допускал, чтобы при дворе не соблюдали постов. Главной резиденцией двора был Париж. Именно здесь, в этом «достопочтенном городе, блестящая слава которого распространяется по

всему свету», как писал автор XIII в. Николя де Брэ, преимущественно составлялись и издавались королевские акты. Но, как и его предшественники, Людовик IX подолгу на одном месте не жил и вместе со своим двором то и дело переезжал от одного своего замка к другому (особенно любил он Венсенн), часто посещал монастыри или замки вассалов. Цель таких переездов была по крайней мере двоякой. С одной стороны, он реализовывал свое право постоя, особенно в отношении церковных учреждений, которые обязаны были содержать его и весь двор, пока они все там живут, экономя таким образом свои собственные средства. А с другой — он хотел видеть собственными глазами, что происходит на местах, и иметь возможность беседовать с людьми разного ранга, осведомляясь о положении тех или иных дел. При этом очень важно было, чтобы и его видели, ибо лицезрение короля было своего рода залогом верности и преданности ему.

При дворе было шесть служб — хлебная, винная, кухонная, плодовая, конюшенная и палатная. Последняя служба имела и определенное политическое значение, поскольку была постоянно связана с особой короля. В так называемой палате хранились его одежда и драгоценности, и она заведовала казной, хранившейся в одной из башен луврского замка. В ее ведении был и королевский архив, состоявший главным образом из оригинальных королевских хартий и актов. Поэтому служащие палаты, шамбелланы, нередко становились весьма важными особами.

Наиболее влиятельным в политическом отношении учреждением, функционировавшим при дворе, был королевский совет, или курия. В отличие от прежнего феодального совета, где заседали прямые вассалы короля, совет XIII в. составлялся из высших дворцовых служащих и лиц, приглашавшихся королем, среди которых бывали представители высшей знати и духовенства, а иногда и горожане. Функции совета были очень широкими, и на нем рассматривались дела политические, финансовые и судебные; собирался он королем нерегулярно. В XIII в. применительно к нему, вернее к его заседаниям, стали употреблять новое слово — парламент, то есть беседа, или разговор. Самой важной функцией совета была судебная. Здесь стоит заметить, что в Средние века поддержание справедливости, прежде всего с помощью правосудия, считалось первейшей обязанностью всякого государя. Поэтому на протяжении многих столетий культивировался идеал «справедливого короля», антиподом которому был тиран. Справедливый король — это праведный человек, который сам блюдет справедливость, не попирая чужих прав, и поддерживает ее в обществе. Тиран же — это порочный человек, не связывающий себя никакими нормами справедливости и вершащий неправый суд. Людовик IX довольно рано проникся сознанием этого своего нравственного и политического долга, поэтому время от времени он лично вершил суд, и образ этого короля, сидящего под дубом в Венсеннском лесу и творящего суд, наподобие царя Соломона, стал легендарным уже среди его современников. Но королевское судопроизводство было крайне несовершенным и неудобным, поскольку совет заседал крайне нерегулярно, да и король под дуб садился, лишь когда настроение приходило; к тому же двор постоянно переезжал с места на место.

Король, надо полагать, много думал над этим во время своего первого крестового похода и египетского плена, поскольку когда он вернулся во Францию, он сразу же занялся подготовкой и проведением самой важной реформы — судебной. Прежде всего он выделил из совета специальную судебную секцию, за которой и закрепилось название парламента. Этот парламент стал заседать регулярно и всегда только в Париже независимо от места пребывания короля. Он имел свой постоянный штат, который уже при Людовике IX состоял по большей части из профессиональных юристов. По сути дела, этой реформой было положено начало современному судопроизводству, ибо в парламенте дела решались только на основании показаний свидетелей. Особым указом Людовик IX запретил на территории домена судебные поединки, широко распространенные в

феодалном обществе. Это была одна из форм древнего Божьего суда: истец и ответчик с оружием в руках решали, кто из них прав, ибо правому помогает Бог. Юрисдикция парламента распространялась на территорию всего королевского домена. Что же касается земель королевских вассалов, где сохранялся сеньориальный суд, то по отношению к ним Парижский парламент приобрел право апелляционного суда, где можно было обжаловать постановления других судов. Парламент, таким образом, стал высшим судом королевства, контролирующим сеньориальное судопроизводство.

Справедливость, которую король желал установить по крайней мере на территории своего домена и которая требовала не посягать на чужое право, особенно злостно нарушалась королевскими служащими — бальи и сенешалями. Это были своего рода наместники короля в территориальных округах домена (бальяжи — на Севере, сенешальства — на Юге), обладавшие очень широкими судебными-административными и финансовыми полномочиями. Понятно, что они то и дело злоупотребляли своей властью, и жалобы на них постоянно шли к королю. Чтобы их обуздать, он в 1254 и 1256 гг. издал указы, четко определяющие их обязанности и права и требующие от них принесения публично, на площади клятвы при вступлении в должность. Они клялись судить по праву, уважать местные кутюмы (нормы обычного права), не взимать незаконные налоги, блюсти королевские права, уважать права других и т. д. Содержание клятвы было столь емким, что в ней предусматривались чуть ли не все виды злоупотребления властью и проявления порока, от которых они обязывались воздерживаться. Конечно, сама по себе клятва вряд ли была способна исправить человеческую натуру, но на основании королевских указов и этих клятв можно было подавать законные жалобы в королевский совет или парламент на действия бальи и сенешалей. Кроме того, их округа стали время от времени посещать ревизоры, а их самих король подолгу не держал в одном округе и года через 3-4 перемещал, дабы они слишком не укреплялись на одном месте. Эти королевские указы, благодаря которым была ослаблена власть сенешалей и бальи, которые ранее, бывало, держали себя как независимые сеньоры, возымели свое действие.

Людовик IX впервые провел денежную реформу с целью стабилизации королевской монеты. До него в области монетного дела царил настоящий хаос. Многие крупные сеньоры, а также города чеканили свою монету, ибо это приносило немалый доход. Но проба монет (содержание драгоценных металлов — золота или серебра) то и дело менялась, как правило, в сторону ее ослабления. Королевскую монету также «лихорадило». В 1263 г. на совете, куда были приглашены представители крупных городов, Людовик IX издал указ о монетной реформе. Этим указом он установил высокую и твердую пробу королевской золотой монеты, экю (999/1000 г чистого металла), и серебряной монеты (23/24 г). В оборот было довольно скоро пущено много этой королевской монеты, которая сразу же стала внушать такое доверие, что, быстро распространившись по всему королевству, стала вытеснять другие деньги, ибо многие купцы начали требовать расчета именно в ней. Король отнюдь не запретил сеньорам чеканить свою монету, ибо уважал чужие права, но повелел, чтобы его монета имела хождение по всему королевству, а в тех областях, где ранее не выпускали свою монету, только бы она и использовалась.

Все эти реформы, безусловно, содействовали укреплению королевской власти и повышению ее авторитета. Однако король постоянно принимал и более конкретные, подчас жесткие меры с той же целью. Он говорил, что «во Франции есть только один король», но это, впрочем, не означало, что он стремился добиться неограниченной власти. Глубоко проникнутый чувством справедливости, он стремился соблюдать феодальные права, но он руководствовался также и идеей общественного блага, или общей пользы. И ради общественного блага он всегда готов был посягнуть на те частные права,

использование которых шло в ущерб обществу, равно как и на давно укоренившиеся обычаи, как, например, обычай кровной мести. Так, он добивался искоренения частных войн, которые происходили по давно утвердившемуся сеньориальному праву войны и мира. Сначала он запретил их в домене, а в землях сеньоров ввел «40 дней короля», срок, в течение которого в случае конфликта нельзя было нападать и можно было апеллировать к королю. Позднее он издал более суровый указ, по которому частные войны были запрещены во всем королевстве, и более того — запрещено было ношение оружия. От частных войн больше всего страдали крестьяне, что король прекрасно понимал, и в одной из инструкций он выразительно писал: «Знайте, что мы запретили в нашем королевстве всякие войны, поджоги и помехи земледельческому труду». Его служащие, насколько известно, действительно проводили в жизнь эти указы, карая, например, тех, кто носил оружие, и нередко злоупотребляя при этом своей властью, но покончить с этими нарушениями, конечно, не удалось.

Людовик IX как благочестивый человек вообще был против всякого несправедливого пролития крови, которого можно было бы избежать. По этой причине он запретил проведение рыцарских турниров, поскольку в то время их участники еще сражались боевым оружием, и поэтому бывало немало жертв. Его запреты частных войн, турниров, ношения оружия были очень непопулярны в феодальной среде, где короля даже обвиняли в том, что он покровительствует простым людям и стремится уничтожить привилегии сословия знати. В действительности Людовик IX прежде всего хотел быть справедливым, полагая, что закон равен для всех и никто не может безнаказанно совершать преступления, посягая на чужую жизнь. Когда он сам вершил суд, то назначал очень суровые наказания знатым лицам за тяжкие уголовные преступления и даже не допускал, чтобы таких лиц казнили тайком, утверждая, что всякий суд во всем королевстве «должен производиться открыто и перед народом».

При всем недовольстве теми или иными мероприятиями Людовика IX открытых вооруженных выступлений против него не было. Последняя антикоролевская коалиция действовала в 1240-1242 гг., когда он еще не занялся реформаторской деятельностью и когда была еще жива его мать. С этой коалицией ему пришлось бороться лично, хотя Бланка Кастильская, конечно, помогала ему. Это феодальное движение производило тогда внушительное впечатление, ибо оно охватило почти весь юго-запад и некоторые центральные области Франции и солидарность с ним открыто выразили король Арагона, император Фридрих II и король Англии Генрих III, который переправился через Ла-Манш с войском, правда небольшим, и вступил в область Пуату, которая ранее принадлежала английской короне и бароны которой изъявили желание вернуться под ее власть. Но как и ранее, в годы правления Бланки Кастильской, коалиция была очень непрочной, ибо ее участники были солидарны друг с другом преимущественно на словах. Людовик IX возглавил тогда армию, двинувшуюся в Пуату, где он быстро нанес поражение и восставшим баронам, и англичанам, а на Юге движение было подавлено его сенешалями. И, как писал французский хронист Гийом де Нанжи, «с этого времени бароны Франции перестали предпринимать что-либо против короля».

Королю приходилось защищать и утверждать свои права перед лицом не только светской феодальной знати, но и Церкви. На первый взгляд, при его чрезвычайной набожности между ним и церковью должно было царить полное согласие, и король Франции, как писали в его время, «всегда является щитом церкви». Действительно, он считал себя верным слугой и защитником церкви, но это вовсе не означало, что он готов был поступиться какими-либо своими правами в ее пользу. Он придерживался хорошо уже известной тогда доктрины двух мечей (меч духовной и меч светской власти), предполагавшей четкое разделение властей. И поскольку духовные сеньоры, епископы,

обладали светской властью и светскими сеньориями, то по отношению к ним король выступал в качестве сюзерена и имел право требовать принесения вассального оммажа и выполнения вассальных повинностей, вплоть до несения военной службы — если не личной (а бывало и такое), то предоставлением вооруженных отрядов. Иначе говоря, все то, что принадлежало церкви от мира, было подвластно королю как сюзерену. В письме к Папе Римскому Людовик IX выразил это в наиболее радикальной форме: «Право короля таково, что он может взять, как свои собственные, все сокровища церквей и все их доходы для своих нужд и для нужд королевства».

Он ясно различал церковь небесную и церковь земную. Ради небесной он готов был пожертвовать всем, но что касается земной, представленной духовенством, то несмотря на выказываемое им уважение к нему, он знал, что оно подвержено тем же страстям и порокам, что и миряне (каков мир, таков и клир). Он облагал церкви налогами, требуя особенно много денег при подготовке крестовых походов. Французское духовенство жаловалось на короля Римским Папам, но безуспешно, и в его свите ходила поговорка: «Нынче клирики закабалены сильнее, чем миряне». Насколько известно по сохранившимся документам, к концу правления Людовика IX многие епископы и монастыри были в долгах, которые они делали у ломбардских ростовщиков, чтобы удовлетворить требования короля, как, впрочем, и Пап.

В отношениях с Папами король отнюдь не был послушным сыном Церкви и руководствовался политическими соображениями. Но в одном он сделал большую уступку Риму: он согласился на введение во Франции папской инквизиции. Инквизиция католической церкви была создана по решению одного из Соборов еще в конце XII в. для расследования дел о ереси и ее искоренения. Тогда этим занимались особые комиссии при епископах, которые рвения не проявляли и к суровым наказаниям не прибегали. Но в начале XIII в. по Европе стала быстро распространяться ересь катаров, которая достигла наибольших успехов на юге Франции, в Лангедоке, где получила название альбигойской (по городу Альби, главному центру еретиков). Явно враждебная Католической Церкви, эта ересь вынудила Рим принять самые энергичные меры: с согласия французского короля Филиппа II Августа был объявлен крестовый поход, в котором приняли участие главным образом северофранцузские феодалы. Он положил начало так называемым Альбигойским войнам (1209-1229 гг.), последние эпизоды которых приходятся на время правления Людовика IX. Антикоролевское движение в Лангедоке в 1240-1242 гг., которое возглавил тулузский граф Раймонд VII, было напрямую связано с этими войнами, благодаря которым французская монархия наложила свою тяжелую руку на эту ранее независимую от нее область. Кстати, последний оплот альбигойцев, крепость Монсегюр, был взят только в 1244 г. после десятимесячной осады.

Одновременно Рим стал всячески активизировать деятельность инквизиции, которая в 1227 г. была окончательно изъята из рук епископов и передана недавно возникшему Ордену доминиканцев. Если раньше церковь исходила из того, что она в борьбе с ересью не может прибегать к насилию, а должна использовать лишь силу убеждения, то теперь ее взгляд на это коренным образом изменился. Инквизиционные трибуналы получили право применять пытки при расследовании дел и присуждать упорствующих в ереси или совершающих рецидив ереси к казни через сожжение. Формально, правда, такие приговоры выносились и приводились в исполнение не самим церковным судом. Церковное судопроизводство, в том числе инквизиционное, всегда придерживалось правила ни за какие преступления не выносить смертных приговоров, ибо Церковь не может позволить себе пролитие крови. От закоренелых еретиков Церковь отрекалась и передавала их в руки светского правосудия, которое выносило смертный приговор и приводило его в исполнение. Поэтому инквизиция нуждалась в поддержке светской

власти. Кстати, только светская власть могла обеспечить и охрану инквизиторов, ибо случаи их убийства, по вполне понятным причинам, были не редки. Однако на введение папской инквизиции было необходимо согласие короля, и короли отказались допустить ее в свои королевства.

Можно легко понять, почему Людовик IX с Бланкой Кастильской ввели папскую инквизицию в 1233 г., если принять во внимание их чрезвычайную набожность и верность католицизму, а также и то, что южная часть их королевства оказалась наиболее «инфицированной» ересью. Они, конечно, не могли предвидеть, какими страшными гекатомбами будет сопровождаться деятельность папского инквизитора. Им был назначен доминиканец брат Роберт Малый, который сам был некогда катаром, за что получил прозвище Бугр, то есть болгарин. Этот этноним был в то время синонимом еретика, потому что ересь катаров пошла в Европу из Болгарии. Вернувшись в лоно Католической Церкви, Роберт Бугр, во искупление прежних грехов, проявил такую рьяность в деле истребления еретиков, что в конце концов его сместили и посадили в тюрьму как человека явно ненормального. Свою деятельность он начал в Лангедоке, а затем переместился в Шампань, Пикардию и Фландрию. В 1239 г. по его приговору в Шампани, в местечке Монт-Эме, однажды сразу было сожжено 183 человека. И как писал хронист Муске, Роберт Бугр «действовал по воле короля», и его «сопровождали королевские сержанты». Что думал по этому поводу Людовик IX, который несомненно знал о результатах действий инквизитора? Ни один из авторов воспоминаний о нем ничего об этом не сообщает. Может быть, по его настоянию Роберт Бугр, как персона слишком одиозная, был смещен, но против инквизиции как таковой король ничего не имел против, и она все шире разворачивала свою деятельность во Франции. Во второй половине его правления доминиканцы имели инквизиционные трибуналы во многих городах, особенно на юге страны, и все они подчинялись главному инквизитору Франции. О том, как они действовали, и об отношении к ним можно судить по тому, что членам одного из южных трибуналов однажды ночью была устроена засада и всех их перерезали.

На деятельности инквизиции корона неплохо зарабатывала, ибо все имущество еретиков, даже раскаявшихся, конфисковывалось в ущерб правам наследников. Церковь, конечно, претендовала на это имущество, но получала лишь небольшую его часть, в основном же оно отходило к казне. Впрочем, этот источник поступлений в казну скоро иссяк. Когда с помощью инквизиции были разорены многие сеньоры и богатые купцы Лангедока, то остались лишь нищие еретики, которые, в точности следуя учению катаров, вообще отвергали собственность. С них взять было нечего, и тогда начался закат инквизиции.

Вообще введение папской инквизиции, а главное — предоставление ей практически полной свободы действий, ложится черным пятном на царствование Людовика Святого. И дело не только в том, что было слишком много жертв, и жертв часто невинных, но и в том, что инквизиционные суды своей практикой оказали пагубное влияние на светское, королевское судопроизводство. Все их пороки, а именно: секретность, в кою облакалось расследование, пытки, применявшиеся с целью добиться признания вины, произвол никем не контролируемых судей — были переняты светскими судами.

Что касается внешней политики Людовика IX, то хотя он и был самым авторитетным и одним из наиболее сильных на Западе государем, о ком английский хронист Матвей Парижский сказал: «Король Франции является королем земных королей», он никогда не стремился воспользоваться слабостью соседей и за их счет расширить свои владения. Как и во внутренней политике, он руководствовался справедливостью и всегда проявлял желание примирить враждующих в других странах, предлагая свои услуги в качестве посредника и третейского судьи. И все это — ради того, чтобы объединить всех

христианских государей и вообще всех христиан в общем крестовом походе. Но ради той же цели он способен был и изменять своему принципу невмешательства в чужие дела.

Очень показательна в этом отношении позиция, занятая Людовиком IX во время ожесточенной борьбы Пап Иннокентия IV и Урбана IV с последними Гогенштауфенами. Она разгорелась в первой половине XIII в., особенно когда император Фридрих II Гогенштауфен, который был одновременно королем Обеих Сицилий (Южная Италия и Сицилия), начал войну с североитальянскими городами-государствами, формально входившими в состав Священной Римской империи, дабы утвердить там свою власть. В случае успеха он угрожал зажать между своими владениями папское государство, а может, и поглотить его. Людовик IX соблюдал нейтралитет, не поддерживая ни одну из враждующих сторон. Когда Иннокентий IV, прибегнув к старому приему борьбы Пап со светскими государями, объявил о низложении Фридриха II и предложил императорскую корону брату короля Роберу д'Артуа, то Людовик IX за брата отказался от нее и продолжал поддерживать добрые отношения с Фридрихом. Он не раз предлагал свое посредничество, дабы примирить Папу с императором, но Иннокентий IV отказывался от его услуг.

Эти события приняли новый оборот, и Франция оказалась все же увязшей в них после того, как умер Фридрих II (1250). Наследником сицилийской короны был внук Фридриха, юный Конрадин, от имени которого королевством стал управлять незаконный сын усопшего императора Манфред, к которому Людовик IX не питал никаких симпатий, поскольку тот открыто поддерживал хорошие отношения с мусульманами и даже содержал мавританскую гвардию. Иннокентий IV, естественно, не собирался признавать ни Конрадина, ни тем более Манфреда, горя желанием раз и навсегда покончить с Гогенштауфенами. Он начал переговоры с другим братом французского короля, Карлом Анжуйским, о передаче ему сицилийского престола. Карл был человеком крайне честолюбивым, и владений, данных ему старшим братом в качестве удела (графства Анжу и Мэн), ему было мало, поэтому он ухватился за папское предложение. Но необходимо было согласие Людовика IX, который мог запретить брату ввязываться в итальянские дела. Король долго не давал согласия, считая Конрадина законным наследником, но когда на папский престол вступил Урбан IV, француз, знавший короля и умевший к нему подойти, тот дал себя убедить. Ему внушили, что если Сицилией будет управлять свой, надежный человек, то остров станет важной базой снабжения крестоносцев в новом походе на Восток. Он разрешил Карлу собрать войско во Франции и обложил в его пользу французскую церковь налогом. В итоге Карл Анжуйский в начале 1266 г. был провозглашен в Риме королем Обеих Сицилий, а затем в течение примерно месяца завоевал свое королевство, нанеся поражение Манфреду и безжалостно казнив плененного Конрадина.

Очень сложными были отношения французской короны с Англией, поскольку еще в начале XIII в. Филипп II Август захватил большую часть английских владений на континенте у короля Иоанна Безземельного (Нормандия, Мэн, Анжу, Турень и Пуату), так что у англичан оставалась только Гиень с городами Бордо и Байонном. Поэтому сын Иоанна Генрих III всегда поддерживал антикоролевские оппозиции во Франции, а во время движения 1240-1242 гг., как уже говорилось, даже вторгся с войском в Пуату. Но Генриху III приходилось то и дело вести очень тяжелую борьбу со своей баронской оппозицией. Людовик IX не вмешивался в английские дела и не пытался использовать тяжелое положение, в котором оказался свояк (они были женаты на родных сестрах), чтобы захватить, например, Гиень, что ему советовали сделать. Однако его жена, королева Маргарита Прованская, не раз пыталась оказать помощь мужу любимой сестры в обход своего супруга. Она вообще была большой интриганкой и очень хотела бы обладать такой

же властью, какая была в свое время у ее свекрови — Бланки Кастильской. Но для Бланки на первом месте всегда были интересы французской короны, Маргарита же интриговала в пользу своих родичей, совершенно не сообразуясь с политикой супруга. И если бы Людовик IX дал ей волю, то она навлекла бы на его голову немало бед, как сделала это ее сестра Альенора в отношении своего мужа Генриха III. Но Людовик держал ее в строгости и ни до каких политических дел не допускал; боясь супруга, она действовала, иногда с определенным успехом, через деверей, братьев мужа.

Людовик IX, помня о родственных отношениях и руководствуясь чувством справедливости, не позволявшим ему посягать на Гиень, стремился к миру с Генрихом III, несмотря на явно враждебные действия последнего. Он предложил ему компромисс, по которому тот признал бы факт аннексии земель, захваченных Филиппом II Августом, а за это за ним сохранялась бы Гиень, но за нее он должен был принести оммаж французскому королю как сеньору. Генрих в конце концов согласился, и на этих условиях в 1258 г. был заключен мир в Париже. Мир был, конечно, не прочный, и он не помешал разразиться в следующем, XIV веке Столетней войне между Англией и Францией. Но Людовик IX был им удовлетворен и тем, кто его порицал, говорил, что если раньше английский король «не был моим человеком, то теперь входит в мой оммаж». Мысля еще по феодальному, он верил, что оммаж является гарантией мира и политической стабильности.

Большое значение для внешней политики французского короля имели отношения и с пиренейскими королевствами — Арагоном и Кастилией. С Арагоном у Франции было немало взаимных территориальных претензий, но, как и в случае с Англией, Людовик IX постарался мирно урегулировать все спорные вопросы. По договору, заключенному в Корбейле (1258), он отказался от старых французских претензий на Руссильон и графство Барселона, которые были некогда захвачены Карлом Великим. В ответ король Хайме I отказывался в пользу французской королевы, своей кузины, от претензий на некоторые земли в Провансе, а в пользу Людовика IX — от претензий на земли в Лангедоке, но сохранял за собой Монпелье. Чтобы укрепить союз двух корон, было заключено соглашение о браке арагонской принцессы Изабеллы и наследника французского престола Филиппа. Правда, в то же время Хайме I поддерживал в Италии противников Карла Анжуйского и женил своего сына и наследника престола Педро на дочери Манфреда Констанции, что позволило позднее его сыну, ставшему королем Педро III, предъявить права на престол Обеих Сицилии и изгнать французов, уже после смерти Людовика IX, с Сицилии.

С кастильским королем Альфонсом X, своим кузеном, Людовик поддерживал самые дружеские отношения, благо не было причин для разногласий. Людовик мудро не пытался предъявлять свои права на кастильский престол, которые, как считали некоторые, он имел по линии своей матери. Свою дочь, Бланку Французскую он выдал замуж за наследника Альфонса X Фернандо де ла Серда, который, правда, короны не дождался, умерев раньше отца.

Благодаря своей миротворческой политике и приверженности к справедливости Людовик IX пользовался очень большим авторитетом в политическом мире Западной Европы. Поэтому ему часто предлагали выступить в роли третейского судьи для решения тех или иных политических споров. Так, он мирил сыновей Маргариты, графини Фландрии и Эно, вступивших в конфликт из-за материнского наследства, выступал судьей в споре между королем Наваррским и герцогом Бретонским, графом Люксембургским и герцогом Лотарингским. Не раз умиротворял он так называемое Арелатское королевство, лежавшее на восточных рубежах его собственного, хотя мог бы, пользуясь слабостью империи, в состав которой оно входило, спокойно его захватить. По словам Жуанвиля, Людовика

уговаривали предоставить всем этим господам передрасться между собой, но он отвечал: «Блаженны миротворцы».

Именно его избрали третейским судьей восставшие английские бароны, которые в 1258 г. издали Оксфордские провизии, по которым создавался совет из 15 баронов, без чьего согласия король Англии, Генрих III, не мог принимать никаких решений. На его суд был вынесен вопрос о законности провизий, и он принял решение в пользу короля, считая, что власть помазанника Божьего никто не может ограничивать, и политическая борьба в Англии вспыхнула с новой силой.

Стоит сказать несколько слов и о крестовых походах Людовика IX, о которых подробно пишет в своей книге Альбер Гарро. Идея освобождения Гроба Господня была навязчивой и в то же время руководящей в его политике. Но оба его похода: в Египет и Тунис — завершились катастрофически неудачно. Причин тому много. Это и обман со стороны потенциальных союзников во время египетского похода: норвежский король вопреки обещанию не тронулся в путь, император Фридрих II не только ничем не помог, но и заранее предупредил египетского султана о походе, даже Папа Иннокентий IV, обещавший провести пропаганду крестового похода в Германии, чтобы собрать немецкое войско, в действительности эту пропаганду запретил, желая сохранить немецкое воинство в качестве резерва для себя, в целях борьбы с императором.

Это и отсутствие политических талантов, хотя он и был очень храбрым воином. А также его удивительная доверчивость и своего рода слепота в том, что касалось распространения христианской веры. Как, будучи совсем юным, он поверил, что в христианство можно обратить монголов, и направил к ним посольство со всеми необходимыми предметами культа и монахами, дабы они научили хана, как нужно верить, так и на склоне лет поверил в то, что мусульманский правитель Туниса желает стать христианином. Во многом ради этого он, будучи совсем больным, и тронулся в Тунис, где обрел свое вечное упокоение. По словам одного историка, он так ничего и не понял ни в Востоке, ни в исламе. И все же этими походами, пусть даже и неудачными, скомпрометировавшими крестоносное движение, Людовик IX прибавил себе немало славы как истинный крестоносец, каких в его время было уже мало, и как мученик, при возвращении останков которого во Францию происходило много чудес.

Слава Людовика IX была в то же время и славой Франции. И если его называли «королем королей земных», то о Франции и о французах стали говорить как о новом Израиле и новом народе Израилевом, то есть богоизбранной стране и народе. Когда Людовик IX построил при королевском дворце в Париже Святую капеллу (Сент-Шапель) — там он намеревался хранить терновый венец, приобретенный у константинопольского императора Бодуэна I, — то изображения на ее витражах были сделаны так, чтобы внушать мысль о французском короле как преемнике иудейских царей и главном защитнике истинной веры. А народ такого короля, как писал немного позднее французский политический мыслитель Гийом ле Бретон, «может быть назван народом Израилевым», ибо «из совершенства короля проистекают все блага его подданных».

Отнюдь не случайно на время правления Людовика IX приходится наивысший подъем французской средневековой цивилизации, которая, по словам французского историка Ш. Пти-Дютайи, «никогда еще не доходила в Средние века и не дойдет до такого счастливого расцвета и такой славы». Ее обаяние испытывала на себе почти вся Европа. Французский язык, как самый «усладительный», стал международным языком высшего и вообще образованного общества, играя роль не меньшую, чем в XVIII веке.

Во многих странах читали французскую поэзию и французские романы; на французском писали, например, Марко Поло, знаменитый путешественник в Китай, и Брунетто Латини, учитель Данте. Именно в это время появился самый знаменитый памятник французской средневековой литературы — «Роман о Розе», а по заказу самого короля были написаны «Большие французские хроники».

Французские мастера в это время довели готический архитектурный стиль до такой степени совершенства, какая не была превзойдена в последующие эпохи. Построены были знаменитые Реймский и Амьенский соборы и возведена жемчужина готики — всемирно известная Святая капелла в Париже на острове Сите. Архитекторы всего Запада подражали тогда французским образцам.

Париж при Людовике IX впервые становится своего рода европейским городом-светочем. Особую славу придавал ему университет, ставший в XIII в. крупнейшим центром схоластической науки, куда съезжались учиться, работать и преподавать люди со всей Европы. Во времена Людовика IX в нем работали Альберт Великий и Фома Аквинский, Бонавентура и Роджер Бэкон. Король в 1231 г. торжественно признал независимость университета от светской власти, подтвердил его старые привилегии и предоставил новые. Именно тогда стало складываться убеждение, что французы являются наследниками греков и римлян по части учености и других достоинств: «Греки обладали знаниями, прекрасными науками, великой мудростью жизни и большим искусством красноречия, благодаря чему они вознеслись над всем миром. Но римляне своей искусностью впоследствии лишили их всего этого и присвоили себе славу мира, а по прошествии долгого времени эти знания и науки вместе с законами человеческой жизни по воле Божьей и благодаря заслугам наших отцов оказались перенесенными к нам, французам».

В общем Франция в годы правления Людовика IX казалась благословенной страной, пользующейся таким благоденствием, какого не знали многие другие страны в то время и которое сама Франция после его кончины стала постепенно утрачивать. Поэтому этот король, проявлявший всегда справедливость и милосердие, был предметом любви и восхищения не только современников, но и потомков.

В заключение необходимо сказать несколько слов о предлагаемой читателю книге и ее авторе. Альбер Гарро — очень плодовитый французский исторический писатель, но его творчество лежит несколько в стороне от столбовой дороги, по которой шло развитие французской историографии в XX в. и которую прокладывали основатели так называемой школы «Анналов» — Марк Блок и Люсьен Февр. Гарро всегда главным образом интересовала средневековая религиозная история в самых разных ее аспектах: от жизни святых и истории отдельных культов до духовного наследия видных теологов. Он писал в разных историографических жанрах, но особенно близок ему жанр историко-психологического портрета, в каком написана и книга о Людовике IX Святом. Этот жанр получил распространение в первой половине XX века, что отчасти было связано с резкой критикой, обрушившейся на философию и методологию позитивизма, господствовавших в начале этого века. Отвергнуты были позитивистские положения о существовании познаваемых объективных законов исторического развития, наподобие законов природы, и о возможности объективного познания прошлого.

Поэтому многие историки того времени под влиянием новой философии отказались от критического анализа источников с целью выяснения некой объективной истины, коль скоро она не постижима, и стали просто пересказывать содержание источников, как бы предлагая читателю самому ее конструировать. Жанр историко-политического портрета оказался при этом весьма выигрышным. Не занимаясь критикой и сопоставлением

источников, можно было воссоздавать внутренний, духовный облик исторического героя, каким его видел автор, совершенно не претендуя на объективность.

Именно так пишет портрет Людовика IX Альбер Гарро. Он пользуется только воспоминаниями о нем его современников, не привлекая других, документальных материалов, и не потому, что он не знает этих материалов. Это его методологическая позиция: он пожелал представить короля таким, каким его видели и знали лично общавшиеся с ним люди. Для них он уже при жизни был в ореоле святости, хотя здесь, несомненно, имела место определенная абберрация воспоминаний, поскольку все они были написаны после его канонизации. И именно святым человеком встает Людовик IX со страниц книги Альбера Гарро. Можно, наверное, упрекнуть автора в чрезмерной идеализации героя. Но его безусловной заслугой является то, что он дал очень яркий, выразительный и впечатляющий портрет действительно одного из наиболее выдающихся людей западного Средневековья.

Малинин Ю. П.

I. Начало правления Людовика VIII

Святые рождались и жили в самых разных местах, но Людовик Святой принадлежал к особой земле, и свои героические титулы он завоевал не вопреки этому факту, а в полной связи с ним. Связь между Людовиком Святым и его королевством — основная часть его призвания.

Какой же была Франция, в которой он родился? Прежде всего, конечно, королевством духовным, основанным на идеалах братства и правосудия, столь дорогих для ее клириков, баронов и принцев, но еще и прекрасным светским доменом, чья мощь росла с каждым днем. Филипп Август, дед Людовика IX, стал первым королем, который внушал страх своим подданным; он сравнился в могуществе с самыми знатными феодалами и смог завоевать вдвое больше земель, чем у него было при восшествии на престол.

Границы Французского королевства были установлены еще по Верденскому договору. Его рубежи со Священной Римской империей проходили по линии от Северного моря через Гент, Оденард, Турне, Дуэ, Гиз, Лизьер, Витри-ле-Франсуа, Жуанвиль; затем рубежи захватывают течение Соны и Роны, Лион — город Священной Римской империи, — Средиземноморское побережье, Эг-Морт до Нарбонны и Пиренеев, а на западе — до Атлантического океана, ибо и герцог Бретонский приносил оммаж Филиппу Августу.

Король обладал непосредственной властью только в своем домене. Прочие графства, герцогства или сеньории принадлежали по наследству его более или менее независимым вассалам, обязанным своему государю лишь клятвой верности, военной службой и денежной помощью в строго определенных случаях. Королевская же политика сводилась к тому, чтобы постепенно поглотить их и присвоить их прерогативы; она завершится только при Людовике XI. Сами крупные фьефы подразделялись на множество мелких сеньорий, что усложняло и бесконечно запутывало феодальную иерархию. Королевский домен, терпеливо собранный первыми Капетингами, состоял прежде всего из Иль-де-Франса и Орлеанэ; Филипп I присоединил к нему французский Вексен и виконтство Буржское, Людовик VI Толстый — сеньории Корбейль и Монлери; наконец, Филипп Август и его сын Людовик VIII приобрели Артуа, Вермандуа, Валуа, нормандский Вексен, графства Эвре, Мелан, Алансон, Перш, Нормандию, Турень, Лимузен, Перигор, Анжу, Мэн, Пуату, Овернь, Ангумау. Короли управляли своим доменом, беспрестанно

разъезжая по нему со своим двором; традиция таких разъездов просуществует вплоть до Людовика XIII. Никакой рутины в администрации, никаких промежуточных бюро — контакты прямые, а власть носит прежде всего моральный характер, ибо король — патриарх и судья. В то время Францию покрывали поля, засеянные зерном, леса, привольные и благородные пейзажи, в которых не было ничего гигантского и подавляющего, с маленькими городками, увенчанными величественными соборами: в течение столетий никто не дерзал посягнуть на них, ибо даже самые ограниченные люди смутно чувствовали их красоту и уникальную ценность.

Филипп Август вззошел на трон в возрасте 15 лет; именно тогда он заявил, что желает, чтобы к концу его правления королевство стало таким же могущественным, как и во времена Карла Великого. Его ум, энергия, упорство были замечательны. Весельчак, добрый католик, справедливый и прямой в своих поступках — так говорит о нем хронист; жесткий по отношению к сопротивлявшейся ему знати, он любил пользоваться услугами простых людей. Бесспорно, он был склонен и к двуличию и к жестокости и сочетал в себе добродетели к пороки, что, впрочем, было свойственно всем северянам. Он создал первых королевских чиновников — бальи и прево.

Филипп Август проводил необычайно смелый и сложный политический курс. Он начал борьбу против самого могущественного соперника Капетингской династии — Генриха II Плантагенета, уже с самого начала своего правления являвшегося хозяином половины Франции. Унаследовав от отца графство Анжу, а королевство Английское и герцогство Нормандское от матери, Генрих II по браку приобрел Пуату, Гиень и почти все западные провинции. Один из его сыновей женился на наследнице Бретани. Сын Генриха II, Ричард Львиное Сердце, был не только могущественным государем, как и его отец, но и блестящим рыцарем. Филипп Август воевал и с ним, затем оба отправились в крестовый поход; французский король обрек поход на провал, возвратившись ради своих интересов во Францию. Когда Ричард погиб, английский трон перешел к его брату Иоанну, жестокому и презренному государю, приказавшему убить своего племянника Артура, герцога Бретонского. В ответ на это преступление Филипп Август захватил у него те провинции во Франции, чьим сюзереном являлся: Нормандию, Анжу, Турень, Пуату. Папа Иннокентий III отлучил Иоанна от церкви и низложил его. Чтобы сохранить корону, Иоанн принес оммаж Папе и попросил помощи у императора Оттона, который, считая себя сюзереном всех королей Западной Европы, напал на Филиппа Августа, требуя вернуть Иоанну захваченные земли. Но войско Оттона потерпело поражение в битве при Бувине в 1214 г. Этот год — кстати, год рождения Людовика Святого — стал триумфальным для Французского королевства. Иоанн Безземельный оставил Анжу, Бретань, Пуату безо всяких надежд на их возвращение; его восставшие бароны вырвали у него Великую хартию вольностей; его союзник, граф Фландрский, был заточен Филиппом Августом в башню Лувра, где он пробыл 13 лет; германского императора Оттона низложили, и ему пришлось бежать переодетым со своей женой. Повсюду восторгались французским королем, искали его покровительства и защиты. Тогда Филипп Август начал помышлять о походе на Англию, подобно тому как это некогда сделал Вильгельм Завоеватель, а английские бароны передали трон его сыну Людовику, принявшему его. Филипп Август, продолжая делать вид, что не оправдывает своего сына, поставляет ему войска и деньги, а Папа Иннокентий III, рассматривая Англию как фьеф Святого Престола, отлучает от церкви молодого государя, который, тем не менее, сажает армию на корабли и стремительно захватывает юг Англии.

Иоанн Безземельный умер 19 октября 1216 г.; папский легат тотчас же заставил короновать в Вестминстере под именем Генриха III его старшего сына, которому исполнилось всего 9 лет. До этого английские бароны предпочитали Людовика королю

Иоанну, вероломному и алчному; но теперь они посчитали, что для них будет более выгодно поддержать слабого ребенка, нежели такого решительного государя, как Людовик VIII, который привел с собой французские отряды. Отряды Людовика были разбиты под стенами Линкольна, а флот погиб у Кале. Людовик отказался от английской короны и пообещал ходатайствовать перед своим отцом о возвращении англичанам территорий, конфискованных у Иоанна Безземельного.

Филипп Август умер 14 июля 1223 г. после непродолжительной болезни в возрасте 57 лет. Он правил страной 43 года. Филипп опасался, как бы его сын не умер молодым из-за слабого здоровья, а королевство не попало бы в руки регентши-иностранки. Можно представить, что, ощущая угрозу делу всей своей жизни, ему пришлось направить все свои заботы на воспитание своей молодой невестки, жившей при дворе с 12 лет; ее звали Бланка Кастильская.

* * *

Королевская власть стала настолько могущественной, что Филипп Август не считал нужным короновать своего сына при жизни: Людовик VIII был первым Капетингом, не коронованным при жизни отца. Новый король сохранил всех министров предыдущего царствования и назначил канцлером доверенное лицо Филиппа Августа, монаха Ордена госпитальеров Герена, епископа Сан-лиса, хранителя печати с 1203 г., сражавшегося при Бувине.

Матерью Людовика VIII была Изабелла д'Эно, дочь Бодуэна V, графа Фландрского, принеся в приданое Филиппу Августу графство Артуа. Она умерла в 1190 г. в возрасте 19 лет, постоянно боясь быть отвергнутой своим супругом, которого раздражало то, что ее отец не решался поддержать политику короны. Братом Изабеллы был Бодуэн, император Константинопольский. Их предком был Карл Французский, герцог Лотарингский, так что с воцарением Людовика VIII можно сказать, что французская корона вернулась в дом Карла Великого. Похоронили Изабеллу в соборе Парижской Богоматери.

Женитьба Людовика VIII в 1200 г. была предусмотрена в одном из пунктов мирного договора, заключенного между Иоанном Безземельным и Филиппом Августом. Людовик родился в Париже в 1187 г. Как и ему, Бланке Кастильской, его невесте, исполнилось приблизительно 13 лет. Она была дочерью Альфонса VIII, короля Кастилии, прозванного Победоносным после его победы над испанскими маврами при Лав Навас де Толоса в 1212 г., и Алиеноры, дочери английского короля Генриха II. Она была внучкой знаменитой Алиеноры Аквитанской, первой жены Людовика VII, которая бросила его ради брака с Генрихом II Плантагенетом и принесла своему новому мужу в приданое весь запад и часть юга Франции. Высокомерная, жестокая и алчная, она натравливала друг на друга своих мужей, потом настраивала сына английского короля против его отца. Именно она отправилась за молодой Бланкой Кастильской и привезла ее во Францию, где и была отпразднована свадьба. Возможно, Бланка действительно была похожа на свою грозную бабушку: ее обвиняли во властности, высокомерии, упрямстве; она имела над мужем огромную власть. Во всяком случае, она принадлежала к чувственным средиземноморским южанкам с черствым сердцем. Ее враги, бароны, укоряли ее в том, что она была более испанкой, нежели французенкой, и насмеялись над ее кастильским акцентом. Конечно, в ее окружение входило несколько испанцев, которые занимали доверенные посты, но они не имели никакого влияния на политику, проводимую королевой. Иные недруги упрекали ее в скорее пылкой и одновременно педантичной, нежели сознательной, вере. Но для ее славы и блага Франции довольно было и того, что она родила Людовика Святого.

Хронисты утверждали, что королева Алиенора Кастильская была благочестивой, целомудренной, щедрой, мудрой и осторожной. Она основала женский цистерцианский монастырь близ Бургоса и родила Альфонсу VIII двух сыновей, принцев Фернандо и Энрике, и пятерых дочерей, старшая из которых, Беренгария, после брата Генриха унаследовала кастильский трон. Она вышла замуж за своего кузена короля Леона, которому родила сыновей: Фернандо Святого (позднее ставшего королем Кастилии) и Леона и трех дочерей: Алиенору, Констанцию, принявшую монашеский постриг в цистерцианском монастыре в Бургосе, и Беренгарию, вышедшую в 1224 г. замуж за Иоанна де Бриена, короля Иерусалимского, впоследствии императора Константинопольского. Бланку Кастильскую выдали замуж за будущего короля Франции, ее младшую сестру Урраку — за короля Португалии, а Алиенору — за короля Арагона. Папа Иннокентий III отлучил от церкви Беренгарию Кастильскую, ставшую супругой своего кузена, и ее дети могли считаться незаконнорожденными. Политики советовали Людовику VIII от имени Бланки потребовать королевство Кастилию, но та отказалась лишиться престола свою сестру, да и сам Людовик был слишком занят организацией похода в Англию. Позднее один памфлетист упрекнул Людовика Святого в том, что он потерял Испанское королевство по безрассудству и глупости, побоявшись пойти наперекор своей матери. Еще в XVII в. в сборнике французских хартий хранились письма испанских сеньоров, заверявших Людовика VIII и королеву Бланку, что Альфонс Победоносный завещал на смертном одре корону Кастилии детям Бланки; они просили французского короля привезти в Испанию своего сына и изгнать узурпатора. Кажется, переписка между сторонниками этой политики продолжалась и в дальнейшем; в 1221 г. произошло восстание кастильских сеньоров, объявивших себя вассалами и подданными Людовика VIII.

Претензии этого государя на английский престол основывались и на правах Бланки Кастильской. Именно ей Филипп Август после поражения при Линкольне поручил собрать отряды и послать их на помощь Людовику. Сам Филипп Август, таким образом, избегал гнева Папы Римского. Бланка отлично справилась с этим важным поручением. К несчастью, экипированный ею флот затонул, не достигнув английских берегов.

Когда Людовик VIII вступил на престол (1223), ему исполнилось 36 лет. Он был человеком маленького роста, худым и нервным, но с красивым и спокойным лицом и, конечно, с белокурыми волосами, которые унаследовал от своей матери Изабеллы д'Эно. За храбрость в бою его прозвали Львом. Людовика короновал в Реймсе архиепископ Гильом. Королева Бланка была коронована вместе с ним.

В королевстве царил мир, и Людовик задумал посетить все свои владения. Однако в Лангедоке все завоевания альбигойского крестового похода оказались под угрозой. В тот самый час, когда умирал Филипп Август, 27 епископов, собравшихся в Париже по приказу Папы, обсуждали события, происходившие на юге Франции. Еще ранее Святой престол побуждал вмешаться в происходившее французского короля, который всячески уклонялся от этого: Филипп Август предчувствовал, что после его смерти священники все же заставят его сына возглавить поход против альбигойцев, а тот, будучи слаб здоровьем, не сможет долго выносить тяготы этой войны и умрет. Епископ Тулузский Фульк донес до нас эти слова короля, которые оказались пророческими.

С самого начала своего правления Людовик VIII и впрямь выказал большое рвение в этой войне, послав 10 тысяч марок Амори де Монфору и призвав сеньоров принять в ней участие. Королю написал сам Папа, прося искоренить ересь; свое послание он направил и трем епископам: Герену, епископу Санлиса, епископу Лангра и епископу Буржа. Затем

понтифик, внезапно изменив тактику, договорился с Раймоном Тулузским и посоветовал королю отложить наступление. С другой стороны, Папа поддерживал англичан, требовавших возвращения земель на континенте, отнятых французами у Иоанна Безземельного. Однажды Людовик VIII впал в гнев и изгнал клириков, выступавших перед ним в дворцовой зале. Ассамблея прелатов и баронов одобрила его сопротивление папскому легату.

Король начал поход в Южную Францию, как только истекли сроки перемирия — на Пасху 1224 г. Он двинулся на Аквитанию, заключил договор с Гуго де Лузиньяном, самым могущественным сеньором этих краев, овладел Ниором и Ла Рошеллю; затем, подчинив своей власти земли вплоть до берегов Гаронны, Людовик VIII вернулся для переговоров с германским императором, дабы удостовериться, что тот не присоединится к его врагам. Одновременно король поддерживал связи и с английскими баронами, замышлявшими смуту на острове; король же Генрих III, которому исполнилось всего 16 или 17 лет, был не в силах противостоять мятежникам.

Тогда Папа пригрозил отлучением от церкви мятежникам Пуату, Сентонжа, Лимузена, Марша и соседних провинций, перешедших на сторону французского короля, если в течение месяца они не подчинятся Генриху III. Одновременно он послал к Людовику VIII своего легата, кардинала церкви Св. Ангела, Ромена Франжипани, ловкого дипломата, долго остававшегося на этом посту; Людовик VIII отказался продолжать борьбу с английским королем, когда до Бордо уже было подать рукой, и возобновил наступление на Лангедок.

28 января 1226 г. на Парижском Соборе епископы отлучили графа Тулузского, равно как и его приверженцев, от Церкви и объявили о начале крестового похода. Королевские отряды собрались в Лионе и двинулись на юг по правому берегу Роны, земле Священной Римской империи, ибо по равнине было удобнее передвигаться с обозом. Войско намеревалось перейти реку у Авиньона; но когда первые крестоносцы прошли через город, горожан охватил страх и они закрыли ворота. Король решил начать осаду, которая продлилась с 10 июня до 10 сентября 1226 г. Для того чтобы пробить стены, французам пришлось применить усовершенствованные и доселе невиданные осадные машины. Осаждавшие, которые жили в жутких условиях и не могли найти провианта в разоренных войной окрестностях, десятками гибли от голода. Граф Шампанский, проведя 40 дней в королевском лагере, заявил, что согласно обычаям Франции срок его военной службы истек, и вернулся домой со своими вассалами, невзирая на гнев и угрозы Людовика VIII. Наконец Авиньон сдался, а его крепостные стены были снесены.

Войско направилось к Безье, взяв по дороге Бокер, Ним, Кастр, Монпелье, Нарбонну, Каркассон. Король дополнил статуты Памье, данные Лангедоку Симоном де Монфором, и повелел, что все имущество, конфискованное у еретиков, должно отходить короне.

Людовик VIII возвращался во Францию через Овернь вместе с папским легатом, когда в Монпелье его свалил приступ дизентерии, которую он подхватил еще во время осады Авиньона. Ему становилось все хуже; опасаясь смуты в королевстве, он велел призвать сопровождавших его прелатов и сеньоров и потребовал от них поклясться в том, что сразу же после его кончины они принесут оммаж его старшему сыну и коронуют его. Среди прочих у постели умирающего короля находились Готье Корню, архиепископ Санский, епископы Бове, Шартра и Нуайона; граф Блуаский, Ангерран де Куси, Аршамбо де Бур'бон, граф де Монфор, Робер де Куси, маршал Франции, Жан де Нель. Все они со слезами на глазах дали королю письменную клятву и скрепили ее 6 октября двадцатью тремя печатями. Тогда король издал указ, в котором обратился ко всем своим подданным,

потребовав, чтобы они тоже принесли клятву верности его сыну. Он препоручил его заботам Матье де Монморанси и Герена, королевского канцлера, и епископа Санлиса. Еще король захотел, чтобы его сын оставался под опекой Бланки Кастильской вплоть до совершеннолетия, наступавшего по обычаям того времени в 21 год. Его брат, Филипп Лохматый, граф Булонский, сын Филиппа Августа и Агнессы Меранской, которому было тогда 26 лет, показался ему, конечно, слишком молодым, чтобы стать регентом королевства. Людовик также велел раздать по стране милостыню, отдал различные распоряжения и повелел гарнизонам Лангедока хорошо защищать власть его сына и доверенные им крепости. Умер король в ночь с субботы на воскресенье 8 ноября 1226 г., в октаву Всех Святых. Ему едва исполнилось 40 лет. Тело его поместили на носилки, дабы отвезти в Сен-Дени и похоронить подле Филиппа Августа.

Ходили слухи, будто король отравлен; одни говорили, что альбигойцами, другие — Тибо, графом Шампанским, который якобы предал его при осаде Авиньона и питал преступную страсть к Бланке Кастильской. Смерть Людовика оплакивали по всей Франции, а его брат, Филипп Лохматый, казался безутешным. Сожалел о его кончине и Папа, очень его любивший. В его правление купцы и землепашцы жили в мире. А еще говорили, что Людовик был добрым, очень мягким, благочестивым и щедрым. Фома де Камтемре утверждал, что никогда не видел короля в одежде из красного сукна; он очень просто одевался. Филипп Муске добавлял, что Людовик всегда был человеком добродетельным и всегда хранил верность своей супруге, которая любила его так, как только может жена любить мужа. Ничто не омрачало их согласия; особенно любили они своих детей. Гийом де Пюи-Лоран сообщал, что во время последней болезни он отказался спастись, погрешив против целомудрия, что советовал ему сделать Аршамбо де Бурбон .

Бланка Кастильская направлялась со своими детьми к королю, о болезни которого ничего не знала. Юный Людовик Святой ехал на коне довольно далеко впереди кареты. Он первым встретил канцлера Герена, спешившего из Монпансье к королеве, чтобы сообщить ей печальную весть. Муске говорит, что отчаяние королевы было столь велико, что она лишила бы себя жизни, если бы ее не удержали.

* * *

Все достижения Капетингов, завоевания Филиппа Августа оказались под угрозой не только из-за преждевременной смерти Людовика VIII, но еще и из-за оставленного им завещания, которое было составлено в июне 1225 г. К этому времени из его детей в живых остались только пятеро. Старший, Филипп, родился 9 сентября 1209 г., умер в 1218 г. и был захоронен в соборе Парижской Богоматери. Вторым был Людовик Святой. Третий, Робер, появился на свет в 1216 г.; четвертый, Жан — в 1219 г. (он умер, когда был совсем юным); пятый, Альфонс, родился 11 ноября 1220 г.; шестой, Филипп-Дагобер, родившись в 1222 г., был погребен в аббатстве Руаймон; вероятно, он умер тогда же, что и его брат Жан — в 1232 г. Седьмой сын, Карл, родился в марте 1227 г. Два других старших брата Людовика Святого, Жан и Альфонс, умерли очень молодыми, судя по мартирологу собора Богоматери в Пуасси; эпитафия в этом соборе гласит, что смерть помешала им стать королями на земле, но зато сделала королями на небе. Другой, Этьен, крещенный в 1226 г. в соборе Парижской Богоматери в присутствии легата, умер почти сразу после этого. Наконец, у Людовика Святого была сестра, Изабелла Благословенная, родившаяся в конце марта 1225 г. Мы знаем, что в 1205 г. у нее была старшая сестра, которая умерла так быстро, что ее имя осталось неизвестным. Итак, у Людовика VIII было, по меньшей мере, 12 детей, о которых до нас дошли сведения.

По завещанию 1225 г. трем младшим сыновьям выделялись апанажи (пятый же сын, Карл, и те, кому еще предстояло родиться, должны были стать служителями Церкви). Людовик VIII очень неосмотрительно распорядился главными приобретениями короны: Робер получал графство Артуа, Жан — графство Анжу и Мэн, Альфонс — графство Пуатье и Овернь. Нам известно, какие смуты принесли государству обладатели крупных апанажей в годы правления династии Валуа, а потому верность, преданность и семейная дисциплина братьев Людовика Святого достойны восхищения.

Своему старшему сыну Людовик VIII оставлял Французское королевство, Нормандию, отобранную у англичан, золото и серебро, хранившиеся в башне Лувра. Золото, драгоценные камни короны и украшения он завещал на основание аббатства викторианцев, где монахам надлежало молиться за упокой души короля. Наконец, 30 тысяч ливров предназначались королеве и 20 тысяч ливров ее дочери — Изабелле. Душеприказчиками назначались епископы Парижский, Шартрский, Санлиский, а также Жан, аббат Сен-Виктора, который был доверенным советчиком еще самого Филиппа Августа.

* * *

Людовик IX Святой родился 25 апреля 1214 г. У нас есть его собственное свидетельство о дне рождения: он неоднократно говорил Жуанвилью, что появился на свет в день Святого Марка; Жуанвиль же упоминал, что в этот день во Франции совершались покаянные процессии, в ходе которых участники несли черные кресты (возможно, в память об одной из эпидемий) и распевали литании, а распятия алтарей покрывали черной тканью: поэтому этот день также называли «Днем черных крестов». Жуанвиль уверял, что рождение Людовика Святого в этот день предвещало неудачу будущего крестового похода.

Филипп Август отдал своему сыну замок Пуасси, и Людовик Святой неоднократно подтверждал, что именно там его крестили. «Однажды, — пишет Жоффруа де Болье, доминиканец, бывший исповедником короля в течение 20 лет (после него это место занял Гийом де Нанжи, монах аббатства Сен-Дени), — король находился в Пуасси-ле-Шато и, весело смеясь, сказал кое-кому из своих друзей, находившихся тогда с ним, что наибольшую милость и честь, кои он когда-либо получал в сем мире, Господь оказал ему в этом замке. Чему услышавшие сильно удивились, не понимая, о каком счастье ему угодно говорить: они скорее подумали бы, что король говорит о городе Реймсе, где он получил святое помазание и корону Французского королевства. Тогда добрый король улыбнулся и сказал, что в сем замке Пуасси он получил таинство святого крещения, каковое считал несравненно выше всех почестей и достоинств мира как самый ценный дар Бога и самую высокую награду. Также некоторые тайные письма, посылаемые порой своим друзьям, где король избегал упоминать о своем королевском титуле, он подписывал: Людовик Пуассийский, или же Людовик, сеньор Пуасси, предпочитая называться по месту своего крещения, нежели по какому-либо другому, знаменитому городу». В хронике Сен-Дени упоминается, что одному другу, выразившему удивление столь необычным званием, король ответил: «Дорогой друг, я похож на бобового короля, который вечером празднует обретение своего королевства, а на следующее утро его теряет».

Весьма вероятно, что Людовик Святой, будучи крещен в замке Пуасси, там же и родился. В XVIII в. ученый монах Лебеф ревностно защищал точку зрения, согласно которой Людовик Святой родился в замке Ла Невильан-Не, близ Клермона, в диоцезе Бове. Несомненно, молодой принц посещал эти места, но традиция, согласно которой он родился в этом замке, появилась впервые в 1468 г. в патентах Людовика XI, причем в

весьма сомнительной форме. Напротив, есть достоверная информация, которая подтверждает, что Людовик Святой родился именно в Пуасси; так, Филипп Красивый в 1304 г. основал на месте замка доминиканский монастырь под патронажем Людовика Святого; в обители жили 120 монахинь, которые пребывали под пастырским надзором 13 монахов. Робер Клермонский, сын Людовика Святого, устанавливая приданое своей дочери Марии, монахине Пуасси, объявил в хартии от 1329 г., что сей монастырь был основан королем в память о своем предке, родившемся в этом крае. В письмах Карла VI (от 1402 г.) вскользь упоминается о монастыре Пуасси, где, как говорят, родился монсеньор Людовик Святой и который называют за великую древность «Яслями Людовика Святого»; на том самом месте, где стояла постель королевы Бланки, когда она произвела на свет Людовика, построили алтарь, вследствие чего эта церковь монастыря обрела совершенно иной вид, чем все прочие.

Якобинцы Пуасси, устроившие огромный алтарь в своей церкви, уверяли, что королева Бланка родила Людовика Святого благодаря тому, что молилась св. Доминику и перебирала четки. Королевский замок находился рядом с церковью Пресвятой Богородицы (он существует и поныне). Рассказывают, что Бланку Кастильскую для пущего спокойствия отвезли на ближайшую ферму, названную «Яслями Дам» или Яслями Людовика Святого, и именно там родился ребенок. В 1219 г. близ этой фермы возвели часовню.

В часовне при церкви в Пуасси, посвященной Людовику Святому, хранили купель, где, как считали, и был крещен будущий король. Считалось, что каменная пыль, которую соскребали со стенок этой купели и смешивали с водой, исцеляет от лихорадки. Преподаватель грамматики в Наваррском коллеже Николя Мерсье, выздоровев таким образом, повелел в 1601 г. восстановить часовню: купель поставили на постамент, а рядом с ней — памятную надпись над изображением святого короля. В этой церкви, ставшей приходской, до сих пор сохранились обломки крестильной купели в нижней части часовни. Внутренняя же ванна из золота и позолоченного серебра давно исчезла.

В одном из документов Палаты Счетов сохранилось имя кормилицы Людовика Святого — ее звали Мария Пикардийка. В 1397 г. ее наследникам принадлежала должность пристава Шамбруа, пожалованная ей, несомненно, в награду за верную службу.

Мы довольно мало знаем о первых годах жизни Людовика Святого, когда он еще не был наследником трона. Королевские дети, доверенные фрейлинам королевы, следовали за своей матерью в ее разъездах по замкам и городам. Они вели скромный, спартанский образ жизни, перенося холод, ненастье, ели от случая к случаю. Бланка Кастильская сама учила своих детей читать Псалтырь. Она очень заботилась об их душах и желала, чтобы они были достойны своего имени и положения, которое им предстояло занять в мире.

«Господь, — говорил Жуанвиль, рассказывая о детстве Людовика Святого, — сохранил его посредством добрых наставлений его матери, учившей верить в Бога и любить его; она собрала вокруг него всех священников и заставляла его, хотя он и был ребенком, творить все молитвы и слушать весь Часослов по праздникам. Он вспоминал, что мать порой давала ему понять, что скорее предпочла бы, чтобы он умер, нежели впал в смертный грех».

Кто же были эти священники, столь близкие к французскому двору? Прежде всего, с самого основания их аббатства монахи Сен-Виктора: аббат Гильдуин был исповедником Людовика IV Толстого; Филипп Август с большим уважением относился к аббату Жану Тевтонцу; в 1220 г. Бланка Кастильская исповедовалась приору Сен-Виктора в Париже,

который располагал необходимыми полномочиями, дабы освободить ее от обета опасного паломничества. Затем — цистерцианцы, еще не растратившие пыл святого Бернарда и в предыдущем столетии стяжавшие лавры великими духовными завоеваниями. Но эти монахи вели затворническую жизнь в стенах монастырей и лишь в исключительных случаях появлялись в светском обществе; монахи же, встречающиеся в миру каждодневно, принадлежали к новым нищенствующим Орденам: францисканцев и доминиканцев, которые прибывали в Париж в течение нескольких лет и уже приобрели влияние. Людовик VIII доверял францисканцам: он продолжал держать в заключении Феррана, графа Фландрского, захваченного в плен его отцом в битве при Бувине; а поскольку Ферран почитал святого Антония Падуанского, король назначил четырех надежных монахов-францисканцев, дабы те постоянно навещали узника. С другой стороны. Фома Контемпре рассказывает о юном графе Альбрехте фон Фалькенбере, немце, посланном ко французскому двору, чтобы обучаться с детьми короля, его родственника; Альбрехт, единственный сын в семье, стал в 16 лет доминиканцем. Так что среди приближенных Людовика VIII было предостаточно доминиканцев.

Набожность в те времена находила свое выражение в слушании литургии. Многие знатные особы прослушивали одну или даже две мессы каждый день и держали у себя на службе капелланов, читавших им Часослов. Так же поступал и французский король.

Впрочем, жизнь королевской семьи была простой и строгой. Ригор пишет об эпохе Филиппа Августа: «Ко двору королей и прочих государей всегда стекались толпы жонглеров, выпрашивавшие у них золото, серебро, лошадей или одежды (ибо князья их часто меняют), а также те, кто ради этого веселит их шутками, приправленными лестью. Для пущей уверенности в том, что они понравятся, они учатся услаждать слух князей, бесстыдно притягивая их внимание потоком причуд, смехотворных учтивостей, шутовских непристойных рассказов. Мы видим, как одеяния, искусно изукрашенные изысканными узорами, изготовление коих стоит бесконечных трудов, за которые заплачено, быть может, двадцать или тридцать тысяч марок, государи носят едва ли восемь дней и тут же раздаривают их по прибытии сих скоморохов, каковые на деле являются настоящими слугами дьявола. О позор, ведь стоимости одного из этих платьев хватило бы для нужд двадцати или тридцати бедняков в течение целого года. Однако христианнейший король Филипп Август хорошо видел, что сии вольности только вредят спасению его души, и благодаря Святому Духу помнил постоянно слова, услышанные от людей религиозных и святых, что подавать жонглерам означает приносить жертву демонам; поэтому пообещал от всего сердца Господу, покуда будет жив, всегда отдавать свою одежду бедным...»

К неудовольствию весельчаков, вольные шутки были запрещены как на деле, так и на словах. Чистота нравов Капетингских королей долго вызывала восхищение христианского мира; сегодня их обвиняют в чрезмерной стыдливости; но в течение нескольких столетий представления о «хорошем тоне» так сильно изменились, что желательно кратко напомнить о реальных событиях, породивших знаменитую легенду о Нельской башне.

Три сына Филиппа Красивого, правнуки Людовика Святого, которым было суждено наследовать друг другу на троне под именем Людовика X, Филиппа V и Карла IV, женились соответственно на Маргарите, дочери герцога Бургундского, и ее кузинах Жанне и Бланке, дочерях графа Отгона. Маргарита и Бланка втайне взяли себе в любовники двух братьев, Филиппа и Готье д'Онэ, состоявших в свите короля, и тайно встречались с ними в Нельской башне. После более чем двух лет их связи она была раскрыта. Гнев Филиппа Красивого был ужасен (в то время двор пребывал в Мобюиссоне, и король собрал парламент в Понтуазе). Виновные рыцари, представшие перед судом

равных, сознались в преступлении, и по приговору с них живыми содрали кожу. Казнь состоялась в Понтуазе 12 апреля 1314 г. на площади Мартруа; затем обезглавленные тела подвесили на виселице.

Все соучастники прелюбодеяния подверглись преследованиям. Привратника, сознавшегося в том, что он потворствовал свиданиям виновных, казнили. Римский кардинал Пьетро Пергроссо, епископ церкви святого Георгия из Ордена доминиканцев, которого изобличили в поставке любовникам приворотного зелья, был арестован в монастыре святого Иакова и отправлен в Авиньон на суд коллегии кардиналов. Народ, потрясенный таким жестоким наказанием, и в самом деле склонен был верить, что принцессы, из коих самая молодая была еще ребенком, стали жертвами колдовства. Прочих соучастников из различных слоев общества подвергли пыткам, а затем тайно казнили, зашив в мешки и бросив в Сену — такая казнь в эту эпоху полагалась за оскорбление королевского величества.

Король сразу отдал приказ заключить трех своих невесток в темницу. Закутанных в черное виновниц посадили на телеги, дабы препроводить в Андели. Они же думали, что их везут на смерть. Жанна изо всех сил кричала прохожим, которые встречались на дороге и в ужасе отшатывались от нее: «Бога ради, скажите моему сеньору Филиппу, что я умираю безгрешной!» Ее муж добился, чтобы его супругу привели к королю, перед которым она сумела оправдаться; тем не менее ее заключили в замок Дурдан до того часа, пока ее дело не было рассмотрено баронами королевства, которые позволили ей занять свое место при дворе.

Маргарите и Бланке остригли волосы и, одев их в грубое шерстяное рубище, бросили в крепость Шато-Гайяр. Их посадили в разные камеры, и с Маргаритой, как со старшей и, несомненно, более виновной, обходились жестче; она не жаловалась и денно и ночью оплакивала бесчестье, которое навлекла на дам и королев своей страны.

После долгих месяцев заключения она умерла; ходили слухи, что ее задушили. Бланка много плакала, но ни в чем не захотела сознаться. Ее муж, ставший королем под именем Карла IV, добился расторжения их брака в Римской курии. Тогда Бланку Бургундскую после одиннадцати лет заточения перевели в аббатство Мобюиссон, где укрылась и ее мать; она стала монахиней и умерла по истечении года.

В 1314 г. в Понтуазе смертельная болезнь настигла Филиппа Красивого. Он повелел перевезти себя в Фонтенбло, где вскоре скончался, сломленный позором, постигшим его семью.

II. Регентство Бланки Кастильской

Итак, после смерти Людовика VIII королем стал двенадцатилетний ребенок, а королевой-регентшей — иностранка. Узнав об этом, толпы клириков и сеньоров начали покидать двор; однако самые мудрые из них остались верны короне и отвезли юного короля в Париж. Те сеньоры, кто пообещал Людовику VIII признать его сына королем, обратились с посланиями к своим вассалам с требованием последовать их примеру.

Бланка Кастильская показала себя очень умной и ловкой правительницей: Ей удалось поддержать престиж, который монархия приобрела со времен Филиппа Августа; она не только упрочила власть своего сына, но и научила его, как должно вести себя, дабы снискать уважение своих подданных и сделать свое королевство процветающим. Она стала первой женщиной среди Капетингов, которая официально правила Францией, и ее по праву можно поставить в один ряд с самыми выдающимися королями этой династии.

Став регентшей, Бланка могла рассчитывать на поддержку римского кардинала, папского легата, вместе с Людовиком VIII участвовавшего в роковой экспедиции на юг и сопровождавшего гроб с телом короля в Париж. Она привлекла на свою сторону нищенствующие Ордена и всех священников, верных Папе. Как только она вмешалась в события, происходившие в Англии, защищая права молодого Генриха III против французской партии, папа решительно принял сторону Людовика IX. Правда, при этом он руководствовался иными соображениями, нежели заботой о вдове и сироте: политика Рима основывалась на идее независимости народов и равновесии христианских сил. Для папства объединение Англии и Франции под единой властью или возникновение анархии в Англии было опасностью, которой оно всеми силами старалось избежать.

Соперничество между баронами стало главным козырем Бланки Кастильской — нельзя было дать им время договориться. По совету кардинала-легата и душеприказчиков Людовика VIII она решила поспешить с коронацией сына. Получив корону, он мог бы действовать от своего имени и требовать повиновения как законный государь; королева же, его мать, довольствовалась бы тем, что направляла его шаги. Людовик VIII умер 8 ноября, а епископов и баронов созвали в Реймс на коронацию уже 29 ноября, в первое воскресенье Адвента. Такая спешка спутала планы баронов. Они требовали, чтобы до коронации освободили политических узников (как того требовал обычай), и среди прочих Феррана, графа Фландрского, и Рено, графа Булонского, захваченных в плен в битве при Бувине. Некоторые сеньоры потребовали вернуть им земли, по их словам, несправедливо отобранные Филиппом Августом и его сыном. Надо полагать, что одна партия баронов, с графом Шампанским во главе, возникла еще во время осады Авиньона. В Париж прибыла графиня Жанна Фландрская, предлагая деньги и требуя освободить своего мужа, но ее уговорили подождать до тех пор, пока не пройдет коронация.

Тогда королева, не мешкая, привезла своего сына в Реймс. Они проехали через Суассон, где короля посвятили в рыцари в присутствии короля Иоанна Иерусалимского, графов Булонского и Дре, графини Фландрской и Шампанской и остальной знати.

Многие сеньоры не прибыли в Реймс, но прислали свои извинения. Граф Шампанский пожелал присутствовать на коронации, но королева попросила его воздержаться от этого шага, ибо он бросил Людовика VIII при осаде Авиньона. Однако присутствовали бароны всех земель, завоеванных Филиппом Августом. Поскольку престол архиепископа Реймского был вакантным, церемонией распоряжался епископ Суассонский.

Людовик Святой, говорит Жуанвиль, много размышлял в тот день над словами молитвы во время мессы, молитвы, выраженной псалмом 24: «К Тебе возвышаю я душу свою: о мой Боже, вверяю себя Тебе; да не испытаю я смятения в Тебе, ибо Ты придешь в назначенный час. Да не возрадутся мои враги, ибо никто из уповающих на Тебя не будет поражен. — Господи, дай познать мне Твои промыслы и укажи мне Твой путь...»

Коронация завершилась, король воссел на трон, герцог Бургундский, духовенство и присутствующие бароны поклялись ему в верности. Весть об этом тотчас же разослали во все концы королевства, и Бланка приняла оммаж как регентша.

На следующий день она увезла короля в Париж. Ни в Париже, ни в Реймсе не устраивали никаких праздников и развлечений; однако как раз в это время стало известно о победе королевских войск над альбигойцами. Среди сеньоров начались волнения. Англичане ввязывались в стычки с французами, в надежде вернуть себе земли, отнятые у них Филиппом Августом и Людовиком VIII.

Бланка снова продемонстрировала замечательную осторожность и силу духа. Ее деверь, Филипп Строптивый, вполне мог возмечтать занять ее место — регентша подкупила его, передав замки Мортен и Лилльборн, оммаж графа де Сен-Поль, осыпав милостями других сеньоров, выпустила за выкуп из заключения Феррана, графа Фландрского, своего племянника, превратив его в союзника короны. Однако Тибо, граф Шампанский, Пьер Моклерк, граф Бретонский, и граф Маршский возглавили мятежников. Пьер Моклерк («дурной клирик», прозванный так за то, что долго обучался в Париже и изрядно поиздевался над духовенством своих доменов) был главным врагом короля. Впрочем, и при Людовике VIII, во время осады Авиньона, эти сеньоры не скрывали своей симпатии к осажденным; возможно, граф Шампанский даже тайно посещал город. Вместе с отрядом пуатевинцев и гасконцев к восставшим сеньорам присоединился Савари де Молеон, и они заключили союз с Ричардом Английским, братом короля Генриха III, с 1225 г. находившимся в Бордо.

Чувствуя свою силу, бароны заговорили открыто и потребовали одарить их землями в обмен на подчинение; но Бланка отказала им. Граф Бретонский начал укреплять на свои средства крепости Беллем и Сен-Жак-де-Беврон, вверенные ему для охраны Людовиком VIII.

Регентша приняла решение опередить мятежников. Она созвала к королю войско в Шинон, куда прибыли кардинал-легат, граф Булонский и даже граф Дре, брат Пьера Моклерка. Граф Шампанский, утратившись королевской армии, лично появился в Шиноне, чтобы предложить королю свою службу и пообещать, что никогда более не поднимет восстания. Людовик оказал ему радушный прием и тут же простил ему бегство от стен Авиньона. Взамен Тибо раскрыл ему планы заговорщиков.

Тогда графов Бретонского и Маршского вызвали в парламент и королевский суд: в случае неявки мятежникам пришлось бы сражаться с королевской армией. 20 февраля 1227 г. Людовик Святой в сопровождении своей матери прибыл в Тур, где был торжественно принят в базилике святого Мартина. На следующий день он приехал в Шинон, куда оба мятежника так и не явились. Король продвинулся с войском до Лудена, потом остановился в Вандоме, куда, получив последнее предупреждение, прибыли с повинной графы Бретонский и Маршский. Граф Бретонский подписал договор, помимо всего прочего предусматривающий брак его дочери Иоланты с восьмилетним Жаном, братом французского короля. Иоланту передали королеве, отдавшей ее под опеку дяде, Генриху де Дре, архиепископу Реймскому. По тому же договору граф Маршский возвращал короне все земли, пожалованные ему Людовиком VIII; кроме того, Альфонс, брат Людовика Святого, женился на Изабелле, дочери графа, а Гуго, старший сын графа, — на Изабелле Французской, единственной сестре Людовика Святого. Как раз в это время французские епископы заседали на Соборе, где обсуждались беспорядки, причиной которых были альбигойцы; и восставшие бароны явно опасались, что Собор осудит их действия. Правда, Савари де Молеон со своими пуатевинцами все же присоединился к Ричарду Английскому, однако король Генрих III заключил перемирие с Францией сроком на год, видя, что ему не удастся воспользоваться в своих интересах уже угасающим мятежом.

В том же году умер Герен, епископ Санлисский и канцлер королевства. Будучи человеком предусмотрительным, он всеми силами способствовал установлению мира с баронами. На его место был назначен Адам де Шамбли, магистр теологии и проповедник.

Однако вскоре заговорщики устыдились, что так быстро уступили ребенку и женщине. На Пасху 1228 г., нарушив Вандомский договор, графы Бретонский и Маршский призвали баронов взяться за оружие, дабы вырвать власть у королевы. Собравшись в Корбейле, они отправили своих людей, чтобы захватить короля. Но Людовик, прознав про замысел мятежников в Орлеане (возможно, его предупредил граф Шампанский), тут же поспешил вернуться в Париж. Прибыв в Шатр-су-Монлери (ныне Арпажон), он не осмелился продолжать путь со слабым эскортом мимо Корбейля, где находились все силы восставших. Тогда Бланка Кастильская обратилась к парижанам с просьбой прийти на помощь королю. Те с радостью согласились и посоветовали ей попросить о том же жителей соседних городов. Все рыцари, находившиеся в Париже, немедля вооружились и отправились за королем, чтобы под охраной привезти его в столицу; народ теснился на протяжении всего пути в столицу, громко моля Господа ниспослать королю жизнь и благоденствие и уберечь его от всех врагов, и бароны не осмелились напасть на Людовика и отступили. Необычайный кортеж, конечно, поразил всеобщее воображение. Сам король так описывал эту сцену Жуанвилю: «Он [Людовик Святой] мне рассказал, что от Монлери до Парижа дорога была заполнена вооруженными и безоружными людьми и все зывали к Господу, дабы послал он ему добрую и долгую жизнь, и защитил и оградил от врагов. И Бог совершил сие, как вы скоро услышите».

Тогда мятежники решили передать регентство дяде короля — Филиппу Строптивому, поначалу безропотно согласившемуся с завещанием Людовика VIII. Но бароны сумели разжечь его честолюбие и зависть, и на сей раз он поддался уговорам. Одновременно против Бланки Кастильской они развернули самую настоящую клеветническую кампанию. С другой стороны, графа Шампанского обвиняли в предательстве баронов из-за любви к королеве, и ненависть мятежников обратилась и против него. Впрочем, то, что Тибо перешел на сторону короля, можно объяснить и более вескими причинами — его недоверием к планам баронов, которые подумывали о том, чтобы посадить на французский трон графа Булонского или сеньора Ангеррана де Куси, связанного узами родства с самыми знатными семействами королевства, человека жестокого и свирепого. Завладеть престолом мечтал и граф Бретонский.

Когда граф Булонский принялся укреплять свои крепости, особенно Кале, королева поняла, что он вынашивает опасные планы. Но она не могла остановить Филиппа Строптивого, так как его поддерживали все сеньоры, за исключением графов Фландрского и Шампанского.

Не осмеливаясь напасть прямо на регентшу, бароны набросились на графа Шампанского, у которого были враги среди собственных вассалов, упрекавших его в том, что горожан он предпочитал сеньорам. Тибо снова обвинили в предательстве и отравлении Людовика VIII. Граф Булонский объявил ему войну, и бароны захватили его земли. Пьер Моклерк, граф Бретонский, убедил английского короля вмешаться в конфликт на стороне восставших, подав ему надежду на возвращение Нормандии; и едва получив первую помощь от Ричарда, брата короля Генриха, банды графа Бретонского ринулись грабить Францию.

Бланка потребовала от городских коммун принести клятву верности королю. Затем она потребовала от баронов, развязавших войну против графа Шампанского, заключить с ним перемирие и явиться к королю для исполнения военной службы, на каковую он, как их государь, имел право. Ни один из сеньоров не посмел отказаться, но каждый привел с собой лишь по два рыцаря вместо крупных отрядов, на которые рассчитывала регентша. Один лишь граф Шампанский собрал три сотни хорошо вооруженных воинов, которые подспели как раз в тот момент, когда король в них больше всего нуждался. Туда же

явился и граф Булонский. Впрочем, под знамена короля все равно собрались многочисленные отряды, присланные коммунарами, городами и знатью.

С этим войском король и регентша направились прямо к Беллему, оставленному по Вандомскому договору графу Бретонскому. Осада началась в марте 1229 г.; стояли сильные холода. Королева велела объявить, что заплатит всем, кто доставит дрова в войско; таким образом, удалось разжечь огромные костры в лагере, возле лошадей, чтобы их уберечь. Подобная предусмотрительность пришлась по нраву сеньорам. Осаждавшие пошли на приступ; во время второго штурма, развернувшегося около полудня, под стенами сделали подкоп; но осажденные упорно сопротивлялись. Наконец установили машины, забросали крепость камнями, подкопали донжон — тяжелая башня покосилась и рухнула. Видя, что подкрепления, обещанные англичанами и бретонцами, так и не появились, горожане сдались. Так король в считанные дни взял крепость, считавшуюся неприступной.

Ричард Английский, который рассчитывал, что все французские сеньоры будут сражаться под его знаменами, разочаровавшись, вернулся в Англию. Один Пьер Моклерк был настроен продолжать борьбу. Король послал Гийома Овернского, епископа Парижского, к сеньорам Бретани, после чего те отказались поддерживать своего графа, союзника англичан. Говорят, Людовик Святой не пожалел денег, чтобы добиться успешного завершения посольской миссии, и щедро раздавал сокровища, накопленные его отцом и дедом для подкупа сеньоров и найма воинов.

Во главе спешно собранного большого войска, куда прибыли епископы Санский, Шартрский, Вандомский, коннетабль Монморанси и Иоанн де Бриенн, король Иерусалимский, Людовик Святой некоторое время оставался в Анжере, чтобы помешать английскому королю вторгнуться в Пуату. Когда опасность миновала, он возвратился в Париж в декабре 1230 г.

Не надеясь на помощь от Генриха III, королю подчинился граф Тулузский. Он прибыл в Мо и заключил с королем и легатом мирный договор при посредничестве графа Шампанского. По условиям Парижского договора, подписанного 12 апреля 1229 г., единственную дочь графа, родившуюся в 1220 г., отдавали замуж за брата французского короля; ее передали в Каркассоне королевским посланникам. Кроме того, договор предусматривал, что ежели у графа родятся еще дочь или сын, то они не будут иметь права наследовать своему отцу; а если же брат короля и его жена, дочь графа, умрут, не оставив потомства, то Тулуза отойдет короне. Таким образом, граф становился простым пользователем своих доменов, из коих он обязывался ничего не отчуждать. Стены Тулузы и тридцати других укрепленных городов надлежало срыть. Граф обязался преследовать еретиков и сеньоров, не подчинившихся Церкви, и через два года после отпущения грехов совершить крестовый поход в Палестину сроком на пять лет. Эти меры окончательно упрочили триумф церкви и Капетингской монархии в Лангедоке.

* * *

Так в течение менее чем четырех лет промелькнули, сменяя друг друга, самые свежие, привлекательные и яркие образы, достойные кисти Фуке или братьев Лимбург: кто сейчас рискнул бы изобразить их? Ребенок скачет по дороге в Берри или Бурбоннэ, встречает канцлера Герена и в растерянности поворачивает назад; ночь накануне сражения юный король проводит в Суассоне, коронуется в Реймсе, где графини Фландрская и Шампанская оспаривают друг у друга честь нести его меч; все горожане Шартра и Монлери, рукоплещая, сопровождают его по дороге на встречу с горожанами Парижа,

защищая от баронов, — и это в разгар зимы, в отблесках костров, заставляющих сверкать доспехи, кольчуги и иней на ветках. Молодой король руководит осадой крепости Беллем, дарует свое прощение восставшим сеньорам. Эта история гораздо привлекательней, чем легенда. Можно понять, что наши предки — люди простые и отважные — были очарованы своим королем.

Историки, которые позднее станут более сдержанными, тогда еще расточали дифирамбы Людовику; лицом юный король был красив, преисполнен величия и милости, любезен и скромнен; уже один его облик, утверждал Жоффруа де Болье, внушал спокойствие и мир людям непоседливым и вспыльчивым. Он был белокурый., как его бабка Изабелла д'Эно; как и у нее, у короля была круглая, довольно большая голова, широкое лицо с выдающимися скулами; он соответствовал канонам мужской красоты, одинаковым как для Средневековья, так и для нынешнего времени — был человеком крупным и сильным, гармоничного телосложения, но не грузным. Современники считали, что он был очень умен — но мыслил скорее основательно, нежели блестяще, — обходителен в обществе, нрав имел веселый, был снисходительным и добрым и таким же отважным, как и лучшие представители его рода.

Мариус Сепе отмечает, что женщины, так же одаренные политическим талантом, как и Бланка Кастильская, зачастую пренебрегают своими семейными обязанностями. Однако все современники отмечали бесконечную заботу Бланки о воспитании своих детей. Говорят, она воспитала их в такой нравственной чистоте, что впоследствии их не могла коснуться никакая клевета. Они блестяще сыграли свою роль принцев королевского дома. В свое окружение королева ввела, дабы познакомить своих сыновей с религиозными догмами, монахов — доминиканцев и францисканцев — несомненно, из числа тех, кто посещал двор Людовика VIII. Она учила детей осенять себя крестом, прежде чем заговорить, взывать к Господу и просить о милости Святого Духа; присутствовала с ними на публичных занятиях, повелев проводить их по воскресеньям и праздникам.

«В возрасте приблизительно четырнадцати лет, — рассказывает Гийом де Сен-Патю, — король, пребывая под опекой благородной дамы, королевы Бланки, его матери, повиновался ей во всем. Она велела его тщательно охранять и оберегала сама. Она заставляла его шествовать чинно и в благородном окружении, как и подобает великому королю. Порой король, чтобы развлечься, отправлялся в лес или на реку либо занимался другими делами, но всегда приличными и надлежащими. Однако в то время он не всегда ладил со своим учителем, наставлявшим и обучавшим его, и, по словам самого короля, сей учитель иногда его поколачивал за дисциплину. И набожный король тогда же всегда слушал мессу и вечерню и сам произносил их с кем-нибудь другим. Он сторонился всех непристойных игр и оберегал себя от безобразных и бесчестных вещей. Он никого не оскорбил словом или поступком и к каждому всегда обращался на "вы"».

Кем же был этот ужасный клирик, мучивший юного четырнадцатилетнего короля и журивший его даже за юношеские, игры? Это нам неизвестно. Ничто не указывает на то, что им был доминиканец или францисканец, — в этом случае Жоффруа де Болье или Гийом де Сен-Патю не преминули бы этим похвастать. Во всяком случае, учитель имел дело с очень способным и покладистым учеником; ибо Людовик Святой был гораздо образованнее, чем сеньоры его эпохи. Он с удовольствием читал, правда, по преимуществу книги отцов Церкви, схоластиков, и разъяснял их тексты тем, кто не знал латыни; он собрал библиотеку в Сен-Шапель и был способен поправить клириков, запутавшихся в своих ученых диспутах, и исправить их неточные цитаты из Блаженного Августина — сцена, безусловно, очаровательная: когда однажды один епископ обратился к монаху, проповедовавшему перед королем, уличая его в невежестве и ереси, Людовик

Святой выручил несчастного из замешательства, встав на его защиту и указав в творениях святого Августина оправдывающий его текст.

По-видимому в период с 1228 по 1249 гг. король брал уроки или получал советы от епископа Парижского, Гийома Овернского, который был исповедником Бланки Кастильской. Людовик Святой сам рассказал Жуанвиллю о происшествии, о котором он услышал от Гийома Овернского. Приведем этот рассказ полностью:

«Он поведал мне, что епископ Гийом Парижский рассказал ему, как к нему прибыл великий магистр теологии и передал, что хочет побеседовать с ним. И епископ ответил ему: "Мэтр, поведайте, что вам угодно". И когда магистр предстал перед епископом, то горько заплакал. А епископ ему сказал: "Мэтр, говорите же, не стесняйтесь, ибо никто не может так согрешить, чтобы Бог не смог простить". "А я вам скажу, сир, — сказал магистр, — что плачу против воли, ибо считаю себя неверующим, поскольку не могу заставить свое сердце уверовать в таинство алтаря, как учит святая Церковь; а меж тем я хорошо знаю, что это искушение нечистого".

"Мэтр, — ответил епископ, — скажите, когда враг насылает на вас сие искушение, приятно ли оно вам". И магистр произнес: "Сир, напротив, это меня настолько едручает, насколько это возможно". "Итак, я вас спрашиваю, — продолжал епископ, — принимали ли вы золото или серебро в обмен на то, что станете извергать хулу против таинств алтаря или прочих святых таинств церкви?" "Что до меня, — ответил магистр, — то знайте, что нет ничего в мире, чего я не принял бы за это; я предпочел бы, чтобы мне вырвали все члены из тела, нежели произнес бы что-то подобное".

"Так вот что я вам скажу, — произнес епископ. — Вам известно, что король Франции воюет с королем Англии, и вам известен ближайший к границе между ними замок — это Ла Рошель в Пуату. Итак, хочу вас спросить: если бы король дал вам охранять Ла Рошель, что на опасной границе, а мне — замок Монлери, что в сердце Франции и на мирной земле, то к кому король должен был бы проявить большую милость к концу войны: вам — сохранившему без потерь Ла Рошель, или ко мне — сохранившему замок Монлери?" "Во имя Бога, сир, — ответил магистр, — конечно, мне, отстоявшему Ла Рошель".

"Мэтр, — молвил епископ, — скажу вам, что сердце мое подобно замку Монлери, ибо я не испытываю никакого искушения или сомнения относительно таинства алтаря. Отчего и говорю вам, что Господь, оказывая мне одну милость за мою прочную и спокойную веру в него, вам окажет их четырежды, поскольку вы сохранили ему свое сердце в нравственных муках и так веруете в него, что нигде на земле ни из-за какой телесной боли вы его не покинете. Так что успокойтесь, ибо в данном случае ваше поведение более угодно Богу, нежели мое".

Услышав сие, магистр преклонил колени пред епископом и почувствовал большое облегчение».

«Набожность Людовика Святого, — делает довольно любопытное наблюдение Фюстель де Куланж, — приистекала не от слабости характера, а скорее от силы его духа». Несомненно, историк проводил параллели с некоторыми известными католиками времен Второй империи; он мог был продолжить эту мысль: вера Людовика Святого была полностью осмысленной, равно как и вера воспитавших его схоластиков; модернизм был незнаком королю, а строгость теологии в его глазах никоим образом не умаляла дух милосердия.

Он никогда никого не оскорблял и обращался к каждому на «вы». Его мать учила его не быть высокомерным, хотя сама была очень гордой, но мягкой и приветливой с простым людом. Эта доброта, доступность в общении с народом — что являлось традиционной чертой династии Капетингов — были продиктованы возвышенным христианским духом, присущим королеве. Когда Бланка умерла, ее оплакивал именно простой люд, сообщают «Хроники Сен-Дени», «ибо она прижимала богатых и творила правосудие». Она раздавала щедрые милостыни и учила этому же своих детей. Королевские счета показывают, что она особо любила одаривать бедных девушек приданым для замужества.

Доказательств того, что Людовик Святой с юности подражал матери во всем, предостаточно. В одной из своих проповедей доминиканец Этьен де Бурбон рассказывал: «Король Людовик Французский, ныне правящий, произнес однажды превосходные слова, кои мне сообщил бывший там и услышавший их из его уст один монах. Однажды утром (король был еще совсем юным принцем) во дворе его дворца собралось множество бедняков в ожидании милостыни. В час, когда все еще спали, он вышел из своих покоев в одежде простого конюшего со слугой, который нес крупную сумму денег; затем он принялся раздавать все это собственноручно, щедро подавая тем, кто казался ему особенно убогим. Закончив сие, он вернулся к себе, когда один монах, заметивший сцену из оконного проема, где беседовал с матерью короля, вышел навстречу ему и сказал: "Сир, я прекрасно видел ваши проделки". "Мой дражайший брат, — ответил, смутившись, принц, — эти люди у меня на жаловании: они сражаются за меня против моих противников и поддерживают королевство в мире. Я им еще и не выплатил всего, что обязан"».

Вторым войском, сражавшимся во имя короля, было воинство монахов и священников. В воскресенье 24 октября 1227 г. он с Бланкой Кастильской присутствовал при освящении цистерцианской церкви, построенной по приказу епископом Суассонским, Жаком де Базошем. Несомненно, как раз там он принял решение основать аббатство Руаймон, строительство которого началось на следующий год; именно это аббатство королю так нравилось посещать впоследствии. По завещанию Людовик VIII пожертвовал свои драгоценности, чтобы основать монастырь, куда распорядился поселить каноников из Сен-Виктора. Во исполнение этого обета Людовик с матерью и основали Руаймон, передав его монахам цистерцианского Ордена; однако почему вместо каноников из Сен-Виктора в новом монастыре поселили цистерцианцев, мы не можем объяснить.

Закладка состоялась 24 или 25 февраля в месте по соседству с королевским замком Аньер-сюр-Уаз, называвшегося Кимон; монастырь назвали Руаймон (Королевская гора). В августе здание было готово принять монахов: вначале там поселились 20 братьев, приехавшие из Сито. Их тут же осыпали королевскими привилегиями и щедротами. Людовик IX задумал сделать из Руаймона самый прекрасный монастырь Франции. На постройку церкви размером в три сотни шагов — с великолепным устремившимся ввысь нефом — король истратил более 100 тысяч парижских ливров. Посвящение же церкви Святому Кресту и Богородице, покровительнице всех цистерцианских аббатств, состоялось в присутствии Людовика Святого 19 октября 1236 г.

Среди прочего рассказывают, что король неоднократно приезжал в Аньер, дабы помочь монахам возвести стену; он также заставлял трудиться там своих братьев и рыцарей и требовал, чтобы те, приходя на стройку, до своего ухода, подобно монахам, хранили молчание.

Возможно, что одна известная нам сцена, когда настоятель Руаймона дал Людовику мудрый совет, относится именно к времени юности короля: «По обычаю цистерцианского

Ордена некоторые монахи в каждом из аббатств этого Ордена, когда аббат и братия собираются в монастыре, должны по вторникам, после вечерни, омыwać ноги другим монахам, творя то, что называют "mande". Благочестивый же государь часто приходил в аббатство Руаймон, принадлежавшее вышеназванному Ордену. Оказавшись там во вторник, он выразил желание участвовать в "mande" и, усевшись рядом с аббатом, глядел с великим благоговением на то, что делали монахи. И вот однажды, сев подле аббата, король сказал ему: "Было бы хорошо, если бы и я омыл ноги монахам". И аббат ему ответил: "Вы поступите лучше, воздержавшись от этого", а юный король спросил: "Почему?" И аббат ему ответил: "Об этом пошла бы молва", а благочестивый король сказал ему: "Что же могут сказать о сем?" И аббат отвечал, что одни выскажутся хорошо, а другие дурно; и благочестивый король воздержался от этого, ибо аббат его переубедил». Вероятно, именно в этом возрасте Людовик стал разделять трапезу с монахами и старался прислуживать им. «Иногда, — пишет Гийом де Сен-Патю, — по пятницам и субботам он обедал в трапезной за столом аббата, и аббат садился рядом с ним. И всегда, обедая там, он получал в монастыре порцию хлеба, вина и две смены рыбных блюд; а тогда в монастыре пребывало около ста монахов, не считая послушников, коих насчитывалось приблизительно сорок. А в другие дни, когда добрый король не обедал, он зачастую входил туда, где монахи сидели за столом, и присоединялся к ним, чтобы им прислуживать: он направлялся к окну кухни и, принимая оттуда миски, полные мяса, носил их и ставил перед монахами, сидящими за столом. И поскольку монахов было много, а слуг мало, он носил и передавал эти миски долго, пока не обносил всех. И оттого, что миски были горячими, король всякий раз обертывал свои руки облачением, чтобы уберечься от жара, исходящего от мисок и тарелок... И аббат говорил ему, что он портит свою одежду, а добрый король отвечал: "Зато мне не горячо, а одежда у меня есть и другая". И он сам проходил мимо столов, разливая вино по кубкам монахов, и порой пробовал вино из сих кубков и хвалил, если оно было хорошим, а ежели кислым, или он считал его таковым, то приказывал принести доброго вина».

В своем дворце юный король избегал, как мы упоминали, всяких азартных игр, непристойных выходок и безобразий. У него был красивый голос, что позволяло ему участвовать в церковной службе, но он не пел мирских песен и не переносил, чтобы их распевали в его окружении. «Он приказал одному конюшему, хорошо певшему подобные вещи в пору молодости короля, чтобы он прекратил исполнять подобные песни, и заставил его выучить антифоны Богоматери и гимн "Ave, maris stella", хотя это произведение трудно было выучить; и сей конюший пел иногда эти антифоны вместе с ним».

Эти внезапные и немного необычные порывы души, наивное веселье, живая, открытая, часто демонстративная набожность, безусловно, были врожденными качествами Людовика Святого, а не проявились у него в результате воспитания. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить его с блестящими братьями — принцами, исполненными добродетелей; таким бы стал и Людовик, не обрети он благодати святости. Робер, граф Артуа, родившийся в 1216 г., был любимцем Людовика Святого из-за своего ласкового и экспансивного характера; он питал вкус к роскоши, красивым одеждам, лошадям, доспехам, охоте и войне. Королевские счета указывают, что он тратил крупные суммы на свои удовольствия. Высокомерный, заносчивый, отважный, он погиб в ходе крестового похода, не пожелав вести себя осмотрительно. Альфонс де Пуатье, родившийся в 1220 г., слегка походил на Людовика Святого: он был храбрым крестоносцем, прекрасным правителем, но прожил в тени своего брата и вскоре после него умер от болезни. Самый молодой из братьев, Карл, герцог Анжуйский и король Сицилийский, умерший только в 1295 г., был сварливым и мрачным как и его мать. «Карл был мудр и благоразумен, — писал итальянский хронист Вилла-ни, — суров и отважен на войне, великодушен и высок

в своих требованиях. Он очень редко улыбался, был праведен и благочестив, как монах, на расправу крут, взгляд имел суровый. Он мало спал и постоянно был на ногах, говоря, что сон отнимает много времени. По отношению к рыцарям Карл проявлял щедрость, но его всегда снедал жар приобретения любой ценой новых владений и богатств, чтобы покрывать расходы на свои военные нужды. Придворные шуты, менестрели и жонглеры нимало его не занимали». Изабелла Французская, горячо любимая сестра Людовика Святого, была молчаливой, бесцветной, скорее твердого, нежели блестящего, склада ума; вместе с королем она основала францисканский монастырь в Лоншане, где и умерла 23 февраля 1270 г.

* * *

Невзирая на противодействие бретонской знати, Пьер Моклерк в 1230 г. все же принес оммаж английскому королю, который высадился в Сен-Мало. В ответ Людовик Святой с войском дошел до Ансени, где объявил графа Бретонского низложенным и заставил бретонцев поклясться в том, что они не присоединятся ни к англичанам, ни к Пьеру Моклерку. Затем, по инициативе Папы Григория IX, французы заключили перемирие с Англией сроком на три года.

Король воспользовался этим затишьем, чтобы посетить в 1231 г. Артуа и Нормандию. Мы знаем, что он посетил Шаали, Понтуаэ, Компьень, Пуасси и другие городки по соседству с Парижем, раздавая повсюду щедрую милостыню. Он помогал Одону де Клеману, аббату, отстроить церковь Сен-Дени. В 1232 г., вероятно от эпидемии, умерли два его самых юных брата, Жан и Филипп-Дагобер, один — тринадцати лет, другой — десяти.

В 1234 г. король во главе своих войск усмирил баронов, восставших против графа Шампанского. Граф Булонский порвал с мятежниками. Король установил мир между Тибо и его кузиной, королевой Кипра, оспаривавшей у графа свое наследство; чтобы откупиться от ее претензий, король выплатил ей 40 тысяч ливров, а взамен заставил Тибо уступить ему графства Блуа, Шартр, Сансерр и виконтство Шатоден. Так королевство расширялось мирным путем.

В том же году Людовик Святой, женившись на Маргарите Прованской, заложил основу для присоединения к Франции новых территорий. Прованс, в принципе, все еще зависел от Священной Римской империи; но в силу своего географического положения втягивался в орбиту Франции. Да и граф Прованский находил выгодным союз с королем, его естественным покровителем и арбитром в спорах с графом Тулузским. У него было четверо дочерей на выданье, и его советник Ромье де Вильнев убеждал его не скряжничать, пристраивая замуж первую: «Если у первой будет хороший муж, то будет легче выдать замуж остальных». Граф наконец согласился дать за своей дочерью Маргаритой приданое в 10 тысяч марок, которое, впрочем, так никогда полностью и не выплатил. Еще в 1226 г. он был должен королю 8 тысяч марок.

Маргарита была старшей дочерью Раймона Беренгария, графа Прованского, и Беатрисы Савойской, принцессы, известной своей блистательной красотой. Девушка была красива, умна, набожна и хорошо воспитана. При провансальском дворе под влиянием трубадуров царил более веселая и светская атмосфера, нежели при французском. Сестра Маргариты, Алиенора Прованская, будущая английская королева, написала в юности роман под названием «Блонден Корнуэллский». Раймон Беренгарий участвовал с Людовиком VIII в осаде Авиньона; в 1226 г. он развязал войну с Марселем, что поссорило его с графом Тулузским. Рассказывают, что незадолго до замужества Маргариты один провансальский поэт посвятил ей злобную поэму; она велела изгнать его на Иерские острова; потом,

раскаившись, приказала вернуть обратно. Она приходилась Людовику Святому родственницей в четвертом колене — ведь представители Арагонской и Кастильской правящих династий неоднократно заключали меж собой браки. Поэтому Людовику пришлось испросить папского разрешения, сославшись на то, что его женитьба — хорошее средство сохранить христианскую веру в странах Лангедока, где она вновь воцарилась совсем недавно. 2 января 1234 г. Папа дал согласие.

Посольство во главе с Готье, архиепископом Санским, и Жаном де Нель отправилось в путь, дабы сделать торжественное предложение графу Прованскому; обратно посланцы вернулись с королевской невестой. В свите было шесть трубадуров и менестрель графа Прованского. Миновали Турню, где кортеж встречал аббат. Незадолго до праздника Вознесения прибыли в Санс, где их уже ждали Людовик Святой и Бланка Кастильская с многочисленной свитой. Маргариту сопровождал ее дядя Гийом, епископ Валенсии. Свадьбу сыграли в Сансе, вероятно, в субботу 27 мая 1234 г. В воскресенье, 28 мая, Маргарита была миропомазана и коронована в соборе Готье епископом Санским. Нам известно, что корона королевы была сделана из золота и стоила 58 ливров. Затем устроили пир и празднество, в течение которого король посвящал в рыцари и исцелял золотушных. Лошадь одного бедного человека погибла в праздничной толчее, и король велел выдать ему 40 ливров в возмещение ущерба.

Гийом де Сен-Патю, францисканец, исповедник королевы Маргариты, рассказывал, несомненно с ее слов, что Людовик Святой, удалившись в покои со своей женой, принялся молиться. «Он предавался молитве три ночи и, как потом рассказывала упомянутая дама, побудил ее следовать его примеру. И еще благословенный Людовик Святой не притрагивался к жене весь Рождественский пост и все сорок дней, и вместе с этим в некоторые дни каждую неделю, а также в канун праздников и в праздничные дни, когда он обычно получал причастие».

Бланка правила вместе с сыном. Она с суровостью относилась к Маргарите и с трудом привыкала к близости супругов. Мать так тщательно присматривала за Людвигом, что не будь он святым, то, в конечном счете, взбунтовался бы. Все же Жоффруа де Болье сообщил нам анекдот, который, вероятно, возник под влиянием похожего рассказа, где прославлялось целомудрие Людовика VIII: «Случилось, что один монах, поверив некоторым клеветникам, сказал однажды королеве Бланке: "Я сильно удивлен, что вы позволяете молодому королю вступать в преступные связи". Но королева скромно защитила свою честь и честь своего сына и изрекла прекрасные слова, кои не раз слышали из ее уст: "Король, сын мой, дороже мне всякого смертного создания; однако если бы он тяжело захворал и в моей власти было бы вернуть ему здоровье, позволив ему смертельно оскорбить Бога, я предпочла бы, чтобы он умер, нежели совершил подобное деяние". Это правда, я узнал сие из уст самого короля».

Жуанвиль, питавший, кажется, к Бланке Кастильской некую неприязнь знатного сеньора, униженного и оскорбленного, сообщает о ее ссорах с невесткой: «Жестокость, проявляемая королевой Бланкой по отношению к королеве Маргарите, заключалась в том, что королева Бланка препятствовала, насколько это возможно, пребыванию своего сына в обществе его жены, правда, не вечером, когда он шел спать с ней. Дворцом, где более всего нравилось пребывать королю и королеве, был Понтуаз, потому что покои короля находились над покоями королевы.

И они договорились так, что вели беседы на винтовой лестнице, соединявшей обе комнаты, и устроились так, что когда стражники замечали королеву Бланку, идущую в покои своего сына, то стучали в дверь жезлом, и король убегал в свои покои, дабы

матушка застала его там; и так же, в свою очередь, поступали привратники королевы Маргариты, чтобы королева Бланка, шедшая к ней, нашла ее у себя.

Однажды король находился подле своей жены, а она была в смертельной опасности, получив травму от своего ребенка, [которого носила в то время]. Королева Бланка явилась туда и, взяв своего сына за руку, сказала: "Пойдемте отсюда, вам нечего здесь делать". Когда королева Маргарита увидела, что мать уводит короля, она воскликнула: "Увы! Вы не дадите мне увидеть моего господина ни живой, ни мертвой!" И тут она лишилась чувств, и все подумали, что она умерла; и король, решив, что она умирает, вернулся; и с великим трудом ее привели в чувство.

Так что у молодой королевы было достаточно поводов, чтобы испытать свою добродетель. Но она любила Людовика Святого и была ему всецело предана. Он сумел завоевать ее, уберечь и впоследствии повести с собой тяжкими дорогами судьбы. Монах из Сен-Дени пишет: «По достижении своего двадцатилетия Людовик навсегда отказался от развлечений: он забросил собак и соколов и не одевался более в богатые одежды. Впрочем, зная хорошо, что ничто не отвращает сердце от любви к земному и не укрепляет против искушений так, как изучение Святого Писания, он отныне старательно занимался им все дни, когда не был занят. У него была Библия с комментариями, и он читал ее или заставлял читать ему вслух».

Тем не менее в счетах 1234 г. мы по-прежнему обнаруживаем статьи по королевской охоте, его соколиному двору и игре в шахматы. По-видимому, в целом Людовик Святой хотел вести серьезную и уединенную жизнь, но не отказывался и от развлечений и парадных приемов, вменяемых ему в соответствии с его рангом. Но даже эта простая умеренность стала тяжким испытанием для молодой королевы. Людовик Святой рассказывал Роберу Сорбоннскому анекдот, героем которого, скорее всего, являлся он сам: «Один государь, имени которого я называть не буду, жил чрезвычайно просто, и сей образ жизни очень не нравился его жене, которая любила роскошь; так что она беспрестанно жаловалась на него своей семье. Под конец муж устал от этих упреков: "Мадам, — сказал он, — вам угодно, чтобы я обрядился в дорогие одежды?" — "Да, конечно, я очень хочу, чтобы вы это сделали". — "Ладно, я согласен на это и готов угодить вам, ибо закон брака требует, чтобы муж старался понравиться своей жене. Только сей закон обоюдный, так что вам придется согласиться также и с моим желанием". — "А каково это желание?" — "Чтобы вы носили самое скромное платье — вы возьмете мое, а я ваше". У супруги, надо полагать, было на сей счет иное мнение. И отныне она воздерживалась поднимать этот вопрос».

* * *

Срок перемирия с графом Бретонским истек, и молодому королю спустя несколько недель после своей свадьбы пришлось снова отбыть во главе своей армии на войну. Пьер Моклерк настойчиво домогался у короля короткого перемирия до Дня Всех Святых, и Людовик Святой предоставил его в обмен на три крепости, которые служили гарантом слову графа. Моклерк тут же уплыл в Англию, дабы заставить Генриха III вмешаться в конфликт на его стороне, — но этот демарш оказался бесполезным. После этого графу Бретонскому оставалось лишь вернуться во Францию и принять все условия, которые продиктовали ему Людовик Святой и Бланка Кастильская: графу пришлось поклясться королю и королеве, что он отправится в крестовый поход в Палестину, как только его сын достигнет совершеннолетия; наконец, в залог своей верности, он уступал короне крепости Беллем, Сен-Жак-де-Беврон и Перьер-ан-Перш. Затем король уладил все разногласия между Моклерком и его баронами. Таким образом, регентство Бланки Кастильской

заканчивалось полным триумфом над сеньорами, восставшими против короля. Английский король отказался вмешиваться в междоусобные распри во Франции. Император Фридрих II в 1232 г. пообещал, что не позволит ни одному германскому князю заключить союз с английским королем, направленный против Людовика Святого и его вассалов.

Регентша также успешно пресекла разногласия, возникшие между клириками и Парижским университетом. В 1229 г. в последний день карнавала школяры поиздевались над несколькими горожанами предместья Сен-Марсель. Декан Сен-Марселя пожаловался на них епископу и легату. В конфликт вмешались королевские лучники и убили нескольких школяров. В знак протеста преподаватели университета приостановили занятия, а потом разъехались по другим городам — Реймсу, Анжеру, Орлеану, Тулузе, Оксфорду; некоторые из них осели в Италии и Испании. Общими усилиями Папа и Бланка Кастильская упростили магистров вернуться в Париж. Король принял их и пообещал, что они смогут пользоваться своими привилегиями, но взамен потребовал возмещать горожанам причиненные школярами убытки. Именно во время этого долгого отсутствия в Париже магистров университета доминиканцы Святого Иакова создали с одобрения епископа и короля свои знаменитые кафедры теологии, которые впоследствии прославят Альберт Великий и Фома Аквинский.

Один курьезный рассказ, главными героями которого являлись Бланка Кастильская и Гийом Овернский, епископ Парижский, показывает, каким уважением пользовались доминиканцы:

«Епископ Парижский знал, до какой степени были обременены долгами братья доминиканцы этого города, будучи не в состоянии выполнить свои обязательства. Он отправился к королеве Бланке, чьим исповедником он тогда был, и поскольку она собиралась отбыть в паломничество к гробнице святого Иакова Компостельского, приготовления к которому стоили очень дорого, спросил ее, все ли готово.

"Да, сеньор", — ответила она. "Ну и ну; мадам, вы вошли во множество бесполезных расходов, дабы прославиться в глазах мира и выставить напоказ свое величие в стране, откуда вы родом: нельзя ли найти всему этому лучшее применение?" "Говорите, сеньор, — молвила королева, — я всецело готова последовать вашим советам". "Я вам дам только один, зато хороший, и по этому поводу готов ответить за вас перед высшим судьей. Вот наши братья доминиканцы из дома святого Иакова, у которых полторы тысячи ливров, или около того, долгов. Возьмите флягу и посох и отправляйтесь ко святому Иакову, но святому Иакову Парижскому; там вы передадите им деньги. Таким образом, я изменяю ваш обет и беру за сие полную ответственность на себя. Поверьте, вы почувствуете себя лучше от этого, нежели от любой роскоши, коей вам угодно себя окружить".

И королева, женщина очень мудрая, последовала пожеланию святого человека».

Впрочем, она вовсе не была покорной служанкой духовенства. За все время своего правления она дважды энергично выступала против иерархов Церкви и добилась, что королевская власть одержала над ними верх: один спор Бланка вела с архиепископом Руанским, по поводу избрания одной аббатисы, другой — с епископом Бове: король назначил в этот город мэра, а жители отказались ему подчиняться и подняли мятеж, участников которого казнили или сослали.

Свою власть регентша передала королю в день его совершеннолетия, который наступил 25 апреля 1235 г.; ибо вплоть до этого короли считались совершеннолетними лишь с 21

года. Но конец регентства Бланки Кастильской отнюдь не означал заката ее влияния в государстве. Людовик Святой по-прежнему спрашивал ее советов. Он пропускал ее вперед на торжественных ассамблеях, и сеньоры считали, что этой властной женщине, некогда укротившей их, король оказывает слишком много почтения. Нострадамус сообщает, что один поэт упрекнул Людовика за то, что он и шагу не ступал, не спросив совета у своей матери. Именно ей он оставил власть в королевстве, когда отправился в крестовый поход.

III. Самостоятельное правление Людовика Святого с 1235 по 1248 г.

Девять лет регентства Бланки Кастильской имели решающее значение для укрепления королевской власти как в самом королевстве, так и за его пределами. Несомненно, главная заслуга в этом принадлежит регентше, но не следовало бы преуменьшать и роль юного короля; он покорял своих подданных блеском своего присутствия, прелестью своего возраста и святостью души еще до того, как принимал решение или отдавал приказ. Он не был груб, резок или жесток; он всегда вел себя сообразно своему королевскому сану; он с мягкой настойчивостью добивался повиновения, а когда был уверен в своей правоте, то становился непреклонным и упорным. Впоследствии именно эти качества характеризовали его как правителя. Он всегда советовался с другими, но никому не позволял давить на себя, будь то иерарх Церкви или знатный барон.

Первые трудности у короля возникли из-за его некогда верного союзника — Тибо, графа Шампанского. В 1234 г. Людовик Святой позволил ему после смерти его дяди, короля Санчо VII, заполучить корону Наварры; он же помирил Тибо с королевой Кипра, которая хотела завладеть Шампанью. Однако Тибо, не испросив согласия Людовика Святого, выдал свою дочь замуж за юного графа Бретонского. Так был возрожден союз крупных вассалов, направленный против короля. Людовик Святой немедленно потребовал себе три замка, которые Тибо обещал отдать ему в том случае, если выдаст замуж дочь, не спросив у него разрешения. Вместо того чтобы уступить, Тибо заключил соглашение с графом Маршским, пообещавшим ему и графу Бретонскому оказать помощь против любого лица в королевстве.

Не оставив новым мятежникам времени для того, чтобы набрать силу, Людовик Святой созвал в Венсен своих рыцарей. Но в 1235 г. Папа велел доминиканцам и францисканцам приступить к проповеди крестового похода. Тибо Шампанский вместе с герцогом Бургундским, графом Бретонским и прочими фландрскими сеньорами объявили себя крестоносцами. Еще 6 ноября 1234 г. Папа писал Людовику Святому, потребовав от короля заключить мир с англичанами и готовиться выступить в поход на Восток в тот самый миг, который ему укажут из Рима. Когда же Тибо узнал, что на него надвигаются королевские войска, то стал просить у Церкви защиты, полагавшейся каждому крестоносцу; тогда Папа запретил Людовику Святому нападать на графа. Но король не обратил внимания ни на это послание, ни на угрозу применить к нему церковные санкции; он отправился в Венсен со своими отрядами, и его вид, по словам хрониста, внушал всем отвагу и радость. Тогда Тибо отдал королю замки Брей и Монтеро. Однако Людовик Святой не счел этот дар достаточным, и графу Шампанскому пришлось лично молить его о снисхождении. Совершить этот демарш ему посоветовала Бланка Кастильская. Людовик Святой простил ослушника, но Тибо должен был окончательно отказаться от прав, которые он все еще имел на сеньории Шартр, Блуа и Сансерр, проданные королю в 1234 г.; кроме того, он обязался прожить семь лет в ссылке — либо в Наварре, либо на Востоке, куда он, как и обещал, отправился в крестовый поход.

Тибо добился прощения у Людовика Святого, но его брат, юный Робер д'Артуа, не желал, чтобы он так легко отделался. Он приказал своим людям публично оскорблять графа; один из них запустил Тибо в лицо творогом, другие обрезали хвост и ухо графской лошади. Тибо пожаловался королеве Бланке, и тогда король приказал повесить всех виновников инцидента; но Робер объявил себя зачинщиком происшедшего и испросил их освобождения.

В 1235 г. король Генрих III женился на Алиеноре Прованской, младшей сестре королевы Франции Маргариты. В свою очередь, Людовик Святой пожелал женить Робера д'Артуа на единственной дочери графа Фландрского; но она умерла в юном возрасте, и Робер в 1237 г. вступил в брак с Маго, дочерью Генриха II, герцога Брабантского. В том же году в Компьени король посвятил его в рыцари. По этому случаю Людовик Святой устроил пышный праздник, на который собралось до двух тысяч рыцарей. Это празднество было задумано не только с целью воздать почести королевскому брату, но и из-за того, что император Фридрих II созвал неподалеку от Компьени, в Вокулере, на границе с Францией, всю христианскую знать, и эта толпа вооруженных людей знаменовала собой почти неприкрытую угрозу в адрес короля. Людовик Святой пообещал прибыть в Вокулер, но во главе мощного войска, собранного им в Компьени; таким образом, он не рисковал попасть в плен. Узнав об этом, Фридрих распустил собрание.

Филипп Муске сообщил нам, что на празднествах в Компьени присутствовал некий сарацинский эмир, причем дает этому весьма любопытное объяснение. В 1236 г. Старец Горы, глава ассасинов, якобы послал во Францию двух своих учеников, дабы заколоть Людовика Святого из ненависти к христианской вере. Но когда тамплиеры предупредили его, что французский король — не крестоносец, а кроме того, мусульмане нисколько не выиграют от его убийства, ибо погибшего заменят братья, глава ассасинов отказался от своего намерения и направил к Людовику двух эмиров, чтобы предупредить его об опасности. Тамплиеры торжественно представили эмиров королю, которые преподнесли ему дары их хозяина в знак мира. На некоторое время король окружил себя личной охраной, вооруженной железными палицами, а эмиры перехватили первых посланцев Старца Горы в Марселе. Не была ли эта история плодом фантазии, разыгравшейся при виде араба на празднествах в Компь-ени? Правдива ли она, или же ее придумали тамплиеры, чтобы увлечь короля в крестовый поход?

В то же время королю удалось подчинить себе Пьера Моклерка, графа Бретонского. Последний, передав своему сыну графство Бретонское, прибыл в Понтуаз, чтобы лично передать Людовику Святому три крепости: Беллем, Сен-Жак-де-Беврон и Перьер-ан-Перш. Он принял крест и обязался сопровождать графа Шампанского в Палестину. Наконец, его сын, принявший титул графа Бретонского, признал себя вассалом Людовика Святого.

* * *

Крестовый поход, к которому призывал Папа Римский и готовились многие сеньоры, казался тем более необходимым, что франкская империя Константинополя находилась в крайне опасном положении: ей угрожали болгары, греческие князья — исконные владельцы Царь-града, и особенно татары, приведенные Чингис ханом из глубин Азии.

Иоанн де Бриенн, правивший в Константинополе в качестве опекуна своего зятя Бодуэна II, послал его просить помощи у Папы Григория IX. Бодуэн погостил со своей женой Марией де Бриенн, внучатой племянницей Бланки Кастильской, в Париже, у своего кузена Людовика Святого. Там их настигла весть о смерти Иоанна де Бриенна. В

Константинополе начались волнения. Папа и Людовик Святой ускорили набор войск для Бодуэна, собиравшегося отбыть в 1238 г. в Сен-Жан. Король и Бланка раздобыли крупную сумму денег и наняли солдат. Но все эти приготовления оказались напрасными, так как император Фридрих II запретил войскам проход по своим землям. Именно тогда Бодуэн заложил Терновый венец, хранящийся в его сокровищнице, венецианским банкирам.

В 1238 г. Людовик Святой принял посольство азиатских сарацин, как говорили, прибывших от Старца Горы, который предлагал королю свою помощь против татар. Татарский хан послал передать императору Фридриху, что советует ему ради собственного же блага стать его вассалом. Ужас перед степными ордами был столь велик, что в этом году рыбаки Готландии и Фрисландии не осмеливались, как обычно, ловить сельдь у английских берегов, боясь оставить свои семьи на растерзание татарам. Именно тогда, по словам Матвея Парижского, Людовик Святой объявил: «Мы либо победим, либо станем мучениками». Сарацины, у которых татары только что отняли Персию, также отправили послов просить помощи у английского короля; но епископ Винчестерский предложил не вмешиваться, чтобы «эти собаки перегрызли друг друга».

Молодой император Бодуэн II предложил Терновый венец Людовику Святому, поручив ему выкупить его у хранивших его венецианцев. Людовик Святой с радостью согласился и отправил за венцом в Константинополь двух доминиканцев, Жака и Андре. Они нашли его в Константинопольской церкви у венецианцев и сами перевезли его в Венецию, куда прибыли на Рождество, ускользнув от греческих кораблей, собиравшихся захватить их в плен. Людовик же из Санса, где он находился, отправился навстречу реликвии до Вильнев-д'Аршевек, в пяти лье оттуда: его сопровождали Готье Корню, епископ Санский, Бернар, епископ Пюи, и Бернар, епископ Оксерра. 11 августа 1239 г. процессия, во главе которой несли Терновый венец, вступила в Санс при огромном стечении народа. Людовик Святой со своим братом Робером д'Артуа, босые, в простых рубахах, несли раку с венцом на плечах. На следующий день кортеж двинулся в Париж. За Сент-Антуанскими воротами, подле монастырской церкви воздвигли престол, чтобы принять реликвию. Епископы, белое и черное духовенство вынесли раки с мощами парижских святых и ждали Терновый венец. С тех пор это место прозвали Сторожевая башня (Guette). Король и граф Артуа несли реликвию; на торжестве вместе с монахами Сен-Дени присутствовали обе королевы. Звонили все колокола. Толпа с восторгом глазела на великолепное шествие, восхищаясь смирением Людовика Святого и его братьев. 18 августа, восемь дней спустя после того, как реликвию внесли в Санс, ее при большом стечении прелатов, клириков, рыцарей (все они были босы) перевезли в собор Парижской Богоматери. После того как отслужили благодарственный молебен, святыню поместили на хранение в дворцовую капеллу святого Николая, вместо которой Людовик Святой вскоре построил Сен-Шапель (Святую часовню). Готье, архиепископ Санский, оставил рассказ об этих празднествах.

До этого Терновый венец находился в личной часовне византийских императоров во дворце Буколеон. Его подлинность ни у кого не вызывала сомнений, и однако же в самой Франции, в аббатстве Сен-Дени, монахи в то же время представляли верующим для почитания другой Терновый венец. Они говорили, что хранили его со времен правления короля Карла Лысого, забравшего его из императорской часовни в Ахене. Людовик Святой прибыл почтить ее в 1270 г., перед отъездом в последний крестовый поход, с ней же происходили процессии в 1283 г.; считали, что это была часть подлинного венца. Кроме того, в аббатстве Сен-Дени находился шип из венца, хранившегося в Буколеоне: Бодуэн I, став императором в Константинополе, прислал его Филиппу Августу, который передал шип в 1205 г. монастырю Сен-Дени.

* * *

Обстановка в христианском мире особенно усложнилась из-за германского императора Фридриха II, и настал момент, когда Людовику Святому пришлось вмешаться.

Фридрих, сын императора Генриха VI, был протеже великого Папы Иннокентия III, но, взойдя на трон, захотел подчинить своей власти Святой Престол. В тот век веры этот умный и величественный государь — глубоко безбожный, безнравственный, поступавший лицемерно или цинично, в зависимости от обстоятельств, без угрызений совести окружавший себя еретиками, евреями, арабами, который вел на Сицилии скорее языческий или мусульманский, нежели христианский образ жизни — представлял собой фигуру необычную и возмутительную.

Папа Иннокентий III, ловкий политик, решил предотвратить опасность. Он попытался разорвать унию имперской и сицилийской корон, созданную в правление Генриха VI. Папа поддержал Фридриха в Германии в его борьбе против императора Оттона IV, но заставил его пообещать, что как только он станет императором, то оставит королевство Сицилию своему сыну. Иннокентий III умер в 1216 г., и Фридрих, став императором, так и не покинул Сицилию.

Итак, Святой Престол с севера и юга окружали имперские владения. Папа попытался занять Фридриха II крестовым походом. Венгерский король Андрей II и Иоанн де Бриенн в 1219 г. захватили Дамьетту, надеясь с помощью Фридриха добраться до Каира. Но император, невзирая на то что принял крест, так и не прибыл на Восток, и христиане потерпели поражение. Вскоре Фридрих получил императорскую корону из рук Папы Гонория III и снова пообещал отправиться в крестовый поход. Немного спустя, в 1225 г. он женился на Изабелле, дочери Иоанна де Бриенна, Иерусалимской принцессе. Таким образом, интересы императора были соблюдены. Но все равно Фридрих не спешил на Восток, и новый Папа, Григорий IX, отлучил его от церкви. И только тогда он решился отбыть на Святую землю.

Однако вместо того, чтобы сражаться с врагами, Фридрих договорился с ними: он с сарацинами понимали друг друга лучше, чем с христианами. Султан Египта, воевавший с одним из своих братьев, уступил Фридриху Иерусалим по договору, подписанному 18 февраля 1229 г. Этим договором, помимо всего прочего, вводилось десятилетнее перемирие в Палестине. Узнав, что в его Неаполитанском королевстве началось восстание, Фридрих вернулся в Италию и в 1230 г. заключил с Папой мир.

Сын Фридриха, принц Генрих, поднял в Германии мятеж против отца. Но сторонники бросили его, и Генрих попал в плен к Фридриху, который победил миланцев и Ломбардскую лигу в битве при Кортенуова и собирался захватить всю Италию. Сардинию он отдал своему внебрачному сыну Анцио. Расценив сей поступок как недопустимый вызов. Папа Григорий IX 20 марта 1239 г. отлучил императора от Церкви.

Людовик Святой позволил французским епископам огласить отлучение в церквях своего королевства. Он также разрешил Папе начать во Франции сбор денег на крестовый поход против Фридриха, но сам не стал участвовать в нем и отказался от императорской короны, которую понтифик предложил его брату Роберу. Но Фридрих, чья супруга Изабелла скончалась, только что снова женился — на сестре короля Генриха III Английского, перейдя, таким образом, в лагерь врагов короля Франции.

Владея большей частью Италии, Фридрих II намеревался захватить Рим и, как говорили, присвоить себе теократическую власть. Когда его предали анафеме, он апеллировал к церковному Собору. Папа объявил, что готов созвать Собор. Тогда император прибег к уверткам; он заявил, что не признает Собор, поскольку Папа является его врагом; и одновременно он соглашался заключить перемирие, но только не с Ломбардской лигой. Тем не менее Папа в августе 1240 г. созвал христианских прелатов на Собор. Фридрих стал препятствовать его созыву. Он контролировал Италию, а флот под командованием его сына Анцио задерживал корабли, везущие на Собор епископов. Французские и английские прелаты, добравшиеся до Марселя, не нашли ни судов, ни экипажа, дабы плыть дальше. Папа созвал их в Геную, чьи горожане были его сторонниками. Но флот Анцио 3 мая 1241 г. разбил генуэзскую эскадру. В бою погибло несколько епископов, а большая их часть попала в плен.

Фридрих готовился идти на Рим. Он написал римскому сенату, что идет заключать мир с Папой и намерен возглавить крестовый поход на татар. Английскому королю 18 мая 1241 г. он представил свою победу как Божий суд. «Знайте, — пишет он ему, — что Господь, восседающий на своем престоле и судящий по справедливости, с нами, и Ему угодно, чтобы мир управлялся не только духовенством, но имперской властью и духовенством».

Людовик Святой тут же потребовал освободить французских епископов, коих Фридрих держал узниками в своих итальянских замках. Император ответил, что эти люди прибыли осудить его, — следовательно, они его враги и по праву взяты под стражу. Людовик Святой написал во второй раз, тоном, не допускающим возражений:

«Мы всегда полагали, что империя и наше королевство составляют единое целое, и поддерживали с вами дружеские отношения, подобно предшественникам. Мы никоим образом вас не провоцировали и даже отказали легатам в материальной помощи, которую те просили для борьбы с вами. Так что пусть Ваше императорское величество хорошо уяснит то, что мы собираемся ему сказать: удовлетворите [наши требования], ибо королевство Франция не настолько ослабло, чтобы пасть под вашей пятой».

Фридрих уступил и выпустил французских епископов на свободу. Кроме того, престарелый Григорий IX умер после 21 августа 1241 г., а новый Папа, Целестин IV, скончался после 18 дней правления. Фридрих II повел себя так ловко, что Святой Престол оставался вакантным в течение 18 месяцев. И англичане воспользовались этими обстоятельствами, чтобы напасть на Людовика Святого.

* * *

В 1241 г. татары наводнили Польшу, Чехию и Венгрию и разграбили эти страны. Бланке Кастильской Людовик сказал: «Будем уповать, матушка, на помощь Господа. Если татары дойдут до нас, то либо мы прогоним их в пустыню, либо они нас отправят на небеса».

В том же году умер Готье Корню, с 1222 г. архиепископ Санский, служивший короне со времен Филиппа Августа, а император Бодуэн уступил Людовику Святому большую часть Истинного Креста, равно как и прочие реликвии. Король выставил их для обозрения парижскому люду; он со своими братьями, босым, отправился за Крестом 14 сентября в день Воздвижения. Именно тогда, начиная с 1242 г. Людовик Святой повелел выстроить при дворце Сен-Шапель, чтобы хранить там святыне реликвии.

Принца Альфонса посвятили в рыцари и в 1241 г., в день рождения святого Иоанна, в Сомюре провозгласили графом Пуатье. Ему исполнился 21 год, и он был уже женат на Жанне, единственной дочери графа Тулузского. Жуанвиль, который присутствовал на празднике, посвятил ему подробный рассказ. Там были король Наваррский, граф Тулузский, тесть Альфонса, граф Маршский и великое множество сеньоров и прелатов. Праздник был дан в крытых рыночных помещениях города, весьма обширных и построенных наподобие клуатра. Людовик был высокого роста и широк в плечах; на ассамблеях он на голову возвышался над остальными баронами. К тому времени он уже облысел. В тот день на нем была атласная фиолетовая рубашка с камзолом и плащ алого атласа, подбитый горностаем. Жуанвиль добавляет: «...у него на голове был колпак из хлопка, который был ему совсем не к лицу, так как он еще был молодым человеком». Граф Шампанский был одет в атласную рубашку и плащ, отделанные лентами с золотыми застежками и золотой короной на голове. Жуанвиль, его сенешаль, прислуживал ему. За королевским столом сидели граф Пуатье, граф Дре, которого тоже только что посвятили в рыцари, затем граф Маршский и Пьер Моклерк, граф Бретонский. Вокруг этого стола несли охрану Эмбер де Боже, будущий коннетабль Франции, Ангерран де Куси, Аршамбо де Бурбон и за ними тридцать рыцарей в атласных рубашках и великое множество сержантов, облаченных в доспехи цветов графа Пуатье. Стол на другом конце зала возглавляла королева Бланка Кастильская, которой прислуживали ее племянник граф Булонский, ставший королем Португальским, граф де Сен-Поль и один юный немец восемнадцати лет, сын святой Елизаветы Венгерской; королева Бланка целовала его в лоб, ибо думала, что его мать не единожды целовала его туда. За другим столом сидели двадцать архиепископов и епископов, а в других крыльях здания и во внутреннем дворе толпилось бесчисленное множество рыцарей; никогда на празднике не видано было столько камзолов и одежды из расшитой золотом ткани. У короля была еще одна причина собрать столько рыцарей: он поступил так не только ради престижа, но и ради собственной безопасности, ибо среди вассалов, которым предстояло принести оммаж молодому графу Пуатье, находились старые и опасные противники короны. На празднествах в Сомюре присутствовал Гуго де Лузиньян, граф Маршский. Он отправился в Пуатье вместе со своей женой, которую величали королевой Английской, так как она была вдовой по первому браку короля Иоанна и матерью Генриха III. Граф Маршский принес оммаж графу Пуатье, и документ, подтверждающий это, сохранился до сих пор в наших национальных архивах. Гуго возвратил своему новому сеньору Сен-Жан-д'Анжели и Они, откуда королева Бланка, выполняя условия Вандомского договора, вывела королевские гарнизоны. Но королева Английская не снесла подобного унижения. Она была уязвлена как тем, что ее муж был лишь вассалом вассала французского короля, так и тем, что обе королевы — Бланка и Маргарита — не признавали ее равней. Король и его братья заночевали в замке Лузиньяна. После отъезда графиня Маршская поспешила уничтожить все следы их пребывания, повелев увезти ткани, сундуки, стулья и всю мебель, вплоть до образа Девы Марии. «При виде этого граф Маршский, совершенно пораженный, спросил ее, зачем она так недостойно ободрала весь замок. Она же ответила: "Убирайтесь и освободите меня от своего присутствия — вы, оказавшие честь тем, кто лишил вас наследства; видеть вас больше не хочу". Однако же он последовал за ней в Ангулем, но она отказалась принять его в своем замке, и ему пришлось обедать и ночевать в резиденции тамплиеров. В конце концов она согласилась на минуту принять его. Когда же он прибыл, она ударилась в слезы и сказала: «О наихудший из мужей, разве вы не видели, как в Пуатье я дожидалась три дня, чтобы повиниться перед вашими королем и королевой, вы не видели, как в тот момент, когда я предстала пред ними в покоях, король сидел на постели с графиней Шартрской и своей сестрой, аббатисой Фонтвроля, и они даже не пригласили меня сесть с ними, дабы унижить меня перед всеми? Ибо позволить мне стоять среди всего этого народа, окружавшего их, значило оскорбить меня; и ни при моем появлении, ни при уходе они, презирая меня, даже не привстали, как вы и сами

могли видеть. Но боль и стыд заглушили, стиснули мне горло. Эти боль и гнев еще больше, чем потеря земли, которую у нас отобрали, меня сгубят, если с Божьей помощью они в этом не раскаются и не опечалются, и не потеряют свое [добро]. Или я лишусь всего, что у меня осталось, или умру от тоски». Тогда граф поклялся, что сделает все, что она пожелает.

Он подготовил мятеж не только в Пуату, но и на всем Юге. Граф Тулузский, тесть Альфонса Пуатье, согласился поддержать непокорного графа. Виконт Нарбоннский, графы Комменж и Арманьяк, сеньоры Лотрек и Л'Иль-Журден, Транкавель, горожане Альби тоже примкнули к заговору. Пьер Моклерк, король Наваррский, король Арагонский — бывший сеньором Монпелье и претендовавший на Каркассон — отнеслись к событиям сочувственно. Английский король был готов поддержать претензии своей матери.

На рождественские праздники Альфонс пригласил графа Маршского и прочих вассалов в Пуатье, где находился его двор. Жена графа Маршского прибыла вместе с ним, чтобы лично подтолкнуть супруга к мятежу. Лузиньян появился перед графом Пуатье, публично бросил ему вызов и отказался признать его своим сюзереном. Затем воины Гуго расчистили ему путь; он отправился поджечь дом, где жил, и уехал из Пуатье. Вся французская знать была удивлена и разгневана такой дерзостью. Людовик Святой потребовал от графа Маршского подчиниться своему сеньору. Когда Гуго отказался, король собрал парламент из пэров Франции, постановивший, что земли мятежника должны быть конфискованы. Тогда граф Гуго подготовил свои крепости в длительной осаде. Генрих III послал ему денег и стал готовиться к вторжению во Францию. Однако поведение английского монарха вызвало раздражение у его баронов, и они отказали в субсидиях на эту войну. Все же король отправился со своим братом Ричардом, которому пообещал отдать Пуату, тремя сотнями рыцарей и тридцатью бочками с золотом, на которые он собирался нанять пуатевинских и гасконских воинов. 20 мая 1242 г. он высадился в Руане.

Людовик Святой собрал флот из 80 кораблей в Ла Рошели и созвал свое войско в Шиноне: в апреле там собралось четыре тысячи рыцарей и двадцать тысяч оруженосцев, сержантов и конных арбалетчиков. Затем король вторгся на земли графа Маршского в Пуату, осадил и взял крепость Вуван. Графиня Маршская в отчаянии послала людей, чтобы отравить Людовика Святого и его братьев; но их заметили на королевской кухне и схватили.

Вассалы графа Маршского отступали, разоряя все позади себя, дабы оставить перед королевской армией пустыню: они сжигали деревни, вытапывали луга, рубили деревья, засыпали колодцы, отравляли источники. Но наступление королевской армии продолжалось. Людовик осадил Фонтеней, который оборонял сильный гарнизон во главе с сыном Гуго де Лузиньяна.

Именно во время этой осады Генрих III объявил французскому королю войну. До сих пор Генрих заявлял, что держит путь в свое герцогство Гиень; он даже отправил посла к Людовику Святому, дабы спросить его, почему тот прервал их перемирие. Людовик Святой развернул орифламм, и осада Фонтеней продолжалась. Альфонса де Пуатье ранили в ногу, но крепость пала. Сына графа Маршского и сорок пленных рыцарей привели к королю. В назидание мятежникам их хотели повесить, но Людовик Святой воспротивился этому. «Этот юноша, — сказал он, — не заслужил смерти за то, что подчинился своему отцу, а эти люди — за то, что верно повиновались своему сеньору». И он велел их поместить в темницу и тщательно стеречь.

Взятие Фонтенея вызвало панику в рядах сторонников графа Маршского до самой Гаскони, и множество крепостей без сопротивления сдались королю. Самые слабые замки Людовик Святой приказывал разрушить, другие — укреплять и размещать в них гарнизоны; таким образом, он приобрел опорные пункты везде, где проходило его войско.

Король Английский все же прибыл из Руайана в Пон, где был принят сеньорами Сентонжа. Затем он дошел до Сента и Тонне на реке Шаранте, где посвящал молодежь в рыцари и, как законный государь, раздавал почести и земли.

Неподалеку от этого места, в Тайбуре, Людовик Святой столкнулся с английскими отрядами. Они стояли на левом берегу реки и охраняли мост, ведущий в город, который находился на правом берегу.

Французам не пришлось захватывать город: его жители открыли ворота перед королем Франции. Людовик остановился в Тайлбуре, а лагерь для своей армии приказал разбить у ворот. У англичан было шестнадцать сотен рыцарей, шестьсот арбалетчиков и двадцать тысяч пехоты. Французское войско было больше: под стяг Людовика Святого прибыли его братья, графы Артуа и Пуатье, его кузен Альфонс Португальский (ставший графом Булонским после смерти Филиппа Лохматого), Пьер Моклерк и великое множество других баронов. Генриха III Английского сопровождали его брат Ричард, зять Симон де Монфор, граф Маршский, графы Солсбери, Норфолк, Глостер.

Но Шаранта вовсе не была непреодолимой преградой. Утром 19 июля французы начали переплывать ее на лодках и атаковали мост, который защищала горстка англичан; говорят, что достаточно было Людовику Святому самому броситься в схватку, чтобы обратить их в бегство. Впрочем, возможно, что Генрих III решил выстроить свои отряды в некотором отдалении, на равнине, дабы сражаться в более благоприятных условиях.

Но перед этим он послал своего брата Ричарда, безоружного, с посохом паломника, к французам для переговоров. Граф Артуа привел его к Людовику Святому, который заключил с англичанами перемирие на 24 часа. Матвей Парижский сообщает, что король сказал: «Сеньор граф, я предоставляю вам перемирие на сей день и последующую ночь, чтобы у вас было время обсудить, как лучше вам отныне поступать, ибо ночь приносит совет». Ричард, убедившись в превосходстве французского войска, посоветовал своему брату отойти к Сенту, и в тот же вечер англичане отступили.

На следующий день, как только истек срок перемирия, Людовик Святой начал их преследовать. Королевские фуражиры дошли до самых стен Сента. Граф Маршский захотел наказать их за дерзость и отомстить за свое поражение; он вышел из города со своими тремя сыновьями и английскими и гасконскими воинами и атаковал французов. До города донесся шум начавшейся битвы, и английский король пожелал принять в ней участие. Графу Булонскому донесли о нападении на французский авангард, и Людовик Святой спешно прискакал на поле сражения. Оба войска вступили в бой раньше, чем хотелось бы англичанам. Несмотря на всю их отвагу, они потерпели полное поражение. Французы преследовали их с таким пылом, что некоторые из солдат ворвались в Сент вслед за англичанами и тут же попали в плен. Людовику Святому пришлось сдерживать свои войска.

Английский король, надеявшийся отвоевать Нормандию у французов, увидел Людовика Святого у врат Гиени. Он упрекал за поражение графа Маршского, который обещал привести в его войско более многочисленные отряды; сам же Лузиньян был изгнан из своих земель, почти полностью занятых войсками французского короля. Его союзники

помышляли лишь о том, чтобы покориться Людовику Святому на относительно сносных условиях.

Генрих III, узнав, что Людовик Святой собирается начать осаду Сента, и предвидя, что граф Маршский в конечном счете его предаст, бежал во весь опор, приказав поджечь город, и остановился только в Блайе. Его люди, которым пришлось прервать обед на середине, лишь с большим трудом догнали своего государя. Все смешалось в этом отступлении; Генрих III потерял там свою походную часовню и реликвии. Людовик Святой вступил в Сент и продолжил преследование врагов. Но король Англии успел укрыться в Бордо.

После разгрома англичан их союзники думали только о повинной. Старший сын графа Маршского заключил от имени своего отца договор, подготовленный при посредничестве Пьера Моклерка. Граф Маршский прибыл с женой и двумя сыновьями, дабы броситься в ноги к королю, умоляя о прощении. Людовик Святой велел их поднять и простил на установленных условиях. Он возвратил графу большую часть его земель и получил за них оммаж. Жуанвиль рассказывает, что один сеньор, некогда потерпевший большой ущерб от графа Маршского, поклялся на мощах, что никогда не будет стричься, как рыцарь, а будет носить волосы гладко причесанными на прямой пробор, как женщина, покуда не почувствует себя отомщенным, то ли собственной рукой, то ли кем-то другим. «Когда он увидел графа Маршского, его жену и детей на коленях перед королем, взывающих о милосердии, он обрезал волосы и велел себя постричь в присутствии короля, графа и всей ассамблеи».

Эртоль, комендант замка Мирбо, напротив, не торопился подчиняться королю Франции. Он пошел за Генрихом III, ибо был связан с ним клятвой верности. Но английский король признался ему в своем бессилии и вернул ему свободу действий. Тогда Эртоль прибыл к Людовику Святому. Он не скрывал, что покинул своего прежнего государя не по своей воле; об этом свидетельствовал его облик: всклокоченные волосы, глаза, покрасневшие от слез. Король, которого отнюдь не задела его скорбь, лишь похвалил Эртоля. Он пообещал принять его под свое покровительство; будучи уверен, что человек, столь преданный своему прежнему сеньору, будет не менее верен ему самому, король принял от Эртоля клятву верности и вернул ему замок.

Людовик Святой велел продолжать преследование англичан. Но в его войске началась эпидемия, а сам он заболел дизентерией, осложненной горячкой, — бичом того времени. Французы очень боялись, что король умрет в этом, 1242 г., ибо он был слаб здоровьем. Войску не хватало еды и воды, поскольку враг, отступая, разрушал все позади себя, засыпал или отравлял родники и колодцы. Сильная летняя жара и усталость сгубили, как говорят, двадцать тысяч человек.

Однако положение Генриха III тоже было угрожающим. Он не получал никакой помощи из Англии, и средиземноморские союзники покинули его. Морская торговля несла убытки от налетов французских пиратов. Людовик Святой велел задержать всех английских купцов, находившихся во Франции. Один французский рыцарь, сопровождавший Ричарда, брата английского короля, в крестовом походе, способствовал соглашению обеих сторон. 12 марта 1243 г. французы и англичане заключили пятилетнее перемирие. Людовик вернулся в Шинон, Генрих III остался в Гаскони, без денег, весь в долгах. Графы Тулузский и Фуа подчинились Людовику.

Несомненно, заслуга в успехе этой блестящей и быстрой кампании по праву принадлежит не только Людовику Святому, но и его советникам, баронам и воинам. Но он стоял во

главе войска и увлекал их собственным примером; он отвечал за решения, он был предводителем. Кроме того, именно король заложил основу для будущей победы, приказав готовиться к кампании задолго до того, как она началась. Зная, что французскому войску придется штурмовать не один город, Людовик велел собрать большое число плотников и приказал заранее соорудить осадные орудия; он собрал большое количество провианта и повелел коммунальному ополчению подвезти телеги и лестницы.

У него оказалось более тысячи повозок, доставивших все материалы и продовольствие к границам Пуату уже до начала военных действий.

«В этом походе против английского короля и баронов, — писал Жуанвиль, — король роздал много подарков, как я слышал от тех, кто оттуда вернулся. Но ни на подарки, ни на расходы на эту экспедицию или на иные походы по эту или по ту сторону моря король никогда не потребовал помощи ни от баронов, ни от рыцарей, ни от своих добрых городов. И сие было неувидительно, ибо он поступал так по совету своей доброй матушки, находящейся с ним; совету, которому он последовал, и по совету мудрых мужей, кои остались с ним со времени его отца и деда».

Бланка Кастильская вновь встретила со своим сыном, который возвратился из Сентонжа, в цистерцианском аббатстве Нотр-Дам де ла Соссэ, основанном в 1230 г. близ Немура, в епархии Санса, — и по этому случаю они якобы нарекли эту обитель аббатством Радости.

* * *

Хоть Людовик Святой женился в 1234 г., через шесть лет у него по-прежнему не было детей. За него молилось все королевство. Святой Тибо — цистерцианец, аббат де Во Серией, сын Бушара де Монморанси, — тронутый скорбью юной королевы, присутствовал при ее молитвах, и они были услышаны. 11 июля 1240 г. Маргарита родила дочь, нареченную Бланкой. Королева и ее сын Филипп Смелый впоследствии очень почитали святого Тибо и посещали его могилу: он умер 8 декабря 1247 г.

Бланка Французская умерла в 1243 г. Но 18 марта 1242 г. на свет появилась вторая дочь короля, Изабелла, которая впоследствии вышла замуж за Тибо II, короля Наваррского. В том же 1242 г. Бланка Кастильская основала для цистерцианских монахинь аббатство Мобюиссон близ Понтуаза. Королевская семья очень любила эту обитель. Людовик Святой часто приезжал туда и повелел воспитывать там свою вторую дочь Бланку в надежде, что она станет монахиней. Там хотела провести остаток жизни Бланка Кастильская, оттуда же получила она перед смертью монашеское облачение и там же была погребена.

У Людовика Святого и Маргариты Прованской было одиннадцать детей, имена которых нам известны, — шесть мальчиков и пять девочек. Старший из мальчиков родился 12 февраля 1244 г. «Тут же, — говорит Гийом де Нанжи, — король послал во дворец Гийома, епископа Парижского, и Одона Клемана, аббата Сен-Дени. Епископ должен был крестить наследного принца, а аббат — стать ему крестным отцом и держать его над купелью. Святой король пожелал, чтобы ребенок носил имя его отца. Затем во все провинции были отправлены гонцы, и счастливая весть наполнила несказанной радостью сердца всех французов».

В это время Беатриса, графиня Прованская, мать королевы Маргариты, прибыла во Францию повидаться с дочерью; Людовик Святой принял ее с великой радостью. Из Франции она отправилась в Англию — там королевой была ее дочь Алиенора, а ее дочери Санче предстояло выйти замуж за графа Ричарда; ее брат Бонифаций был архиепископом Кентерберийским. Многие тогда надеялись, что благодаря этим родственным связям между двумя странами воцарится мир.

* * *

Едва татары отступили на восток, как христиане окончательно потеряли Иерусалим. Арабские князья Сирии заключили с ними союз, дабы вместе бороться против султана Египта. В ответ султан пригласил хорезмийцев завладеть Палестиной, и орда из 20 тысяч всадников со своими женами и детьми в 1244 г. захватила Тивериаду и Иерусалим, перебив стариков, калек и женщин, укрывшихся в церкви Гроба Господня. Египтяне перешли в наступление и, в свою очередь, захватили Аскалон, потом Дамаск. После этого султан порвал со своими союзниками хорезмийцами и в 1247 г. приказал истребить их или изгнать из Палестины.

Когда вести о падении Иерусалима достигли Франции, Людовик Святой был болен. Он не выздоровел полностью от своей болезни, которую подхватил в 1242 г. У него началось серьезное осложнение в Мобюиссоне или в Понтуазе, в праздник Святой Лукреции, в субботу 10 декабря 1244 г. Его близкие боялись его потерять; во всех церквях возносили молитвы, повсюду организовывались процессии, раздавали милостыню. Но больной был так плох, что все уже потеряли надежду на благополучный исход. Людовик Святой распорядился своим имуществом, поблагодарил слуг и призвал их служить Господу. Вечером он впал в беспамятство, и какое-то время думали, что он умер. Подле него были две женщины; одна захотела набросить простыню на его лицо, другая же не дала ей этого сделать, полагая, что король еще жив. Дворец уже огласился стенаниями придворных; народ, бросив работу, бежал к церкви; мать и братья короля беспрестанно молились, стоя рядом с умирающим. Бланка Кастильская велела принести Истинный Крест, Терновый венец, Святое копье и прикоснуться ими к королю.

И тут вдруг Людовик вздохнул, пошевелился и сказал проникновенным голосом: «*Visitavit me per Dei gratiam, Oriens ex alto et a mortis revocavit me*» — «Милостью Божьей меня с вышины посетил Восток и воскресил меня из мертвых». Потом он спросил Гийома Овернского, епископа Парижского (который тут же явился с епископом Мо) и сказал ему: «Сеньор епископ, прошу вас нашить мне на плече крест, дабы отправиться в поход за море». Оба епископа и королевы на коленях заклинали его не делать этого или по крайней мере дождаться окончательного выздоровления. Но король отказался принимать любую пищу, пока не получит креста. Он во второй раз попросил епископа Парижского, который тогда не осмелился отказать своему государю и дал ему крест, заливаясь слезами. Все присутствующие в покоях и во дворце плакали, как если бы узрели короля мертвым. Людовик Святой, напротив, был весел; он благочестиво поцеловал крест и сказал, что с этого момента выздоровеет.

Хотя он и пришел в сознание, болезнь не отступала, и лекари полагали, что опасность еще очень велика. Поэтому Людовик Святой попросил монахов Сен-Дени принести ему святыни. Процессия монахов прибыла к королю в пятницу 23 декабря 1244 г. С этого момента больной начал выздоравливать.

Бланка, Гийом Овернский и прочие лица стремились убедить выздоравливавшего короля, что ему не обязательно выполнять свой обет и Папа легко может освободить от него. Он,

казалось, согласился с их доводами и отдал свой крест; затем тут же приказал епископу вернуть его, дабы не стали говорить, что он дал обет крестоносца во время болезни, не сознавая, что делает. Он написал христианам Востока, что взял крест и готовится выступить им на помощь.

Нет ничего более простого, ясного исторического явления, чем крестовый поход. Тщетно объясняли его политическими расчетами, мирскими выгодами, которые, начиная с XVIII в., историкам нравилось выискивать у крестоносцев. А ведь те стремились лишь к одному — вырвать Иерусалим, Гроб Господень из власти язычников. Торговля с Востоком, желание сдержать или направить к новой цели феодальную вольницу, стремление создать колониальную империю — пусть историки доказывают сколько угодно, но эти мотивы никоим образом не причастны к крестовому походу.

Бланка Кастильская пребывала в глубокой печали. Многие люди верили, что Бог вернул жизнь Людовику Святому, дабы сделать его освободителем Святой земли; многие англичане пожелали принять крест вместе с ним. Король попросил Папу прислать во Францию легата для пропаганды крестового похода; им стал Эд де Шатору, старый канцлер парижской Церкви, кардинал-епископ Тускулумский. В 1245 г. Людовик Святой собрал в Париже большой совет; много епископов, графов и баронов приняли на нем крест, и среди прочих — три брата короля со своими женами.

Матвей Парижский рассказывает, что король якобы сам нашивал крест на одежду тем, кто колебался: «С приближением славного праздника Рождества Господня, дня, когда знать по обыкновению наделяет людей из своего дома новыми одеждами, сеньор король Франции, носивший крест из ткани, исполнил совершенно необычным образом обязанности проповедника крестового похода. Он велел изготовить из очень тонкого сукна плащи и приказал украсить их мехом, а в том месте плаща, которое прикрывает плечо, вышить очень тонкими золотыми нитями крест и тщательно проследить, чтобы эту работу проделали тайно и ночью. Утром, до восхода солнца, он приказал своим рыцарям, облаченным в розданные им плащи, явиться в церковь послушать вместе с ним мессу. Те повиновались и, чтобы их не обвинили в вялости или лени, отправились ранним утром в церковь, где должна была начаться служба; но когда лучи сияющего солнца высветили предметы и, как говорится в персидской пословице, стала видна котомка позади, каждый заметил, что на плече соседа вышит символ крестоносца. Так что, поскольку им показалось неприлично, стыдно и даже недостойно сбросить сие одеяние крестоносцев, они рассмеялись, но не насмешливо, а проливая обильные и радостные слезы, и прозвали сеньора короля Франции из-за его хитрости охотником за паломниками и новым ловцом людей».

У Людовика Святого родился второй сын, тот, кто будет править под именем Филиппа III Смелого; он появился на свет в ночь с 30 апреля на 1 мая 1245 г.

Несмотря на свое стремление выступить как можно скорее, Людовик Святой смог отправиться на Восток только в 1248 г. Хотя во Франции царил покойствие, христианский мир был взбудоражен. Фридрих II велел избрать 24 июня 1243 г. Папой Синибальдо Фиеско, кардинала церкви св. Лаврентия в Лучине, являвшегося его креатурой. Иннокентий IV тут же стал его непримиримым врагом. Он отверг обвинения, выдвинутые против него Фридрихом II, и, опасаясь попасть в плен к императору, контролировавшему всю Италию, тайно бежал в Савойю, а под конец укрылся в Лионе, вольном городе на границе с Францией. Король собрал своих баронов, к которым Папа послал эмиссара, с просьбой позволить ему остановиться в Реймсе, где в ту пору не было епископа. Но бароны побоялись, как бы столь могущественный гость не ущемил власть

короля, коему было тогда только 30 лет, и отказали Папе в его просьбе. Иннокентию также запретили въезд в королевство Арагон.

3 января 1245 г. Иннокентий IV объявил о созыве Вселенского Собора в Лионе, чтобы обсудить на нем опасность, которой подвергалась Святая земля, а также его распри с Фридрихом. Со своей стороны, Фридрих, будучи королем Иерусалимским и императором, написал христианским государям, обрисовывая им положение Святой земли.

Не желая лично предстать перед Собором, Фридрих послал туда своих представителей: епископа Фрейзингенского, магистра Тевтонского ордена, и канцлера Пьера де ла Виня. Но даже они не добрались до Лиона. Папа, устав ждать, вновь отлучил Фридриха от Церкви и освободил его подданных от клятвы верности, запретив им повиноваться своему господину. Он разрешил князьям избрать другого императора и сохранил за собой право распоряжаться сицилийским престолом. Наконец, он приказал начать проповедовать крестовый поход, чтобы оказать помощь христианам Востока.

Фридрих II обратился к христианским государям, стремясь доказать им, что они также задеты нанесенным ему оскорблением, и призвал поддержать его в борьбе против папства. Чтобы уговорить Людовика Святого, он не довольствовался посланием, как всем прочим, а отправил к нему своего канцлера Пьера де ла Виня. Своими баронами рассудить конфликт между Папой и императором. В том случае, если между ними будет заключен мир, Фридрих обещал выехать на Восток или направить туда своего сына Конрада и не складывать оружия до тех пор, пока королевство Иерусалимское не будет освобождено. Он лишь требовал, чтобы Папа снял с него отлучение и разорвал союз с Ломбардской лигой; но понтифик вовсе не собирался выполнять его требование.

Людовик Святой решил встретиться с Папой. Он пригласил его в аббатство Ключни, что на границе королевства, и отправился туда в сопровождении своей матери, трех братьев, сестры Изабеллы и пышного эскорта. Папа в течение двух недель жил в покоях аббата с большой свитой, насчитывающей, в частности, 12 кардиналов, патриархов Антиохийского и Константинопольского и 18 только что назначенных епископов. Там же находился и император Константинопольский.

Прежде всего король попытался помирить Папу и Фридриха и заключить мир с Англией. Переговоры длились семь дней; они проходили в обстановке строжайшей секретности между Людовиком Святым, Бланкой Кастильской и Иннокентием IV (больше на них никто не присутствовал). Можно предположить, что в ходе этого совещания были решены все вопросы, связанные с крестовым походом. Перед отъездом король получил от Папы полное отпущение грехов. Затем он отправился посетить Макон, только что присоединенный к владениям короны, а Иннокентий IV снова уехал в Лион.

Прекрасная дисциплина в войсках, сопровождающих короля Франции, привела всех в Ключни в восхищение. Вскоре им нашлось применение: король послал их занять Прованс. Граф Тулузский попросил руки последней дочери графа Прованского — Беатрисы. Но Раймон Беренгарий умер 19 августа 1245 г., до того, как обе стороны договорились. Его советник Роме де Вильнев сообразил, что этот брачный союз повредил бы интересам короля Франции. Граф Тулузский и король Арагонский угрожали захватить Прованс. Людовик Святой послал туда отряды, которые прибыли с ним в Ключни, и освободил Беатрису; ее вверили матери Людовика Святого, чтобы потом выдать замуж за Карла, самого юного брата короля. Свадьбу сыграли 31 января 1246 г. в присутствии матери и трех дядьев невесты: Амедея, графа Савойского. Фомы, графа Фландрского, и Филиппа, архиепископа Лионского. Людовик Святой пообещал, что графство Прованское будет

безраздельно принадлежать молодой принцессе. Карл вернулся во Францию; в Мелене, на Троицу, Людовик Святой посвятил его в рыцари. Карл жаловался, что его свадьба была не такой пышной, как свадьба короля, его брата, — хотя именно он был сыном короля и королевы, чего нельзя было сказать о Людовике Святом : Карл родился, когда его отец уже взшел на престол, и считал это преимуществом. В августе 1246 г. король уступил ему графства Анжу и Мэн.

Однако борьба между Фридрихом и Иннокентием IV возобновилась с новой силой. Папа провоцировал волнения в Сицилии, подготавливал в Германии избрание нового императора, Вильгельма Голландского, против которого воевал Конрад, сын Фридриха. Амедей, граф Савойский, присоединился к Фридриху, который таким образом получил возможность захватить Папу в Лионе. Император сообщил баронам Франции, что собирается прибыть к Иннокентию IV, дабы оправдаться перед ним, как того требовал от него Папа. Но Людовик Святой не поддался на эту уловку; он объявил, что если Фридрих двинется на Лион, он сам со своими братьями облачится в доспехи, чтобы сразиться с ним. Фридрих остановился в Турине. Затем его задержало восстание в Парме — так угроза, нависшая над Папой, миновала.

* * *

В 1246 г. король отправил эмиссаров закупить для будущего крестового похода зерно и вино на Кипре. Ему помогали венецианцы, а Фридрих облегчил закупки продовольствия в Сицилии. У Людовика Святого не было кораблей для перевозки отрядов — он договорился зафрахтовать их у генуэзцев. В королевстве не было ни одного порта на Средиземноморье, за исключением Эг-Морта в диоцезе Нима, чья территория принадлежала бенедиктинцам. В 1248 г. король купил эту землю. Из-за болот и дюн местность в Эг-Морте была необитаемой; Людовик Святой осушил и обустроил это место, затратив много денег. Он возвел там знаменитую башню Констанс; но город был обнесен стеной лишь в 1272 г.

Чтобы оплатить все расходы, Людовик Святой получил деньги от главных городов королевства: десять тысяч парижских ливров дал Париж, три тысячи — Лан, три тысячи четыреста — Бовэ. Но особенно большой налог он взимал с духовенства: Папа на три года предоставил ему право собирать десятину и позаботился, чтобы эти суммы для короля взимали представители Святого Престола. Жалоб тем не менее было предостаточно.

В четверг, на третьей неделе Великого поста, 7 марта 1247 г., Людовик Святой собрал совет, чтобы обсудить свой отъезд на Восток, Король объявил, что решил отбыть через год, после ближайшего праздника святого Иакова. Несомненно, именно тогда он заставил своих баронов поклясться в верности его детям и быть им преданными, если с ним случится несчастье. «Он и меня попросил об этом, — говорит Жуанвиль, — но я не захотел дать клятву, ибо не был его вассалом». И в самом деле, он был вассалом графа Шампанского. В 1248 г. Жан де Жуанвиль вошел в окружение Людовика Святого; он был тогда очень молод, но с этого момента находился рядом с королем в течение 24 лет. Перед своим отъездом Людовик Святой хотел продлить перемирие с Англией, так как его срок уже подходил к концу. Однако Генрих III был не прочь поторговаться со своим победителем и поднять вопрос о возврате провинций, отвоеванных у англичан Филиппом Августом. Но на деле он не был опасен, ибо погряз в распрях с английской знатью; кроме того, с отъездом Людовика Святого в крестовый поход Франция попадала под охрану «Божьего мира». Вопреки всем угрозам, Франции было обеспечено относительно мирное существование. Так Людовик Святой был вознагражден за свою политическую мудрость; ведь он стремился только к честному миру, в отличие от Филиппа Августа, замышлявшего

захватить Англию, и Людовика VIII, который воевал в этой стране и всю свою жизнь поддерживал связи с англичанами (горожане Лондона, восставшие против своего государя, даже водрузили на городских стенах знамена французского короля). Людовик Святой, напротив, говорил Генриху, что ему не нравится воевать с ним, своим свояком, но французские бароны побуждают его к этому.

Еще Людовик Святой уладил спор вокруг наследования Фландрии и Эно. Графиня Фландрская Маргарита была замужем дважды; ее первый муж, Бушар д'Авен, был до брака протодьяконом, вследствие чего их дети были объявлены незаконнорожденными. Инициаторами этого обвинения выступили сыновья графини от ее второго брака — с Гийомом де Дампьером. За решением обратились к Людовику Святому. Король отдал Эно Жану д'Авену, а Фландрию — Гийому де Дампьеру, дабы они владели ими после смерти матери.

Наконец, прежде чем начать Святую войну за Иерусалим, король пожелал возместить весь ущерб, несправедливо нанесенный кому-либо в его правление. Осенью 1247 г. он приказал своим бальи разыскать всех купцов, жаловавшихся на принудительные займы, и тех, кому пришлось давать деньги или продовольствие людям короля, и возратить им отнятое, если они представят доказательства. Он разослал ревизоров по всему королевству, чтобы узнать о злоупотреблениях, по преимуществу он выбирал клириков — доминиканцев или францисканцев. Судебные чины получили подобные же инструкции. Так, в Але, в ноябре, каноник Шартрского собора и монах из Валь-дез-Эколье принимали от населения жалобы на сенешалей, кастелянов и других представителей королевской власти. Обычное дело для частных лиц — готовиться к крестовому походу, возмещая убытки и возвращая присвоенное добро. Но Людовик Святой стал первым королем, который действовал подобным образом. Впрочем, результаты работы ревизоров так понравились королю, что он продолжил рассылать их по всему королевству; но институт ревизоров, долго приносивший положительный эффект, в конечном счете выродился и стал инструментом эксплуатации в правление Филиппа Красивого. Граф Ричард Английский решил воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы попросить Людовика Святого вернуть Нормандию и прочие земли, отвоеванные французами у Иоанна Безземельного. Но королевские советники и епископы Нормандии воспротивились этому, и Людовик Святой предоставил решение на их усмотрение.

* * *

С того дня, когда он нашел крест, Людовик Святой стал смотреть на себя как на слугу, преданного Господнему делу. По словам его капеллана Гийома Шартрского, он вел образ жизни, подобающий не королю, а монаху. Тем не менее мы нисколько не ошибемся, если предположим, что все поучительные рассказы о Людовике (а их довольно сложно датировать) появились после крестового похода в Египет. У Жуанвиля они появляются только с начала этого восточного путешествия, а Жоффруа де Болье или Гийом де Сен-Патю — свидетели более позднего времени.

По крайней мере, не рискуя впасть в заблуждение, мы можем в тот период приписать ему добродетели, о коих говорит Гийом де Сен-Патю: «Оттого что чистая совесть более, чем прочие душевные богатства, угодна взору Господа, благословенный король Людовик Святой придерживался такой великой чистоты, что своими заслугами сумел возрадовать Спасителя. Он был так чист, что почтенные и достойные веры лица, долго беседовавшие с ним, верили, что он никогда не совершил смертного греха, что они клятвенно утверждали. И так же твердо верили, что он предпочел бы лишиться собственной головы, нежели совершить смертный грех сознательно и по собственной воле... И очень часто, когда он

был в своих покоях с приближенными, произносил святые и скромные слова и приводил прекрасные примеры для наставления окружающих его... Он не клялся ни Богом, ни Его частями тела, ни святыми, ни Евангелиями, но когда хотел подчеркнуть что-то, то говорил: "Воистину так". Он никогда не призывал дьявола и не называл его, если только случайно, когда прочитывал (в книге) его имя.

Монах брат Симон из ордена доминиканцев и приор Провенского монастыря говорят и утверждают, что, находясь много раз с благословенным королем и долго беседуя с ним, никогда в жизни не слышали от него ни льстивых пустых слов, ни другой хулы, и что нигде не встречали человека, столь глубоко почтенного в словах и взглядах...» Таким образом, даже с церковниками король не прибегал к грубой лести, злословию или клевете — обычной практике придворной жизни, внушавшей ему отвращение.

Гийом де Сен-Патю продолжает: «Вместе с этим благословенный король был необычайно вежлив, до того, что никогда не слышали сорвавшегося с его уст какого-нибудь грубого слова или проклятия; он никогда никого не порицал, не говорил никому хулительных слов, так что никогда за ним не было замечено ни одного недостойного поступка... Благословенный король был очень воздержан в своем внешнем облике, речах, одежде, питье и еде; он был смиренным, а не гордым и высокомерным. Мессир Жан де Суази, рыцарь, муж в зрелом возрасте и очень богатый, пробывший рядом с королем с молодости около 30 лет, вплоть до самой его смерти, очень близко знавший его, клятвенно утверждал, что никогда не слышал, чтобы он как-то любезничал или участвовал в каких-нибудь неприличных развлечениях, и никогда не видел его за азартными или подобными им играми...

Он никого не презирал, и только очень мягко порицал тех, кто в его присутствии совершал поступки, способные его разгневать. Он поправлял их, произнося следующие слова: "Замолчите" или "Помиритесь" или же "Не делайте впредь подобных вещей, ибо можете за них понести строгое наказание", или же он говорил им что-то вроде этого, и к каждому обращался на "вы".

Он мог только страдать от того, что кое-кто из его дома пребывал в смертном грехе. Блуд, супружеская измена, богохульство претили ему особенно; он беспощадно изгонял виновных и долго не прощал, а если и прощал, то с великим трудом. Он велел повесить одного из своих слуг, изнасиловавшего женщину. Перед отплытием в крестовый поход он собрал своих людей и потребовал от них жить по-христиански в течение экспедиции; он им наказал жить целомудренно и в чести, потому что здесь они на службе у Господа и у себя, и сказал им, что те, кто не сможет или не захочет жить достойно, пускай попросят разрешения вернуться, и он им его даст...»

* * *

В возрасте менее двух лет, 10 марта 1248 г. умер Жан, сын Людовика Святого; его похоронили в аббатстве Руаймон. В июне 1248 г. Людовик Святой и Бланка Кастильская, пребывая в Париже, основали аббатство Нотр-Дам-дю-Ли, подле Мелена, дабы снискать помощь Господню. Там они поселили цистерцианских монахинь; первой аббатисой стала Алиса, продавшая после смерти мужа королю графство Макон и принявшая постриг в Мобюиссоне. Среди прочих реликвий это аббатство приняло в дар от Филиппа Красивого шкатулку с власьяницами и плетями, которыми пользовался святой король. В июне 1247 г. Бодуэн, император Константинопольский, в Сен-Жермен-ан-Лэ безоговорочно передал в дар Людовику Святому Терновый венец и другие реликвии, которые он ему заложил. Король торжественно отпраздновал перед отъездом освящение Сен-Шапель, возведенной

менее чем за пять лет, дабы хранить там реликвии Страстей Господних. Посетив, по обычаю французских королей, отбывавших в крестовый поход, несколько святых мест — в том числе и аббатство Сен-Виктор, которое так ценили его отец и дед, — Людовик Святой отправился в аббатство Сен-Дени взять суму и посох паломника и одновременно получить орифламм. Их вручил ему легат Одон де Шатору в пятницу после Троицы (12 июня 1248 г.). Наконец, он поехал в капитул попрощаться с монахами и попросить их молиться за него. В следующее воскресенье так же поступила и королева Маргарита.

Вернувшись в Париж, король босиком дошел до собора Парижской Богоматери прослушать мессу и проститься со всеми, потом пешком покинул город, сопровождаемый толпами народа и процессиями всех приходов и монастырей. Людовик вступил в аббатство Сент-Антуан-де-Шан, на освящении которого он присутствовал 2 июня 1233 г. со своей матерью, дабы препоручить себя молитвам монахов. Затем вскочил на коня и отправился ночевать, несомненно, в Корбейль.

С этого времени и до смерти он не носил больше ни алой одежды, ни шубы, ни меха, ни беличьих шкурок или других ценных украшений, а носил очень простую одежду голубого или сине-зеленого цвета, из буро-черного камлота или черного шелка; и его плащи подбивались шкурками кролика, ягненка, зайца, порой белки. На седлах, уздечках и прочей сбруе не было больше ни золотых, ни серебряных украшений, и он также перестал носить золоченые шпоры. В какой-то степени знать подражала ему. Лионский Собор рекомендовал сию простоту крестоносцам; Жуанвиль сообщает, что пока он был с королем на Востоке, он никогда не видел вышивки на его боевых коттах. Все котты Людовика Святого были сшиты из тафты.

Он часто носил простой камлот, как и церковники, иногда грубую шерсть. Когда он творил суд или в великие праздники появлялся во всем королевском величии, одетый в пурпур и шелк, как обычно поступали короли, начиная с Филиппа Августа, он раздавал бедным одежду, которую не хотел больше носить; а поскольку его смирение было праведным, он раздавал милостыню деньгами [тем, кому не досталась одежда], порой по 60 ливров в год. Фома Кантемпре рассказывает, что когда Оттон, граф Гелдернский, послал одного сеньора отвезти письмо Людовику Святому, этот посланец, кривляясь, передразнил короля, дабы посмеяться над его скромным видом, и был наказан за этот проступок, оставшись с застывшей на лице гримасой на всю жизнь.

В Корбейле король поручил регентство своей матери, которой никто, добавляет Ле Нэн де Тиллемон, на сей раз не завидовал. Затем он продолжил путь дальше, останавливаясь преимущественно возле церквей и аббатств. Францисканец Салимбене повидался с ним в монастыре в Сансе: «Король был хрупкого телосложения, худой и довольно высокого роста, с ангельским видом и лицом, преисполненным благодати. Он отправлялся во францисканскую церковь без королевской помпезности, но в одежде паломника, неся еще свой посох и суму... И он прибыл не верхом, а пешком, и его братья, все трое графы, от первого Робера до последнего Карла, свершившие великие и достопамятные дела, следовали за ним с тем же смирением и в том же одеянии. Король позаботился не о свите из знати, а об одобрении и молитвах бедняков; и по правде, по причине его глубокой набожности говорили, что он больше походит на монаха, чем на рыцаря, несмотря на доспехи. Наконец он вступил в церковь францисканцев и, благоговейно опустившись на колени, помолился перед алтарем... Когда мы собрались в часовне, король стал говорить с нами о походе, давая советы своим братьям и супруге, своей матери и всей ее свите, и, преклонив благочестиво колени, он испросил молитв и благословения монахов; и некоторые монахи францисканцы, стоявшие рядом со мной, были так взволнованы, что не смогли удержаться от слез». Людовик проехал через Сен-Бенуа-сюр-Луар, где уладил

конфликт этого аббатства с епископом Бовэ, и пожелал отправиться в Лион, чтобы еще раз попытаться помирить Папу и императора. Его сопровождала Бланка Кастильская, одни говорят — до Лиона, другие — до Клуни; они расстались со слезами на глазах; Папа дал ему свое благословение и отпущение всех грехов и взял его королевство под свое покровительство, пообещав охранять его от английского короля; но помирить Папу с Фридрихом II так и не удалось.

Он спустился на равнину Роны. По пути ему встретился укрепленный замок Рош-де-Глен, сеньор которого требовал выкуп от всех путешественников и убивал тех, кто не платил. Король осадил его, взял в считанные дни и повелел частично разрушить, затем возвратил его сеньору, заставив его вернуть все наворованное у паломников и клятвенно пообещать прекратить грабежи. Часть крестоносцев села на корабли в Марселе. Своим вассалам король велел собраться у Эг-Морта. Он вез Маргариту, свою жену; сначала король собирался оставить ее во Франции, но она не пожелала остаться одна с Бланкой Кастильской. Графы Артуа и Анжу, как и легат Эд, взошли на корабль вместе с ним. Альфонс де Пуатье оставался во Франции до следующего года, чтобы собрать арьербан и оказать, если потребуется, помощь своей матери. Кроме того, в свите Людовика Святого ехал Анри де Колонь, доминиканец, дважды побывавший в Святой земле.

Жуанвиль, которому пришлось заложить почти все свое имущество, чтобы оплатить расходы на экспедицию, уехал почти сразу после Пасхи, с десятью рыцарями, в компании своих родственников — графа де Саарбрюка и сира Апремона. Они добрались по течению Оксона до Арля и сели в Марселе (в августе) на маленькое судно, которое доставило их на Кипр, где король назначил встречу своим баронам.

К королю должно было присоединиться большое число английских дворян, и среди них граф Лестер, Симон де Монфор со своей женой Алиенорой, сестрой Генриха III, Вильгельм Длинный Меч, бастард Генриха III в сопровождении двухсот рыцарей. Король Генрих III передал командование английскими крестоносцами своему брату Гуго де Лузиньяну и потребовал, чтобы они выступили в поход только после Людовика Святого. Хакон, конунг Норвегии, тоже принял крест; он попросил Людовика Святого позволить ему отплыть на Восток от берегов Франции, что король ему разрешил, пригласив путешествовать вместе. Но Хакон отказался, пояснив это тем, что его воины, буйные и задиристые, не уживутся с французскими баронами. В декабре 1252 г. он все еще не двинулся с места.

38 кораблей ждали Людовика Святого и его воинов, которых было так много, что королю пришлось оставить на суше своих итальянских лучников. Два адмирала флота были генуэзцами. Попутного ветра ждали два дня, и он подул в сторону Святой земли во вторник 25 августа 1248 г. — ровно за 22 года до смерти короля.

IV. Крестовый поход в Египет

Остров Кипр завоевал у византийцев Ричард Львиное Сердце, который передал его во владение Ги де Лузиньяну. Он представлял собой единственное место по соседству со Святой землей, которое было недоступно для нападения мусульман; именно потому Людовик Святой выбрал Кипр в качестве места, куда свозили продовольственные запасы. В самом же намерении короля напасть на Египет, чтобы освободить Иерусалим — хоть этот план и был слишком смелым, — не было ничего удивительного, так как Палестину захватил именно египетский султан.

Людовик Святой высадился на острове Кипр в порту Лимасол в ночь с 17 на 18 сентября 1248 г. Один из его кораблей, ударившись о песчаную отмель, полностью развалился; все пассажиры утонули, за исключением одной молодой женщины и ребенка, которого она смогла вынести на берег.

Людовик Святой хотел сразу же напасть на Египет, что было разумным с военной точки зрения. Но большая часть сеньоров еще не прибыла. Принцы и французские бароны, как и бароны Кипра, упрашивали короля дождаться отставших, но для этого пришлось зимовать на острове. Генуэзские корабли, нанятые для перевоза войск, вернулись в свои порты.

Королем Кипра был Генрих де Лузиньян, которого признали в 1246 г. королем Иерусалимским. Он принял Людовика Святого и королеву с пышными почестями в Никозии, своей столице. Отряды крестоносцев расположились в окрестных деревнях. Почти вся кипрская знать приняла крест, дабы сопровождать Людовика Святого. Склады продовольствия, которые король велел запастись за два года до похода, виднелись посреди полей или на морском побережье: нагроможденные одна на другую бочки издали походили на крытое гумно, горы пшеницы и ячменя, поливаемые дождями, проросли и казались холмами, покрытыми зеленой травой. Когда решили начать экспедицию в Египет, корку сорвали и нашли зерно таким же свежим, каким оно было, когда его привезли.

Король настойчиво призвал крестоносцев жить в целомудрии и нравственной чистоте. Именно на Кипре он принял на службу Жана де Жуанвиля, ставшего затем его другом. Жуанвиль рассказывает: «Я, не имея и 1000 ливров дохода с земли, взял на содержание, отправляясь за море, десять рыцарей и двух рыцарей-баннеретов ; и случилось так, что когда я прибыл на Кипр, у меня оставалось всего 240 турецких ливров после оплаты корабля, по причине чего кое-кто из моих рыцарей передал мне, что если я не раздобуду денег, они меня покинут. И Бог, никогда меня не оставлявший, сделал так, чтобы король, пребывавший в Никозии, послал за мной и взял к себе на службу и выдал мне 800 ливров; и тогда у меня оказалось больше денег, чем было нужно».

Уже одна весть о прибытии французского войска произвела большое впечатление на весь Восток. К несчастью, среди крестоносцев распространялась эпидемия, унесшая до Пасхи жизни более 240 рыцарей. Среди прочих умерли епископ Бовэ, граф Вандомский, Аршамбо де Бурбон, граф Патрик, шотландский сеньор. Граф Анжуйский подхватил лихорадку, которая продержалась у него год. Стремясь прекратить эпидемию, Людовик Святой велел расселить свои отряды по всему острову.

Во время пребывания на Кипре Людовик Святой старался положить конец бесконечным распрям между окружавшими его христианами. Греков притесняли латиняне. Легат Эд де Шатору позволил вернуться на Кипр изгнанному оттуда греческому архиепископу, который пообещал подчиняться Римской Церкви. Еще Людовик Святой примирил госпитальеров и тамплиеров. Он встретил посланцев армянского царя и князя Антиохийского, которые хотели заключить с ним союз: оба эти государя были врагами, но королю удалось их примирить. Также говорили, что он обратил в христианство всех пленных сарацин, которые находились на острове.

14 декабря 1248 г. на Кипре высадились татарские послы. Они прибыли просить Людовика Святого о союзе, направленном против сарацин, ибо готовились вторгнуться в Багдадский халифат. Полагают, что это посольство к королю направил один из военачальников преемника Чингис хана; быть может, он был несторианином и прельщал

короля надеждой обратить в христианство свой народ, чтобы склонить его к согласию. Подле Людовика Святого находился доминиканец Андре де Лонжюмо, который, будучи некогда послан Папой в «Татарину», узнал одного из послов. Людовик Святой, в свою очередь, направил послов к великому хану: посольство возглавлял брат Андре, и в его состав входили два других доминиканца, Жан и Гийом, два клирика и два официальных лица собирались проповедовать христианскую веру татарам. К хану послы везли в подарок шатер, изготовленный в виде часовни из тонкой красной ткани, на внутренних стенках которого изобразили жизнь Иисуса, чаши и ценные литургические украшения. Людовик Святой присоединил к этим дарам частичку Истинного Креста и письмо, где призывал татар перейти в христианство. Легат Эд де Шатору тоже написал язычникам. Татары покинули Никозию 27 декабря в сопровождении королевских послов. Путешествие последних продлилось два года, и вернулись они очень разочарованные оказанным им приемом и тем, что увидели.

Помощи Людовика Святого приехала просить и императрица Константинопольская. Ее встречали Жуанвиль и Эرار де Бриенн, которые представили ее королю в Лимасоле. Императрица добилась, что сто рыцарей обещали прибыть в Константинополь, если по возвращении во Францию король пошлет туда же триста рыцарей. Она уехала во Францию, когда Людовик Святой направился в Египет.

Приближалась весна. Людовик Святой стал подумывать о том, чтобы перейти в наступление. Он попросил предоставить ему корабли, чтобы перевезти свои войска, в Акре, Венеции, Генуе и Пизе, но купцы не соглашались прерывать свою торговлю. Кроме того, между итальянцами шла борьба, в ходе которой был убит консул Генуи; Людовик Святой и легат вмешались, дабы восстановить мир. Наконец за крупную сумму от купцов добились согласия, и отплытие наметили на середину апреля.

Людовик Святой написал султану Египта, что нападет на него, если тот не удовлетворит его требований. Несколько дозорных кораблей причалили в дельте Нила, чтобы совершить несколько налетов. Говорят, что султан, который тогда был очень болен, заплакал от досады. Он отдал приказ укрепить Дамьетту и поместить туда крупный гарнизон. Также он повелел подготовить к обороне Александрию.

Наконец, ко дню Вознесения, Людовик Святой получил итальянские корабли. Он велел погрузить на них плуги, мотыги и орудия труда, дабы обрабатывать землю, чему все удивились. Тогда же на Кипре схватили людей, сознавших, что их послал султан с целью отравить короля и главных предводителей войска.

Отплытие произошло в четверг вечером, 13 мая, в день Воздвижения. Гийом де Виллардуэн, граф Морейский, и герцог Бургундский присоединились к королю. На Востоке никогда не видели такого значительного флота — он насчитывал 120 крупных кораблей, не считая галер и лодок малого тоннажа, построенных на Кипре для того, чтобы пристать к египетскому берегу (которых было по меньшей мере 1600), на борту которых находились отряды из 2800 рыцарей и их приближенных.

В войске думали, что курс взят на Александрию. Но во вторник на море король велел поворачивать к Дамьетте. Однако много дней дул встречный ветер, и корабли не продвигались вперед. В воскресенье, на Троицын день, когда море, насколько хватало взгляда, было покрыто кораблями, поднялась буря, по большей части рассеявшая их. Некоторые корабли пригнало к Акре. Людовик Святой вернулся в порт Лимасола, где прослушал мессу; он нашел подле себя только 700 рыцарей и провел праздник в печали. Пришлось неделю дожидаться благоприятного ветра. Наконец 30 мая корабли

крестоносцев смогли снова поднять паруса и во вторник, 4 июня, оказались в пределах видимости Дамьетты. 55 кораблей, рассеянные бурей, все еще не присоединились к основной эскадре.

* * *

Король собрал своих баронов. Кое-кто считал, что прежде чем начинать бой, надо дождаться отставших. Но Людовик Святой не желал больше тянуть с высадкой, ибо поблизости не было ни одного порта, где можно было бы укрыться в случае непогоды, а на Троицын день они уже достаточно испытали на себе силу бури. Было решено высадиться на следующий день на рассвете, в том же месте, где высадился в 1218 г. Иоанн де Бриенн, король Иерусалимский, — на западном берегу Нила на острове Гиза.

Вскоре на горизонте появились четыре сарацинских галеры, чтобы убедиться, что это флот короля. Их окружили и три из них тотчас же потопили; четвертая ускользнула и сообщила гарнизону Дамьетты о прибытии французского государя. В городе зазвонили колокола. К полудню французский флот бросил якорь на рейде перед берегом, заполненным отрядами султана. «Очень красиво было смотреть на них, — пишет Жуанвиль, — ибо султан носил доспехи из золота, на которые падали лучи солнца, заставляя их сиять. Шум, производимый их литаврами и сарацинскими рогами, нельзя было слышать без страха».

Ночью оберегали себя от всякой неожиданности, зажигая в великом множестве костры; арбалетчики были начеку, готовые отогнать сарацин, если те попытаются напасть. Утром христианский флот поднял якоря и направился к острову. Король спустился в шлюпку с легатом, несшим перед собой крест; в соседней шлюпке водрузили орифламму, которую охраняли братья короля, бароны и рыцари. Арбалетчики разместились в обеих шлюпках, дабы отгонять врага стрелами. Для Жуанвиля эта кампания стала главным приключением его жизни. Он детально рассказывает о своей высадке с шлюпки, которую предоставила ему мадам де Барю, его кузина (эта шлюпка вмещала только восемь лошадей). Переход с крупного корабля на такую шлюпку был небезопасен — но никто из рыцарей не утонул. Жуанвиль взял в свою шлюпку оруженосца, коего посвятил в рыцари, Гуго де Вокулера, и двух очень смелых молодых воинов — «имя одного из них было монсеньор Вилен де Версей, а другого — монсеньор Гийом де Даммартен, и они люто ненавидели друг друга. И никто не мог их помирить, потому что они в Море вцепились друг другу в волосы, и я повелел им простить взаимно обиду и обняться, так как поклялся им на реликвиях, что не ступим на Святую землю, если кто-нибудь из нас будет питать злобу».

Шлюпка Жуанвиля, более ходкая, опередила те, что везли короля и орифламму, и причалила близ крупного отряда сарацин, «там, где их собралось добрых шесть тысяч всадников. Едва завидев нас на суше, они, пришпорив лошадей, бросились вперед. Увидев, что они приближаются, мы воткнули острые концы наших щитов в песок и то же сделали с нашими копьями, повернув их острием к врагам. Едва они увидели, что копьё вот-вот вонзится им в живот, они повернули назад и бежали».

Как только орифламму вынесли на берег, Людовик Святой прыгнул из шлюпки в море, оттолкнув легата, пытавшегося его удержать. Вода доходила до груди. «И он двинулся, со щитом на шее, шлемом на голове и копьем в руке, к своим людям, стоявшим на берегу моря. Когда он достиг земли и заметил сарацин, он спросил, что это за люди, и ему сказали, что это сарацины; и он взял копьё наизготовку, выставил перед собой щит и бросился бы на сарацин, если бы достойные мужи, бывшие с ним, допустили бы сие». С

обеих сторон арбалетчики выпустили град стрел, но большинство крестоносцев, воодушевленных примером, бросились за королем, крича: «Монжуа, Сен-Дени!»

Когда король, вскочив со своими баронами на коней, доскакал до лагеря сарацин, завязалась довольно жаркая битва, в которой вражеские вожди были убиты; уцелевшие поспешно перешли мост из лодок, ведущий в Дамьетту, оставив французам западный берег Нила. Это произошло с наступлением ночи.

Во время этой битвы крупные французские корабли атаковали сарацинские галеры и принудили их подняться вверх по течению реки. Из Дамьетты вышли сражаться все сарацины, а рабы и узники, сидевшие в городских тюрьмах, бежали и присоединились к французам, которым впоследствии помогли причалить в самых удобных бухтах.

В первый день жертв со стороны французов было очень немного — кое-кто утонул или был ранен, из которых самым значимым был Гуго, граф Маршский, тот самый сеньор, который некогда восстал против Людовика Святого. Чтобы искупить прошлое и видя, что его выставляют на посмешище другие бароны, он сразу бросился в самое пекло битвы. Его серьезно ранили, и спустя некоторое время он умер в Дамьетте.

Ночью на берегу моря поставили шатры. На следующий день, в воскресенье, 6 июня, крестоносцы решили завершить высадку и подготовить орудия для осады Дамьетты. Город был защищен двумя стенами со стороны Нила, тремя — со стороны суши, с огромным числом башен, и он считался самым укрепленным местом в Египте. В 1218 г. король Иерусалимский смог овладеть им только после шестимесячной осады, уморив гарнизон голодом; именно на эту осаду прибыл святой Франциск Ассизский. Но на сей раз среди сарацин распространился слух о смерти султана — его предупредили трижды через почтовых голубей о высадке французского короля, но ответа не получили. Тогда сарацины покинули ночью город, перебив рабов и узников и устроив несколько пожаров; однако в спешке они позабыли уничтожить лодочный мост, ведущий в город.

Так крестоносцы вошли в город без боя. Король прибыл туда во главе процессии в три часа пополудни. Он отправился напрямик в мечеть, которую в 1219 г. христиане превратили в церковь Пресвятой Девы, и велел пропеть "Te Deum" легату и всем прелатам войска. Король провел лето в Дамьетте, вплоть до окончания разлива Нила. Он дождался своего брата Альфонса де Пуатье, который должен был привести ему подкрепление из Франции. За это время крестоносцы восстановили городские стены; в укрепленном городе остались королева с дамами и ранеными. Лагерь самих крестоносных войск находился вне стен.

* * *

После этого первого неслыханного успеха, в который едва могли поверить «профессионалы» по ведению войн в Святой земле — рыдари Орденов тамплиеров и госпитальеров. — все стали тешить себя надеждой, что завоевание Египта, а потом и Палестины произойдет без трудностей. Войско было хорошо снабжено и ежедневно возрастало за счет новых рекрутов — христиан Мореи, рыцарей из Европы. Сарацины обращались в христианство, что было самым пламенным желанием Людовика Святого.

А в Каире сарацины уже считали себя побежденными. Однако султан не умер. Разъяренный бегством своих отрядов, он велел повесить 50 человек из тех, кто ими командовал. Хоть он и был больным, все же повелел отвезти себя в Мансур, чтобы преградить путь крестоносцам. Он послал вызов французскому королю на 25 июня.

Людовик Святой ответил, что он вызывает его не только на этот день, но и на все прочие — разве что султан примет христианство. Именно 25 июня начался разлив Нила, обрекший французскую армию на бездействие. Рыцари со своими людьми проматывали свою добычу на празднествах; глазам короля предстала позорная картина: тщеславие, ненависть, зависть царили повсюду. Жуанвиль пишет: «Господь может сказать нам то же самое, что сказал сынам Израилевым: "Они ни во что не ставили столь желанную землю". И что рек он потом? Он сказал, что они забыли Бога, спасшего их. И я вам расскажу дальше, как мы тоже позабыли о нем».

Он продолжает: «Люди короля, коим следовало бы снисходительно удерживать купцов, сдавали им место внаем, причем столь дорого, что те освободили лавки, где продавали свои продукты, и по другим станам прошел слух об этом, отчего многие купцы отказывались ехать в лагерь. Бароны, кои должны были хранить свое добро, дабы использовать его к месту и ко времени, принялись задавать пиры с горами мяса. В городе увлеклись дурными женщинами, отчего король по возвращении из плена распродался с большинством своих людей. И я спросил его, зачем он так поступил, и он мне ответил, что на расстоянии брошенного камешка вокруг его шатра люди, с коими он расстался, устроили увеселительные места — и это в то время, как войско претерпевало великую нужду».

Большая часть сеньоров была сами себе хозяевами, ибо они участвовали в походе на свои собственные средства, и король пользовался властью над ними и их сопровождением только в отдельных случаях — и то они не всегда ему повиновались.

Сам граф Артуа не уважал своего брата; он поссорился с Гийомом Длинным Мечом и его англичанами, которые из-за этого ушли в Акру, хотя Людовик Святой и говорил им, что не одобряет поведения своих людей и боится, как бы их гордыня не навлекла на них гнев Божий. Впрочем, Длинный Меч вернулся в Дамьетту в ноябре. Султан предложил крестоносцам выгодный мир, но его отвергли из-за тщеславия графа Артуа. Жуанвиль рассказывает, что баронам запретили всяческие стычки, дабы избежать бессмысленных потерь; однажды по тревоге он пришел в королевский шатер и попросил разрешения сразиться с язычниками, но король дал решительный отказ. Однако Жуанвиль застал короля в доспехах, в окружении достойных мужей, также вооруженных. Их звали Жоффруа де Сержин, Матье де Марли, Филипп де Нантей и Эмбер де Боже, коннетабль Франции.

Один рыцарь по имени Гоше, из дома Шатийонов, велел вооружить себя с ног до головы и бросился на врага с кличем «Шатийон!», подстрекаемый своими людьми. Но лошадь сбросила его, и прежде чем он смог подняться, четыре сарацина набросились на него и нанесли множество ударов. Французы отбили его, но рыцарь вскоре умер от ран. Король не стал жалеть об этом и сказал, что не хотел бы иметь и тысячу подобных Готье, которые вступали бы в бой без его приказа.

Бедуины выставили дозоры и убивали всех христиан, отдалявшихся хоть немного от лагеря поодиночке. Ночью они проскальзывали мимо стражей крестоносцев, заползали в шатры, убивали спящих отдельно и отрезали им головы, чтобы унести, ибо султан пообещал награду в безант золотом за принесенную ему голову крестоносца.

Король приказал, чтобы конные дозоры, мимо которых сарацины могли легко проскользнуть, заменили пешими патрулями; наконец, он повелел окружить лагерь широким рвом, чтобы воспрепятствовать налетам вражеской кавалерии. Каждый вечер арбалетчики и сержанты вставали на караул возле рвов и въездов в лагерь.

Миновал праздник святого Ремигия, но вестей от графа Пуатье не было. Король и бароны забеспокоились, а легат распорядился о процессиях в церкви Дамьеттской Богоматери в течение трех суббот, на исходе которых граф прибыл. Он взошел на корабли в Эг-Морте 25 августа 1249 г. со своей женой Жанной, дочерью графа Тулузского, графиней Артуа и значительными отрядами. 24 октября он высадился в Дамьетте.

Состоялся новый совет всех баронов, дабы решить — нападать на Александрию или Каир. Обсуждался вопрос, стоит ли захватывать Александрию, прекрасный порт, но не столь укрепленный, как Дамьетта, во время разлива Нила; операция могла увенчаться успехом; однако король предпочел присоединиться к тем, кто хотел дождаться подкреплений, обещанных его братом. Быть может, он боялся распылять свои отряды во вражеской стране, где сложно было поддерживать сообщение. На сей раз Пьер Моклерк и большая часть баронов посчитали, что надо осадить Александрию. Граф Артуа, напротив, хотел идти прямо на Каир, столицу султана, потому что, говорил он, чтобы убить змею, надо раздавить ей голову. Король последовал совету своего брата; к тому же посланники одного из сарацинских военачальников, брата которого султан после утраты Дамьетты казнил, тайно пообещали, что сдадут королю Каир без сопротивления, дабы отомстить за сию казнь.

20 ноября 1249 г., с наступлением Рождественского поста, король с войском наконец пришли в движение, направившись к «Египетскому Вавилону», как посоветовал граф Артуа.

Вести немедленно достигли Мансура, где умирал султан. Он вновь обратился к Людовику Святому с мирными предложениями: возвратить земли, некогда принадлежавшие Иерусалимским королям, равно как и христианских пленников, в обмен на Дамьетту. Людовик Святой отказал, полагая, что если он оставит султана владеть Египтом, тот не замедлит при первой же возможности снова отвоевать Палестину; впрочем, султан умер и занявший его место эмир прервал переговоры. Король оставил с королевой сильный гарнизон в Дамьетте. Когда он выступал в поход, то уже был болен.

* * *

Войско в боевом порядке покинуло дельту Нила, поднявшись по правому берегу притока к Дамьетте. Проходя, отряды грабили всех на своем пути. Людовик Святой запретил убивать женщин и детей, приказав, чтобы их приводили для крещения; он потребовал также, чтобы по возможности мусульман брали в плен, а не убивали. Сарацины же следовали за обозами по пятам.

Эмир Фахр-эд-Дин, принявший бразды правления, некоторое время держал в тайне смерть султана, стремясь избежать смут, и спешно готовился к войне. Султан, почувствовав близкую кончину, призвал сына Туран-Шаха, управлявшего Хараном, Эдессой и другими землями в Месопотамии. Эмиры получили приказ принести ему клятву верности и до его прибытия во всем повиноваться Фахр-эд-Дину. Впрочем, главной задачей было остановить наступление крестоносцев.

Из дельты Нила, по направлению на восток от Дамьетты, вытекал канал Ашмун. Вражеское войско расположилось в Мансуре, на противоположном берегу канала, в том месте, где он вытекал из реки, и стало лагерем на равнине, простиравшейся до речного берега.

В Фарескуре, довольно близко от Дамьетты, путь войску Людовика Святого преградил ирригационный канал. Потребовалось засыпать его землей. Легат обещал отпущение грехов тем, кто возьмется за эту работу, так что Людовик Святой пожелал лично подать пример, приняв участие в осушении канала.

По дороге отряд из пяти сотен сарацин прибыл к французам, заявив, что они недовольны султаном и хотят присоединиться к крестоносцам. Людовик Святой принял этих людей, но повелел следить за ними. 6 декабря на марше они набросились на отряд, шедший перед ними, намереваясь уничтожить его; но находившиеся по соседству тамплиеры их стремительно атаковали и перебили.

Прибыв к Мансуру и узрев сарацин на противоположном берегу реки, Людовик Святой велел разбить лагерь со рвами и укреплениями и установить метательные орудия. Обозы с продовольствием, приходящие из Дамьетты, могли добраться только по воде, и сарацины их перехватывали. Начался голод. В самое Рождество пришлось отбивать вражескую атаку. Все, кто отходил от лагеря, погибали. Гуго де ла Тур, епископ Клермонский, умер 29 декабря 1249 г. Рукав Ашмуна был глубоким, зажатым между крутыми берегами, неудобным для переправы. В феврале 1250 г. решили возобновить маневр, удавшийся в Фарескуре, — соорудить плотину, которая удержала бы воду вверх по течению и перекрыла бы канал. Крестоносцы построили две крытые галереи с одной башней для арбалетчиков, чтобы защищать людей, строящих дамбу, от сарацин, удерживающих противоположный берег, — эти сооружения назывались «кошачьими замками». Но здесь было много воды, чтобы ее затворить. А сарацины разрушали дамбу по мере ее сооружения — они подрывали берег со своей стороны, и вода прорывалась, разрушая труд, стоивший христианам трехнедельных усилий.

С помощью своих метательных машин сарацины могли не только отвечать на выстрелы христианских орудий, но и использовать против крестоносцев «греческий огонь». Жуанвиль сообщает, что, не имея никакой защиты от этих орудий, один рыцарь сказал: «Я решил, и вам советую, всякий раз, как они будут метать в нас огонь, падать ниц и молить Господа нашего, чтобы Он сохранил от этой напасти». Жуанвиль продолжает: «Едва они нанесли первый удар, как мы опустились на колени, последовав совету этого рыцаря. Первый снаряд, посланный врагами, пролетел между двумя нашими "кошачьими замками"... Наши люди приготовились тушить огонь. Греческий огонь летел вперед, большой, как бочка для незрелого винограда, а огненный хвост, вырывающийся из него, был длиною с копье. Он производил такой шум при полете, что казался молнией небесной и походил на дракона, парящего в небе. Он так сильно сиял, что в лагере было светло, как днем, из-за великого обилия яркого огня. В этот вечер трижды метали они в нас греческий огонь. Всякий раз, когда наш святой король узнавал, что в нас мечут греческий огонь, он вставал со своего ложа и простирал руки к Распятию, говоря в слезах: "Всемиловитый Господь, сохрани моих людей!" И я воистину верю, что его молитвы сослужили нам хорошую службу. Вечером, всякий раз как падал огонь, он посылал одного из своих камергеров узнать, что с нами и не причинил ли огонь нам ущерба».

Однажды, когда молодой герцог Анжуйский стоял на страже, в два «кошачьих замка» попал греческий огонь, их охватило пламя, и королевский брат настолько утратил всякое разумение, что хотел броситься в огонь, чтобы загасить его. Людовик Святой попросил у баронов древесину с их кораблей, дабы соорудить новый «кошачий замок», ибо иного материала, которым можно было бы воспользоваться, под рукой не было. Когда «кошачий замок» был закончен, король решил завезти его на дамбу в день, когда герцог Анжуйский станет на стражу. Едва ее установили, как сарацины обстреляли дамбу, чтобы ею нельзя

было воспользоваться, затем они привезли свое орудие для метания греческого огня и спокойно сожгли постройку христиан.

После того как крестоносцы потратили много времени, пытаясь переправиться через реку, один бедуин предложил за 500 безантов показать брод. Ему выдали деньги. На совете решили, что герцог Бургундский и бароны Святой земли останутся охранять лагерь, а король с братьями переправятся на другой берег. Переправа состоялась в день Заговенья, 8 февраля 1250 г. Лошадям крестоносцев пришлось плыть через канал, покуда они не почувствовали дно; на противоположном берегу христиан ждал не только крутой подъем, но и готовые к бою сарацины. Несколько рыцарей во время переправы утонуло.

Построение войска было таково, что тамплиеры, как более выносливые бойцы, составляли авангард, а граф Артуа шел непосредственно за ними. Едва миновав брод, молодой принц обратил в бегство сарацин, толпившихся на берегу канала, и, совершенно позабыв о всякой дисциплине, ринулся преследовать отступавших. Тамплиеры заявили ему, что он позорит их, занимая место, указанное им королем. Граф Артуа ничего не желал слушать; кроме того, рядом с ним ехал некий глухой рыцарь, видевший только врага и беспрестанно кричавший: «На них! Да ну, на них же!» Тамплиеры, посчитав, что навлекут на себя позор, ежели позволят брату короля скакать впереди, прищипорили лошадей.

В сарацинский лагерь они влетели подобно урагану. Гийом Длинный Меч и Рауль де Куси мчались за графом Артуа. Эмир Фахр-эд-Дин, сидевший в своей ванной и занятый окраской бороды, вскочил на коня, не имея даже времени вооружиться, чтобы присоединиться к своим отрядам. Его догнали и почти тут же убили. Сарацин гнали в Мансур и дальше — по дороге на Каир. Беглецы стекались в столицу Египта, сообщая, что война проиграна.

Магистр Ордена тамплиеров хотел отговорить графа Артуа вступать в Мансур, который со своими узкими и кривыми улочками легко мог стать западней. Гордец, насмешник и человек дерзкий, граф не пожелал ничего слышать. Он оказался заперт в городе. В то время как его воины помышляли только о грабеже, жители набросились на них, бросая камни и балки с крыш домов, а спрятавшиеся сарацинские воины внезапно налетели со всех сторон. Мамлюки во главе с Бейбарсом вновь собрали убежавших и перешли в наступление. У графа Артуа не было арбалетчиков, чтобы отбить атаку. Ему пришлось покинуть занятый им дворец. Отступление по улочкам, слишком узким, чтобы рыцари смогли использовать свое оружие, превратилось в бойню. Вне стен города большая часть сарацинского войска перестроилась и напала на христиан, переходивших в это время брод. Граф Артуа и его люди сражались отважно, но к концу дня все погибли. 300 рыцарей было убито, среди них Гийом Длинный Меч, и большая часть англичан. Погибло много тамплиеров, а их магистр лишился глаза.

Жуанвиль преодолел брод впереди основной части войска и пересек лагерь сарацин. Он столкнулся с сильным отрядом врагов, один из его сотоварищей был смертельно ранен, и он сам находился в большой опасности, от которой его спасло появление графа Анжуйского и короля: «Когда я оказался пеший с моими рыцарями и был ранен, прибыл король со своим боевым отрядом с громкими криками и великим шумом труб и литавр, и он остановился на дороге. Никогда не видывал я столь прекрасного рыцаря; ибо он казался выше всех своих людей, превосходя их в плечах, с позолоченным шлемом на голове и германским мечом в руке».

Рыцари из свиты короля вместе с остальными бросились в гущу сражения. «И знайте, — говорит Жуанвиль, — что это была прекрасная схватка, ибо никто там не стрелял ни из

лука, ни из арбалета, но турки и наши люди с палицами и мечами сошлись лицом к лицу>. Жуанвиль сражался рядом с королем.

Один рыцарь, Жан де Валери, посоветовал королю двинуться направо к реке, чтобы быть поближе к герцогу Бургундскому и отрядам, охранявшим лагерь, и дать сражающимся напиток. Король велел вызвать из самой гущи боя своих советников; когда те одобрили этот план, он приказал привести его в действие. Едва движение войск началось, как граф Пуатье, граф Фландрский, и другие сеньоры, сражавшиеся поодаль, послали просить короля не двигаться, ибо они не могут последовать за ним. Король остановился. В тот момент, когда он вновь собирался двинуться в путь, прибыл коннетабль де Боже с сообщением, что брат короля, граф Артуа, обороняется в одном доме в Мансуре. Людовик Святой попросил коннетабля отправиться туда.

Жуанвиль вызвался сопроводить Эмбера де Боже. Едва они с шестью рыцарями отъехали, как увидели, что их окружило множество турок. Они поняли, что к Мансуру пробиться невозможно, и отступили к основным силам крестоносцев.

Возвращаясь, Жуанвиль и коннетабль увидели, что король отошел к реке, а сарацины теснят там королевские отряды. Они на лошадях бросились в воду, чтобы переправиться вплавь; но уставшие животные с трудом справлялись с потоком, крутившим щиты, копья, утонувших людей: «И говорили, что мы все погибли бы в этот день, если бы не лично король. Ибо сир де Куртене и монсеньор Жан де Сельбенеи рассказали мне, что шестеро турок подскочили схватить лошадь короля под уздцы и взять его в плен; и он сам освободился от них, нанося сильные удары мечом. И когда его люди увидели, как защищается их король, то воспряли духом, и многие из них перестали переправляться обратно через реку и бросились на помощь королю».

Наконец сарацин отбросили и захватили их лагерь. Король ничего не знал об участии графа Артуа. «Если он мертв, — говорил он, — я молю Бога простить грехи: и ему, и всем прочим». И вот прибыл прево Ордена госпитальеров, брат Анри де Ронней, сопровождавший графа; Людовик Святой спросил, есть ли новости о брате. «Да, — ответил рыцарь, — ибо, вне сомнения, он в раю». «Э, сир, — сказал он еще, — утешьтесь; ибо никогда королю Франции не выпадала столь высокая, как Вам, честь: ведь, чтобы сразиться с врагом, вы вплавь перешли реку, и победили его, и погнали с поля битвы, и захватили его орудия, шатры, в коих еще и будете спать этой ночью». Король ответил, что он преисполнен благоговения перед Богом за все, ниспосланное им, и тогда, по словам Жуанвиля, слезы хлынули из его глаз.

Кажется, смерть брата тронула короля больше, чем все последующие несчастья. Говорили, что Робер Артуа желал умереть за Иисуса Христа; его сочли мучеником. Сарацины отрубили головы убитым и выставили их на пиках у ворот Каира. И с этого дня они воспряли духом.

Людовик Святой велел прежде всего соорудить деревянный мост через реку, дабы установить сообщение со своим первым лагерем. Погибло большое число лошадей. Во время битвы бедуины разграбили лагерь сарацин, где ничего больше не осталось. Ночью они вернулись и напали на христиан, но достаточно было одной стычки, чтобы их отогнать.

Через два дня, в пятницу 11 февраля, сарацины хотели бросить все свои силы на штурм лагеря христиан. Но шпионы предупредили об этом Людовика Святого, велевшего своим людям быть готовыми к бою с полуночи. Атака началась только в полдень на следующий день. Граф Анжуйский находился в передних рядах; сарацинам удалось посеять сумятицу в его отряде. Об этом сообщили королю, который помчался туда с мечом в руках и так далеко проник в ряды врага, что греческий огонь попал на круп его коня. Но атака была отбита. В этот день погиб Гийом де Соннак, магистр Ордена тамплиеров. Граф де Пуатье, единственный среди своих людей, сидевший на коне, попал к туркам в плен, но мясники и прочий люд из лагеря, равно как и женщины, торговавшие продовольствием, заметив происшедшее, сразу же освободили пленника.

После этой победы Людовик Святой собрал своих баронов и сказал им: «Мы обязаны великой милостью Господа нашего за то, что на этой неделе Он дважды ниспослал нам подобную честь — во вторник, накануне поста, мы изгнали врагов из лагеря, где мы и расположились, и в минувшую пятницу мы, пешие, победили их, конных». Король сказал, добавляет Жуанвиль, много других прекрасных слов, чтобы приободрить присутствовавших.

Войско понесло крупные потери, и ситуация с каждым часом ухудшалась. Тела утопленников застревали у моста, канал был весь покрыт трупами на расстоянии брошенного камня. Потратили восемь дней, чтобы их вытащить: тела сарацин сбросили в реку, вниз по течению, тела же христиан похоронили в больших ямах. Из-за поста нельзя было ничего есть, кроме рыбы из Нила, питавшейся трупами. Так началась эпидемия. «Мышцы на наших ногах усыхали, — пишет Жуанвиль, — вся кожа на них чернела, становилась землистого цвета, как старый сапог; и у нас, заболевших этой болезнью, гнила плоть на деснах и никто не спасся: от нее только умирали. Предвестником смерти было кровотечение из носа». Христиане уже пострадали от скорбута во время первой осады Дамьетты, но на сей раз дело обстояло хуже; у всех, кто выжил, были близкие среди умерших, которых они оплакивали; слугам часто приходилось брать лошадей и доспехи своих господ, чтобы вместо них нести караул.

Сарацины преградили реку и перехватывали все обозы с продуктами, идущими из Дамьетты. «И из-за этого в лагере все так вздорожало, что к Пасхе бык стоил 80 ливров, яйцо — 12 денье, а мюид вина — 10 ливров». Крестоносцам пришлось, преодолевая отвращение, есть конину. Голод лишь способствовал всеобщему разочарованию.

Людовик Святой посещал больных, чтобы утешить их, хотя его и предупреждали, что он может заразиться. И он действительно заболел — у него вновь начался приступ дизентерии; тем не менее он сохранял спокойствие и уповал на Господа.

Из Дамаска прибыл новый султан Египта Туран-Хан. Он сразу приехал в Мансур, приведя с собой новые отряды, дабы усилить оборону города. Одновременно он послал флот, чтобы изолировать Дамьетту с моря. Среди христиан оказались изменники: сарацины принимали перебежчиков, не издеваясь над ними и не принуждая их к вероотступничеству. После захвата врагами последнего обоза Людовик Святой попросил у султана перемирия. Он предлагал вернуть Дамьетту, если ему вернут Иерусалим; дабы гарантировать выполнение договора, он обещал отдать своих братьев в заложники. Но султан требовал, чтобы король стал заложником сам; Людовик Святой согласился, но этому воспротивились французы, предпочитая, чтобы их всех перебили, нежели пойти на столь унижительное условие.

Наконец, по совету своего окружения, Людовик Святой решил снять осаду Мансура и отступить на другой берег реки, чтобы возвратиться в Дамьетту. Дорогу преградило войско султана. Король велел сначала перевезти тысячу больных и раненых на кораблях с продуктами для его свиты, приказав, чтобы эти продукты выбросили в воду, дабы освободить место. Сам Людовик все еще был болен и страдал от «перемежающейся лихорадкой и очень сильной дизентерии». Несмотря на просьбы легата и баронов, он отказался присоединиться к этой флотилии, ибо не хотел оставить своих соратников в опасности.

Карл Анжуйский свидетельствовал на процессе канонизации Людовика Святого: «Король спешил и стоял, держась за седло; подле него стояли его рыцари — Жоффруа де Сержин, Жан Фуанон, Жан де Валери, Пьер де Босей, Робер де Базош и Гоше де Шатийон, которые, видя обострение болезни и опасность, коей он подвергался, оставаясь на суше, принялись его упрашивать, хором и каждый по отдельности, спасти себя, взойдя на судно. Он же продолжал отказываться покинуть своих людей; король Карл, его брат, тогда еще граф Анжуйский, сказал ему: «Сир, Вы дурно поступаете, противясь доброму совету, подаваемому Вашими друзьями, и не садитесь на судно; ведь если Вы останетесь на суше, войско будет двигаться медленно, что небезопасно, и Вы можете стать причиной нашей гибели». И он говорил так (как он сообщил позднее), желая спасти короля и боясь его потерять, ибо отдал бы тогда охотно все свое наследство и наследство своих детей, чтобы укрыть короля в Дамьетте. Но король, очень взволнованный, гневно ответил ему: «Граф Анжуйский, если я Вам в тягость, оставьте меня; но я никогда не покину своих людей».

Легат, отплывший на корабле, был атакован сарацинами, но смог добраться до Дамьетты. Жуанвиль отплыл со своими людьми и только с двумя рыцарями, оставшимися у него, на маленькой лодке.

Отступление, как по суше, так и по воде, состоялось во вторник, после Фомина воскресенья, 5 апреля 1250 г. Отряд сарацин прорвался в лагерь и перебил всех раненых, ожидавшихся, пока их отнесут на корабль. Перепуганные матросы перерубили швартовы, чтобы побыстрее отчалить. Но Людовик Святой примчался и приказал им вернуться, чтобы закончить погрузку больных.

В спешке позабыли приказ, отданный королем, — не разрушили лодочный мост, сооруженный между двумя берегами, и сарацины использовали его для своих целей. Людовик Святой не только отказывался уехать со всеми остальными, но вскочил на маленькую лошадку и пожелал остаться в арьергарде с Гоше де Шатийоном. «Когда мы оттуда шли, — рассказывает Жуанвиль, — я снял шлем с короля и надел на него железный шишак, чтобы его обдувало воздухом». Сарацины гнались за ними по пятам. Ги де Шатель-Порсьен, епископ Суассонский, не смог вынести позора этого отступления. Он предпочел броситься в одиночку с мечом в руке навстречу вражеским отрядам и тут же был убит.

«Вечером, — пишет Жуанвиль, — король несколько раз лишался чувств; и из-за сильной дизентерии пришлось отрезать нижнюю часть его штанов, столько раз он ходил по нужде».

На следующее утро арьергард оказался отрезанным от основных частей. Было много убитых, Людовика Святого окружили; его телохранитель — Жоффруа де Сержин — держался подле него, «защищая его от сарацин, подобно тому, как добрый слуга отгоняет

от чаши своего сеньора мух; ибо всякий раз, как приближались сарацины, он хватался за свое копьё и, взяв его под мышку, бросался на них и отгонял их от короля».

В конце концов крестоносцы смогли добраться до деревни под названием Сармосак, где короля внесли в дом. «И его положили на колени одной парижской горожанки, почти мертвого, и думали, что он не доживет до вечера».

Филипп де Монфор, который уже вел переговоры с сарацинами, приехал к королю и предложил заключить перемирие. Король согласился. Когда было три часа пополудни, король попросил breviарий у своего капеллана, чтобы прочесть молитву.

В деревне была только одна улица, которую сарацины окружили. Гоше де Шатийон держался посередине, с мечом в руке, и как только он видел, что сарацины подходят слишком близко, бросался, отгоняя их. Затем он стряхивал стрелы, которыми они его осыпали, вновь надевал свою кольчугу и, привстав на стременах, кричал: «Шатийон, где мои достойные рыцари?» И поскольку сарацины заходили с другого конца, он бросался на них снова, наконец, один турок отрубил ему голову.

В тот момент, когда Филипп де Монфор заключал перемирие с эмиром, из-за парижского сержанта по имени Марсель — то ли предателя, то ли горящего неуместным рвением — этот последний шанс был упущен. Он принялся кричать: «Сеньоры рыцари, сдавайтесь, приказывает король! Не дайте погибнуть королю!» Рыцари сложили оружие, и эмир ответил Филиппу де Монфору, что заключать перемирие слишком поздно, так как христианские отряды уже сами сдались в плен.

Короля передали под охрану евнуху Джемаль-эд-Дину; его двух братьев и главных баронов, их сопровождавших, схватили. Отряды, которые могли подойти на помощь из Дамьеты, были разбиты на следующий день. Никто из отступавших по суше крестоносцев не ушел от врага. Орифламма также попала в руки сарацин.

* * *

Людовика Святого и его соратников привезли в Мансур. Говорят, короля заковали в цепи и содержали с братьями в доме судьи Факар-Эд-дина-Ибрагима. Он так отощал, что кости просвечивали сквозь кожу, и был так слаб, что думали, он вот-вот умрет. Он не прекращал молиться и поминать в молитвах тех, кого считал добрыми людьми. Каждый день по парижскому обычаю король читал свой breviарий: сарацины, нашедшие эту книгу, вернули ее, дабы сделать ему приятное. Он не отказался от постов и обычного воздержания. Гийом Шартрский, его капеллан, сообщал, что он снискал уважение сарацина, в доме которого жил. Он даже пытался объяснить суть христианской веры окружавшим его врагам.

Впрочем, его плен, казалось, был ниспослан Провидением, ибо из-за него он смог выздороветь: лекарь, посланный султаном, имел опыт лечения подобных болезней. Ему удалось поставить короля на ноги, в то время как французов постигла неудача. У него был лишь один слуга — Изамбер, парижанин, который был поваром и ухаживал за ним с особой преданностью; все прочие исчезли или заболели. Кроме Гий-ома Шартрского подле него остался еще доминиканец, знавший арабский язык. Изамбер утверждает, что никогда не видел, чтобы король выражал нетерпение или был в плохом настроении. Поначалу его обслуживали сарацины, но опасаясь, что его отравят, он потребовал слуг-христиан. Он потерял свою одежду, и один бедняк уступил королю свой плащ, который он носил, покуда не получил ткань из Дамьеты. Кроме того, султан велел сшить ему два

платья из черной тафты, подбитые мехом, украшенные золотыми пуговицами и куда более красивые, чем мог бы заказать сам король; другой одежды в течение всего плена он не носил.

* * *

Флотилия, подходившая к Дамьетте, столкнулась с цепью вражеских кораблей, забросавших ее греческим огнем; конный эскорт, который сопровождал христианские корабли по берегу, также подвергся обстрелу и бежал в Дамьетту. Крупным кораблям по большей части удалось прорваться, но остальные сгорели вместе с большими, которых сарацины добивали или бросали в воду. Жуанвиль стал пленником благодаря одному ренегату из Сицилии, который, чтобы спасти ему жизнь, назвал его кузеном короля; впрочем, он в самом деле был кузеном германского императора, поэтому с ним и обращались лучше. Его отослали в Мансур, где уже скопилось более ста тысяч пленных.

В Дамьетте о пленении короля узнали, когда там объявились сарацины с французскими доспехами. Королева Маргарита собиралась рожать; через три дня на свет появился ее сын Жан, получивший прозвище Тристан Дамьеттский. В этот же день королеве сообщили, что пизанцы и генуэзцы со своими кораблями и простой люд вот-вот покинут город, что уничтожило бы всякую надежду договориться об освобождении Людовика Святого и его соратников. Королева позвала итальянцев в свои покои, умоляя их сжалиться над ней и королем. Те жаловались на нехватку продовольствия, и тогда Маргарита приказала снабжать их едой бесплатно, за счет короля. Эта раздача шла месяц и обошлась казне в 360 тысяч ливров, то есть почти во столько, сколько султан запросил за выкуп короля и остальных пленников. Но Дамьетта осталась в руках французов и могла стать предметом торга за короля.

Бланка Кастильская и оставшиеся во Франции сеньоры велели было вешать как смутьянов первых вестников с Востока, сообщивших о пленении короля, настолько эта весть казалась невероятной после взятия Дамьетты. Когда же убедились, что катастрофа действительно произошла, всех охватили печаль и безграничное уныние. Иннокентий IV, все еще гостивший в Лионе, распорядился повсюду молиться за французского короля и постарался выслать ему на помощь подкрепления. Фердинанд Кастильский, племянник Бланки, тогда принял крест, но умер, не успев выступить в поход. Никто из других христианских государей не ответил на зов Святого престола.

Жуанвиль приводит рассказ, показывающий умонастроение тех, кто был осажден в Дамьетте, и героическую храбрость королевы Маргариты. Она была так напугана, узнав о пленении короля, что «всякий раз, когда она засыпала в своей постели, ей казалось, что вся ее комната полна сарацин, и она кричала "На помощь! На помощь!". И опасаясь, как бы ребенок, которого она носила, не погиб, она клала подле своего ложа старого рыцаря восьмидесяти лет, который держал ее за руку. Всякий раз, когда королева кричала, он говорил: "Мадам, не бойтесь, я здесь". Перед родами она велела всем выйти из своих покоев, за исключением этого рыцаря, и, опустившись на колени перед ним, молила о милости — и рыцарь поклялся исполнить ее просьбу. "Я прошу вас, — сказала она, — во имя верности, которой вы мне обязаны, если сарацины возьмут этот город, отрубите мне голову прежде, чем они меня схватят". "Мадам, — ответил старый рыцарь, — будьте спокойны, я охотно это сделаю, ибо я уже подумывал о том же"».

Сарацины, слишком тяготясь большим количеством узников, начали убивать тех, за кого не надеялись получить хороший выкуп и кто отказывался стать мусульманином. Жуанвиль видел, как одного за другим пленных вытаскивали со двора, куда их согнали, и спрашивали: «Ты хочешь отречься?» Тех, кто отказывался, обезглавливали. Каждый день мусульмане «сортировали» таким образом от трех до четырех сотен человек.

Сначала султан думал послать Людовика Святого халифу Багдада, где король окончил бы свои дни в темнице после того, как его провезли бы как трофей по всему Востоку; но, поразмыслив, он предпочел выкуп. Султан пригрозил смертью королю и баронам, если они не сдадут Дамьетту. Людовик Святой ответил, что никогда ее не отдаст. Сарацины предприняли штурм города, неся перед собой орифламм. Но Дамьетта выстояла. Тогда они стали обращаться с королем мягче, надеясь уговорить его сдать город. Султан даже заговорил о перемирии.

Несколько очень богатых сеньоров пожелали сами выкупиться из плена. Людовик Святой запретил им это, опасаясь, что они освободятся, а бедные крестоносцы навсегда останутся в плену; король объявил, что заплатит выкуп за всех.

Сарацины требовали отдать не только Дамьетту, но и крепости Палестины. Людовик Святой ответил, что не может этого сделать, так как они принадлежат не ему, а германскому императору либо рыцарям — тамплиерам или госпитальерам. Дело дошло до того, что ему стали угрожать пыткой «моллюском». «Это, — говорит Жуанвиль, — две соединяющихся деревянных доски с зубьями внизу; они вкладываются одна в другую и связываются бычьими ремнями по концам. И когда хотят пытать человека, то кладут его на бок и укладывают ноги меж кольшков, а потом усаживают человека на деревянные доски, так что не остается ни одной кости, которая не была бы раздроблена». На угрозы сарацин король ответил, что он их пленник и они вольны поступать с ним, как пожелают.

Тогда короля спросили, сколько он может заплатить за свое освобождение помимо сдачи Дамьетты. Король ответил, что если султан назначит разумную сумму, он обратится к королеве, но не знает, как она поступит, ибо она теперь распоряжается всем. Впрочем, он опасался, что Дамьетта не в состоянии больше обороняться, но скрывал свои опасения. Султан дал охранную грамоту Роберу, патриарху Иерусалимскому, которого Людовик Святой попросил привезти, чтобы спросить у него совета.

Сарацины затребовали миллион безантов золотом. Король, не торгуясь, пообещал эту сумму в качестве выкупа за своих людей, а Дамьетту — лично за себя, «ибо он — не то лицо, кого должно выкупать за деньги». Султан восхитился подобной щедростью и от себя сделал скидку в выкупе на 100 тысяч ливров.

Король и султан заключили перемирие на 10 лет, которое распространялось на все Иерусалимское королевство. Каждый удивлялся такому быстрому освобождению и столь малой цене. Христиане даже посчитали произошедшее чудом.

Обе стороны начали выполнять условия договора. Короля и знатных людей посадили на четыре судна, взявших курс на Дамьетту. 28 августа 1250 г. их привезли в лагерь султана близ Фарескура. Короля поместили в шатер по соседству с лагерем. Через день его должны были освободить.

У молодого султана Туран-Хана было много врагов. Прежде всего это были родственники военачальников, которых его отец велел обезглавить или лишил милости; а также те, кому не нравились заносчивость и самоуверенность султана. Другим поводом для недовольства стал выкуп, который должны были выплатить французы. Эмиры поняли, что султан торопится договориться с французским королем, чтобы затем расправиться с ними, и они решили его опередить. Окончательно договор был заключен 1 мая. А 2 мая заговорщики убили султана. Сначала они ранили его в шатре, он бежал, укрылся в деревянной башне, которую преследователи подожгли. Султан выбрался из нее, пал к ногам Актая, вождя мамлюков, моля о пощаде, но его оттолкнули. Он ринулся к реке, взывая о помощи и крича, что отказывается быть султаном, тогда как по нему стреляли из луков. Один мамлюк ударил Туран-Хана копьем, засевшим у того в боку. Султан добежал до реки, пытаясь броситься в нее, но его прикончили ударами сабель. Затем Актай вырвал ему сердце.

Христиане, все еще находившиеся под стражей на галерах, присутствовали при этом убийстве. Они боялись стать, в свою очередь, жертвами ярости сарацин, бросившихся с истошными воплями на корабли. «Там было, — пишет Жуанвиль, — полно людей, которые исповедовались монаху Троицы, Жану, из свиты графа Гийома Фландрского; но мне не припоминались грехи, совершенные мною; и я подумал, что чем больше я буду защищаться или изворачиваться, тем хуже будет. И тогда я осенил себя крестом и, опустившись на колени перед одним из врагов, который, словно плотник, держал датскую секиру, сказал: "Так умерла святая Агнесса". Мессир Ги д'Элене, коннетабль Кипра, пал на колени подле меня и исповедался мне; и я ему сказал: "Отпускаю вам грехи властью, данной мне Богом". Но встав с колен, я тут же забыл, что он мне сказал и поведал».

Мамлюк Актай ворвался в шатер Людовика Святого с еще окровавленными руками и спросил, что он получит в награду за то, что убил его врага; король же не произнес ни слова. Тогда Актай попросил посвятить его в рыцари. Некогда император Фридрих II, не задумываясь, посвятил в рыцари эмира Фахр-эд-Дина. И Актай, размахивая мечом, грозился убить Людовика Святого, если он не исполнит его требование. Окружение короля, опасаясь за его жизнь, настаивало, чтобы он согласился; король же ответил, что ежели Актай захочет принять крещение, он сделает его рыцарем, но оказать эту честь язычнику он не может.

Прибыли и другие сарацины, крича и бряцая оружием. При виде короля они притихли, учтиво его поприветствовали и сказали, что избавили его от врага, замышлявшего его убить, как только он отдаст Дамьетту, а затем попросили исполнить условия договора. Это стало большим облегчением для христиан, поскольку мятеж эмиров поставил было под вопрос выполнение соглашений, заключенных султаном.

Договорились, что, как только Дамьетта будет передана сарацинам, король и сеньоры обретут свободу. Простой люд, которому сохраняли жизнь, отводили в Каир. Король обязался выплатить 200 тысяч ливров до отъезда из Дамьетты и 200 тысяч по прибытии в Акру. В свою очередь, сарацины обещали не трогать в Дамьетте больных, продовольствие и орудия до тех пор, пока король не сможет их забрать.

Эмиры поклялись, что выполнят договор, самыми страшными клятвами, имевшимися в их вере: они отрекутся от Магомета, ежели не сдержат слово, будут опозорены подобно тому, кто: совершает паломничество в Мекку с непокрытой головой; выгнав жену, принимает ее назад; ест свинину. Они попросили одного вероотступника из христиан составить

письменно формулу клятвы, достаточно, по их мнению, убедительную, чтобы ею поклялся Людовик Святой: если король не сдержал бы слова, он лишился бы заступничества 12 апостолов и всех святых. Король охотно согласился дать такую клятву. Но последний пункт клятвы был таков: если он не соблюдет условия соглашения с эмирами, то будет опозорен как христианин, отрекшийся от Христа и его заповедей, и презрит Господа, плюнет и растопчет распятие. Услышав сие, король сказал, что такую клятву не принесет... Он предпочитает умереть добрым христианином, нежели жить в ненависти к Господу и Богородице. Патриарх Иерусалимский попал в плен к сарацинам, так как султан, предоставивший ему охранную грамоту, погиб. Когда король отказался от клятвы, эмир решил, что так посоветовал ему патриарх; тогда он повелел отрубить прелату голову. Сарацины схватили старика и привязали его к столбу, связав руки за спиной так крепко, что из-под ногтей брызнула кровь. Патриарх кричал королю: «Сир, Бога ради, клянитесь смело, ибо я возьму на свою душу весь грех клятвы, принесенной вами, ведь вы ее сдержите».

Наконец инцидент был урегулирован — Жуанвиль не знает, как именно, — к удовлетворению обеих сторон. Поговаривали, что некоторые сарацины даже подумывали сделать султаном Людовика Святого как самого гордого христианина, какого они когда-либо знали. Король позднее спросил у Жуанвиля, верил ли тот, что он примет такое предложение. Со своим обычным простодушием Жуанвиль ответил, что он поступил бы безрассудно, видя, как сии сарацины только что убили своего сеньора. Но король ответил, что на самом деле не отказался бы, если бы существовала хоть какая-нибудь надежда обратить в христианство Египет.

* * *

На следующий день, 6 мая 1250 г., день Вознесения, Жоффруа де Сержин на восходе солнца отправился в Дамьетту и велел вернуть ее эмирам. Королеву, еще не оправившуюся после родов, посадили на корабль, шедший в Акру. Христиане удерживали Дамьетту 11 месяцев. По договору сарацины обязались охранять больных крестоносцев, продовольствие и орудия до тех пор, пока король не сможет их забрать. Но едва став хозяевами города, они перебили больных, разрушили орудия и продовольственные склады, сложив вперемешку солонину, деревянные обшивки стен, орудия и трупы, все сожгли. Затем они сровняли с землей город, чтобы крестоносцы больше не могли его захватить.

Появилась угроза и для жизни короля и пленных сеньоров. «В этот день, — пишет Жуанвиль, — мы ничего не ели, и эмиры тоже; но они спорили целый день». Оставить короля в плену или казнить со всеми баронами? Это означало бы, доказывая один эмир, гарантировать мир лет на сорок, ибо христиане разом лишились бы своих лучших предводителей. Людовик Святой был еще очень слаб после болезни, и прошел слух, что сарацины согласились освободить его лишь для виду, а на самом деле дали ему медленно действующий яд.

Наконец к вечеру сарацины решили освободить пленных. Галеры пристали к берегу около Дамьетты; пленникам принесли пирожки с сыром, высушенные на солнце, и вареные яйца, расписанные в разные цвета. Король и его пленные соратники вышли на берег в окружении 20 тысяч сарацин с саблями на боку. В отдалении поджидала освобожденных узников генуэзская галера. На мостике стоял один человек. Увидев подходящего короля, он дал свисток, и рядом с ним внезапно выросли 80 арбалетчиков, готовых стрелять. Едва их завидев, сарацины побежали, как овцы, и король взошел на галеру с графом Анжуйским, Жуанвилем, Жоффруа де Сержином, Николаем, генералом Ордена

тринитариев. Граф де Пуатье оставался заложником в руках сарацин до выплаты 200 тысяч ливров, которые обязан был выдать король прежде, чем покинуть Египет.

Уплату начали производить с утра в субботу. Взвешивали на весах, говорит Жуанвиль, одна чаша которых вмещала 10 тысяч ливров. Вечером в воскресенье королю доложили, что недостает 30 тысяч ливров. Король поручил Жуанвиллю одолжить их у командора и маршала Ордена тамплиеров, ибо магистр был мертв. Те воспротивились, так как у них хранились деньги, данные им в залог, которыми они были не вправе распоряжаться. Жуанвиль не обратил внимания на протесты, принудил тамплиеров именем короля открыть сундуки, и ему позволили взять необходимую сумму.

Когда расчеты закончили, Филипп Немурский пришел сообщить королю как о доблестном поступке, что они обсчитали сарацин на 10 тысяч ливров. Король очень рассердился и велел вернуть эмирам эту сумму, так как обещал выплатить 200 тысяч ливров до своего отъезда. «Тогда, — пишет Жуанвиль, — я наступил на ногу монсеньору Филиппу и сказал королю, чтобы он ему не верил, ибо он говорит неправду — ведь сарацины считают лучше всех в мире. И монсеньор Филипп подтвердил, что я прав, и что он сказал сие в шутку. А король ответил, что подобная шутка неуместна. "И я вам приказываю, — сказал король, — верностью, коей вы мне обязаны как вассал, чтобы вы, в случае недоплаты сих 10 тысяч ливров, внесли остаток безо всяких погрешностей"».

Как только выкуп был выплачен, король приказал плыть к большому кораблю, видневшемуся в море. Галера отчалила. «И мы проплыли доброе лье, — рассказывает Жуанвиль, — прежде чем заговорили друг с другом по причине беспокойства за находящегося в плену графа Пуатье. Тут на галеоте подплыл монсеньор Филипп де Монфор и крикнул королю: "Сир, сир, поговорите со своим братом, графом де Пуатье, который на другом корабле". Тогда король закричал "Огня, огня!", зажгли огонь, и радость оказалась так велика, какая только могла быть среди нас».

Покуда король ждал, когда уплатят выкуп за графа де Пуатье, один француз-отступник принес ему дары; король спросил, откуда он знает французский язык, и тот сказал, что был христианином. Тогда король ему ответил: «Подите прочь, я с вами больше не буду разговаривать». Но Жуанвиль отвел этого несчастного в сторону и побеседовал с ним: тот оказался родом из Провена и сознался, что лишь бедность и боязнь насмешек из-за отступничества удерживают его от возвращения в лоно Церкви. Узнав об этом, Людовик Святой королевским указом запретил упрекать отступников, вернувшихся в христианство, за их прегрешения.

V. Четыре года в Святой Земле

Когда Людовик Святой взошел на корабль, нужда, в коей пребывали христиане, была так велика, что он не нашел там ни кровати, ни одежды; во время переезда ему пришлось спать на тюфяках, присланных султаном, и носить одежду, изготовленную по его приказу. Путешествие продлилось шесть дней, о которых Жуанвиль писал: «Я, будучи болен, всегда садился подле короля. И тогда он мне рассказывал, как его захватили в плен и как он с Божьей помощью договорился о своем и нашем выкупе. И он заставил меня рассказать, как взяли в плен меня на воде; и потом он сказал мне, что я должен возблагодарить Господа нашего, спасшего меня от такой опасности. Он очень сокрушался о смерти графа Артуа, своего брата, и говорил, что если бы сейчас последний был бы так же сдержан, как граф Пуатье, то ничего бы не учинил, и чего бы он ни сделал, чтобы видеть его на этих галерах. Как это часто случается с лицами добропорядочными и рассудительными, граф Пуатье казался равнодушным, и Людовик Святой, только что

опасавшийся за его жизнь и рисковавший ради него, быть может, больше, чем должно, страдал от этого.

Граф Анжуйский, плывший на том же корабле, не составлял компанию своему венценосному брату, и король жаловался на него Жуанвилю: «Однажды он спросил, что подельывает граф Анжуйский, и ему сказали, что он играет за столом с монсеньором Готье Немурским. И он отправился туда, шатаясь от слабости из-за своей болезни; и он отобрал кости и стол, и выбросил их в море, и очень разгневался на своего брата за то, что тот принялся тут же играть в кости, позабыв о смерти своего брата Робера и опасностях, от коих их уберег Бог».

Короля торжественно приняли в Акре; процессия из всех церквей встречала его в порту. У него оставалось немного денег в казне, чтобы выкупить простых людей, все еще томившихся в плену в Египте. Король все еще надеялся отвоевать Святую землю, опираясь на Акру, которая была главным оплотом христиан в Палестине. Но Людовик потерял много воинов, чье здоровье было подорвано в египетском плену; к тому же их настигла новая эпидемия. Жуанвиль тоже был очень болен.

Первым делом король поспешил отправить посла в Египет, чтобы освободить оставшихся там узников. Большая часть их уже была убита, и он выкупил из плена лишь 400 человек из прежних 12 тысяч.

Тем временем братья короля беззаботно проводили время за игрой в кости, «и граф де Пуатье играл столь куртуазно, что, выигрывая, велел открывать зал и звал всех дворян и дам, ежели они там присутствовали, и пригоршнями раздавал свои деньги, равно как и тем, у кого он выиграл. А когда он проигрывал, то одалживал деньги у тех, с кем он играл, и у своего брата графа Артуа и прочих, и раздавал все — и свое, и чужое добро». Возможно, это был остроумный способ подать милостыню обедневшей знати.

Сначала король намеревался вернуться во Францию после того, как из египетских тюрем будут освобождены последние пленники. Бланка Кастильская писала ему, что королевству грозит опасность со стороны англичан. Но он видел, что египтяне не соблюдают ни перемирия, ни статей договора; христиане же Палестины убеждали короля, что его отъезд погубит их, ибо Акру не защитит горсткой рыцарей. Наконец в одно июньское воскресенье он созвал своих братьев, графа Фландрского и других баронов, чтобы спросить у них совета, и попросил дать ему ответ через восемь дней.

В следующее воскресенье все единогласно высказались за возвращение во Францию. «Из всех рыцарей, пришедших с вами и которых вы сами привели с Кипра, всего 2800 человек, — сказали ему, — в этом городе осталась сотня. Мы советуем вам, сир, отправиться во Францию и собрать людей и денег, с которыми вы смогли бы вскоре вернуться в эту страну и отомстить врагам Господа и тем, кто держал вас в плену». Легат придерживался того же мнения.

Один граф Яффы, принуждаемый к ответу, наконец сказал, что если бы король остался и продлил кампанию еще на год, то оказал бы всем им великую честь. Жуанвиль одобрил графа Яффы, вспомнив, как один его кузен сказал ему перед отъездом: «Вы отправляетесь за море; поберегитесь же возвращения, ибо ни один рыцарь, ни простой, ни знатный, не может вернуться, не будучи опозоренным, если оставит в руках сарацин простых людей Господа нашего, с коими он ушел в поход».

Тогда Жуанвиль ответил легату: «Говорят, сир (не знаю, правда ли сие), что король еще ничего не истратил из своих денег, но только деньги духовенства. Так пусть же король теперь потратит свои деньги и пошлет за рыцарями из Мореи и из-за моря, и когда прознают, что король платит хорошо и щедро, к нему явятся рыцари отовсюду, и он сможет продлить кампанию на год, если угодно будет Богу. И оставшись, он сможет добиться освобождения бедных узников, плененных, когда они служили Господу и ему, которым никогда не освободиться из плена, если король уедет». И Жуанвиль добавляет: «И не было там никого, у кого в плену не оказалось бы близких друзей, так что никто меня не осудил, но все заплакали».

Гийом де Бомон, маршал Франции, присоединился к мнению Жуанвиля, но его дядя, Жан де Бомон, горевший желанием вернуться во Францию, заставил его замолчать, крикнув: «Грязная сволочь! Что вы хотите сказать? Сидите смирно!» Король одернул его, и старый рыцарь ответил: «Простите, сир, я больше не буду». Наконец Людовик Святой объявил: «Сеньоры, я вас внимательно выслушал и скажу, как поступлю, через восемь дней».

Когда были расставлены столы, король во время обеда усадил Жуанвиля подле себя, как он поступал обычно, когда отсутствовали его братья, но совсем с ним не разговаривал, и Жуанвиль подумал, что король сердит на него. Пока Людовик беседовал с окружающими, Жуанвиль подошел к зарешеченному окну в нише у изголовья королевского ложа. Просунув руки через оконную решетку, он думал, что если король вернется во Францию, он, Жуанвиль, отправится к своему родственнику, князю Антиохийскому, дожидаться нового крестового похода, чтобы освободить узников. «И когда я там стоял, подошел король и, опершись на мои плечи, обхватил двумя ладонями мою голову. А я подумал, что это монсеньор Филипп Немурский, которого я очень огорчил советом, данным мной в тот день королю, и я сказал: "Оставьте меня в покое, монсеньор Филипп". Тут случайно рука короля скользнула по моему лицу, и я понял, что это король, по изумруду на его пальце. И он сказал: "Стойте тихо, ибо я хочу спросить у вас, как вы, юноша, осмелились советовать мне остаться, пойдя наперекор мнению всех знатных и мудрых людей Франции, советовавших мне уехать?" "Сир, — ответил я, — если бы я таил в своем сердце зло, я ни за что не посоветовал бы вам так поступить». «Скажите мне, — продолжал он, — я поступлю дурно, если уеду?" "Бог свидетель, сир, — ответил я, — да". И он мне сказал: "Если я останусь, вы останетесь?" И я ответил, что да, если смогу содержать себя на свои средства или средства кого-либо другого. "Так будьте же совершенно спокойны, — сказал он мне, — ибо я вам очень признателен за ваш совет; но ничего никому не говорите об этом всю неделю"».

Через три недели ассамблея собралась снова. Король осенил крестом уста и изрек: «Сеньоры, я очень благодарен всем тем, кто посоветовал мне возвратиться во Францию, и воздаю милость также тем, кто советовал мне остаться. Но я подумал, что если я останусь, то мне вовсе не грозит утратить королевство, ибо у мадам королевы много людей для его защиты. И также я узнал, что бароны этого края говорят, что, если я уеду, королевство Иерусалимское погибнет, ибо никто не осмелится в нем остаться после моего отъезда. Поэтому я решил ни за что не покидать королевство Иерусалимское, кое я явился сохранить и отвоевать, и остаюсь здесь. Всем присутствующим здесь знатным людям и прочим рыцарям, желающим остаться со мной, предлагаю подойти смело со мной поговорить, и я дам вам столько денег, что не моя будет вина, а ваша, если вы не останетесь». И, добавляет Жуанвиль, многие изумлялись и плакали.

Король приказал своим братьям вернуться во Францию. Он отпустил рыцарей, пожелавших уехать, а таких оказалось множество. Едва графы Пуатье и Анжу отплыли, как прибыли послы от Фридриха II с письмом к султану, в котором император требовал

немедленно освободить короля. Они подросли слишком поздно, и многие этому обрадовались, ибо полагали, что император прислал посланников скорее, чтобы попросить султана задержать французского короля и его свиту в плену, нежели их освободить.

Людовик Святой составил послание к прелатам и баронам Франции, дабы объяснить им, почему он остается в Святой земле, и призвать их присоединиться к нему: «Смелее, воины Христовы! Вооружайтесь и будьте готовы отомстить за свои обиды и тяжкие оскорбления. Последуйте примеру ваших предков, кои отличались от прочих народов своей набожностью, искренней верой и наполняли слухами о своих прекрасных деяниях мир. Мы опередили вас, поступив на службу к Господу; ступайте же присоединиться к нам. Пусть вы придете позднее, но все равно получите от Господа награду, кою Отче Святого Семейства предоставит равно всем: и тем, кто придет потрудиться в винограднике на склоне дня, и тем, кто явился вначале. Те, кто прибывает сам или пришлет помощь, пока мы будем здесь, помимо отпущения грехов, обещанных крестоносцам, обретут милость Господню и людскую благодарность. Собирайтесь же, и пусть те, кого любовь к Всевышнему вдохновит прийти или послать помощь, будут готовы к ближайшему апрелю или маю. Что же до тех, кто оказался бы не готов к первому сроку, пусть, по крайней мере, выступят [в поход] ко дню Святого Иоанна. Действовать надлежит быстро, ибо всякое промедление смерти подобно. Вы же, прелаты и прочие служители Христа, заступитесь за нас пред Всевышним, молясь с усердием; прикажите, чтобы молитвы творили во всех подчиненных вам храмах, дабы они несли нам Божественные милость и благословение, коих мы недостойны за грехи наши.

Написано в Акре в год от Рождества Христова 1250, в августе месяце».

* * *

Помощи из Европы пришло мало. Альфонс де Пуатье еще раз принял крест в 1253 г., но так и не появился в Святой земле. Папа Иннокентий IV побуждал сеньоров, принявших крест в Германии, Фрисландии, Норвегии, выполнить свой обет, но безрезультатно. Святой Фердинанд Кастильский умер в 1251 г. Многие англичане стали крестоносцами, в том числе и сам король Генрих III, но он помешал уехать в Святую землю пяти сотням рыцарей, не желая, чтобы они служили его главному врагу — Людовику. Венецианские, генуэзские и пизанские купцы, торговавшие с арабами, были недовольны крестовым походом; они задерживали, грабили и иногда топили французские суда.

Тем не менее Людовик Святой не бездействовал. Политические обстоятельства складывались так благоприятно, что он мог добиться освобождения Иерусалима путем ловкой дипломатии. Восстание мамлюков в Египте привело к отделению от него Сирии. Эмиры Дамаска предпочли подчиниться султану Алеппо, нежели мятежникам из Каира. Султан Алеппо помышлял о завоевании Египта и поэтому предложил союз Людовику Святому, пообещав уступить ему в случае удачи Иерусалимское королевство. Король же, прежде чем заключить с ним договор, пожелал узнать, собираются ли египтяне выполнить свой договор и освободить остальных пленников. Поэтому он одновременно послал Жана де Валаньсена к новому египетскому султану и Ива ле Бретона из ордена доминиканцев, знавшего арабский язык, к султану Дамаска.

Именно по поводу этого монаха Жуанвиль приводит рассказ, иллюстрирующий суть кветизского учения: «Брат Ив увидал старуху, переходившую улицу с миской горячих углей в правой руке и кувшином, полным воды, в левой. Брат Ив спросил: "Что ты хочешь со всем этим делать?" Она ответила ему, что хотела бы огнем сжечь рай, чтобы его

больше не было, а водой загасить ад, чтобы уничтожить его навсегда. И он спросил ее: "Зачем тебе это?" "Потому что я не хочу, чтобы кто-либо когда-нибудь творил добро, ни чтобы обрести вознаграждение в раю, ни из страха пред адом, но просто чтобы снискать любовь Бога, которая стоит превыше всего и одна может нам дать все блага"».

Еще Людовик Святой принял в Акре послов Старца Горы. Он дал им аудиенцию после мессы; перед ним предстал богато одетый эмир в сопровождении ассасина, носившего три ножа, воткнутые друг друга в знак вызова; их третий спутник нес саван, который он подал бы королю, ежели тот отказал бы в просьбе Старцу Горы. «Мой сеньор, — сказал эмир, — посылает меня спросить, знаете ли вы его». «Нет, — ответил Людовик Святой, — потому что я его никогда не видел; но я слышал о нем». «Если вы слышали о нем, то удивительно, почему вы не прислали ему достаточно даров, чтобы снискать его дружбу, как делают это каждый год император Германский, король Венгерский, султан Вавилонский и другие [лица], и уж конечно, они живы, пока это угодно моему господину. Если вы этого не желаете, заставьте, по крайней мере, платить дань Ордены госпитальеров и тамплиеров». Король ответил, чтобы эмир пришел снова после полудня.

Когда он вернулся, то нашел Людовика, сидящего между магистрами Орденов госпитальеров и тамплиеров. Король велел повторить ему то, что он сказал утром. Он повинился, но не без колебаний. Тогда магистры заметили ему, что он чересчур храбр, если решился довести до слуха короля подобные слова, и велели ему возвращаться с подарками и извинениями от его сеньора. Через две недели посланцы вернулись и преподнесли Людовику Святому рубаху Старца Горы, его золотой перстень тонкой работы, хрустальных слона и жирафа, хрустальные яблоки, шахматы, благоухающие амброй. Взамен король отослал Старцу Горы красные ткани, золотые кубки, серебряную узду; посольство возглавил Ив ле Бретон, знавший сарацинский язык, но ему так и не удалось обратить вождя ассасинов в христианскую веру.

Говорят, Людовику Святому больше повезло с некоторыми эмирами, которые, привлеченные его репутацией, явились увидеться с ним и, пораженные его святостью, приняли крещение. Гийом де Сен-Патю пишет: «Многие сарацины, человек сорок или более, среди которых были адмиралы и знатные люди, приходили к нему, и он велел крестить их и наставлять в вере доминиканцам и прочим, кому благословенный король поручал сей [миссионерский] труд. И те их кормили и поддерживали, выдавая им жалованье, на которое они могли жить не нуждаясь, и некоторых из них король увез с собой во Францию». В 1253 г. он послал различных детей, выкупленных в Египте, в Руаймон, где их содержали. Он делал подарки новообращенным и женил их на христианках. Он привез этих людей во Францию и в своем завещании обязал своего наследника содержать их. Так, Карл IV все еще выплачивал ренту некоему Гийому Сарацину, бедному портному, приходившемуся потомком одному из язычников, обращенных в христианство Людовиком Святым.

Король также приказывал выкупать пленных христиан — по триста-пятьсот человек одновременно. Среди освобожденных им христиан встречались даже те, кто находился в египетском плену еще с 1228 г.

Людовик Святой велел починить башни Акры и укрепить окружавшую город стену. Он оставался там до марта 1251 г. Король велел окружить стеной квартал города, Мон-Мюзар, и отремонтировать крепостные укрепления Хайфы, у подножья горы Кармель, равно как и прочие замки. Все строительство велось на его собственные средства, и он лично принимал участие в работе,нося землю и камни, дабы подать пример другим и заслужить отпущение грехов, даруемое легатом. Ему подражали епископы и бароны.

Египтяне прознали об опасности, которой им грозил союз французского короля и султана Алеппо. Они немедленно выпустили узников, среди которых находился Гийом де Шатонейф, магистр Ордена госпитальеров, с тридцатью его рыцарями, и предложили продлить перемирие. Но Людовик Святой потребовал предварительно выдать головы христиан, выставленных на стенах Каира, и передать ему захваченных детей, отказавшихся отречься от христианской веры. Кроме того, Людовик потребовал, чтобы мамлюки отказались от 200 тысяч ливров выкупа, которые ему оставалось заплатить. Жан де Валансьен добился удовлетворения этих требований, и эмиссары Людовика Святого долго разъезжали по Египту, выкупая пленных христиан.

Весь 1251 год шла война между султаном Алеппо и египтянами; христиане сохраняли нейтралитет.

* * *

Людовик Святой воспользовался затишьем, чтобы объехать Святую землю. Он провел праздник Благовещения, 24 марта 1251 г., в Назарете. Едва завидев город, он сошел с лошади и пал на колени; потом он пошел пешком. Он велел провести службу с великой пышностью, а на следующий день причастился.

29 марта 1251 г. он отправился посетить Цезарею Палестинскую, которую начал укреплять по совету рыцарей — госпитальеров и тамплиеров. Возле города он разбил лагерь и находился в нем более года. Он еще раз написал своей матери и братьям, прося прислать денег и воинов. Говорят, Бланка Кастильская велела собрать баронов; но те лишь порицали Папу, который призывал вести войну против сына только что скончавшегося императора Фридриха и не был заинтересован в крестовом походе; они критиковали францисканцев и доминиканцев, которые слишком безропотно повиновались понтифику. На том обсуждение закончилось.

В Цезарее Людовик Святой сам трудился на строительстве стен, таская корзину с камнями, как он делал это в Акре. Именно там он принял послов, отправленных им в 1249 г. к татарам. Они путешествовали больше года, объехав Каспийское море с юга и востока. Но никакого практического результата посольство не добилося. И знайте, говорит Жуанвиль, что король сильно раскаялся в том, что послал их.

В то время как король укреплял Цезарею, он получил подкрепление в виде отряда норвежских рыцарей. Их корабль пересек Ламанш, обогнул Испанию, проплыл мимо марокканского пролива. В пути их подстерегали великие опасности; в Палестине они принялись охотиться на львов, что было не менее опасно — пришпорив коня, они мчались на хищника, бросая ему кусок какой-нибудь негодной ткани, которую тот начинал терзать, и в тот же момент осыпали его стрелами.

Жуанвиль поступал на службу к королю сроком на год. В Цезарее пришло время продлить их договор. Людовик Святой спросил Жуанвиля, сколько он потребует теперь за свои услуги. И Жуанвиль ответил, что ему нужно не больше денег, чем в прошлом году, но он хотел бы заключить с королем уже другую сделку. «Поскольку, — сказал он, — вы сердитесь, когда у вас просят что-то, я хочу, чтобы вы договорились со мной, что не будете сердиться, если я у вас попрошу что-либо в течение всего этого года; а если вы мне откажете, я тоже не буду сердиться. Когда король услышал сие, он расхохотался и сказал мне, что оставляет меня на подобных условиях; и взяв меня за руку, подвел к легату и своему совету и повторил им условия сделки, которую мы заключили; и они этому весьма

возрадовались, потому что я стал самым богатым из всех в лагере». Как мы теперь завидуем этому смеху; у короля и его баронов, перенесших страшные испытания, жизнь которых в Палестине была совсем непростой, хватило здоровья, физического и морального равновесия, чтобы по-прежнему улыбаться и хохотать. А ведь наши нынешние «правители» никогда не улыбаются.

Магистр Ордена тамплиеров послал одного из своих рыцарей, брата Гуго де Жуи, к султану Дамаска, чтобы достигнуть соглашения по поводу неких обширных земель. Султан согласился, чтобы Орден владел половиной этих территорий, а он — другой, при одном условии: соглашение должен был одобрить король Франции. И брат Гуго привез в Цезарею эмира, посланного султаном Дамаска. Магистр Ордена тамплиеров тогда ввел короля в курс переговоров; но Людовик Святой, придя в изумление, заявил ему, что он позволил себе слишком многое, договорившись с султаном без его ведома. Король пожелал, чтобы ему были принесены извинения за подобное оскорбление. Большой шатер был открыт взорам всех желающих; магистр Ордена тамплиеров явился туда со всеми рыцарями, пройдя босым через весь лагерь. Король усадил подле себя магистра ордена Храма и эмира и потом сказал: «Магистр, вы скажете послу султана, что вы раскаиваетесь, заключив договор с ним, не поговорив со мной; и, поскольку вы об этом со мной не поговорили, вы откажетесь от всего, что он вам пообещал, и возьмете назад свои обещания». Магистр передал эти слова эмиру. Тогда король сказал магистру, чтобы он встал и велел подняться всем братьям Ордена: «Преклоните же колени и принесите мне извинение за то, что вы поступили против моей воли». Магистр опустился на колени и протянул королю в знак полного подчинения край своего плаща. «И я повелеваю, — произнес король, — чтобы брат Гуго, составлявший эти соглашения, был изгнан из королевства Иерусалимского». Распоряжение короля было исполнено, несмотря на то что за виновного ходатайствовали очень знатные лица.

Король хотел сам руководить сложной политикой, которую вел на Святой земле, а тамплиеры были слишком склонны к независимости. Этого было бы достаточно, чтобы объяснить сей неприятный инцидент. Но кроме того, Людовик Святой, вероятно, был готов заключить союз с египтянами против султанов Дамаска и Алеппо. В самом деле, в Цезарею к нему прибыли послы, ранее отправленные им в Египет; они привезли ему договор, в котором мамлюки принимали все условия, поставленные королем: в обмен на помощь Людовика против султана Дамаска египтяне обещали вернуть Иерусалимское королевство христианам. Чтобы соблюсти эту, последнюю статью договора, Людовик должен был отправиться в Яффу, а эмиры — в Газу.

* * *

Когда султану Дамаска донесли об этом договоре, он послал отряд из четырех тысяч воинов занять Газу, и египетские эмиры в который раз нарушили свое обещание королю. Невзирая ни на что, Людовик Святой хотел идти в Яффу. В честь короля граф Яффы повелел украсить 500 бойниц своего замка штандартами со своими гербами. «На что было красиво смотреть, — признаёт Жуанвиль, — ибо его герб представлял собой червлёный лапчатый крест в золоте».

Король разбил свой лагерь около замка, возвышавшегося над морем. Он тотчас же принялся укреплять предместье от одного берега до другого, повелев построить 80 башен с тремя большими воротами, помимо обычной стены. И Жуанвиль пишет: «Я много раз видел, как король сам носил корзины ко рвам, дабы получить отпущение грехов». Он велел возвести здесь церковь и монастырь францисканцев. Эмиры Египта прислали головы христиан, выставленные в Каире, и король приказал захоронить их в освященной

земле; они вернули также захваченных детей, которых уже заставили перейти в магометанство. Наконец, они подарили королю слона, которого увезли во Францию.

Молодой Боэмунд, князь Антиохии и Триполи, которому только что исполнилось шестнадцать лет, приехал со своей матерью посетить короля. Людовик посвятил его в рыцари. «Никогда, — заявляет Жуанвиль, — я не видел столь мудрого ребенка». Король помирил его с матерью, которая держала князя под опекой.

В этом же, 1252 г. Людовик Святой получил подкрепление, возможно, от короля Кипра, Генриха де Лузиньяна. Во всяком случае, королевское войско по-прежнему было небольшим — 700 рыцарей и 400 человек легкой конницы. Важно было их сохранить.

Султан Алеппо охотно выдал бы пропуск Людовику Святому для посещения Иерусалима, Но королевский совет отговорил короля принять это предложение: бесчестно было бы ему или баронам вступать в Святой град, не освободив его; и прочие христианские князья, судя по данному примеру, могли бы посчитать, что им будет достаточно посетить Иерусалим как простым паломникам. При подобных же обстоятельствах Ричард Львиное Сердце отказался поклониться Гробу Господню. «Сир, сир, подойдите сюда, и я вам покажу Иерусалим», — сказал ему один рыцарь; а он ответил, закрыв плащом лицо и плача: «Боже Всемогущий, не доставляй мне страданий видом Твоего святого города, ибо не могу я освободить его из рук Твоих врагов».

* * *

Граф Тулузский умер, не успев отправиться в крестовый поход. Ему наследовал вернувшийся во Францию Альфонс де Пуатье, женатый на дочери графа. Он также помог Карлу Анжуйскому подчинить города Арль, Авиньон и Марсель.

Однако поражение и пленение короля Людовика Святого шокировали многих людей. Они не понимали, как небеса могли допустить, чтобы столь благочестивое мероприятие завершилось разгромом, и ожидали, что какое-нибудь чудо исправит положение.

Один самозванец по имени Жак, или Якоб, бывший цистерцианец и расстрига, знавший французский, немецкий и латинский языки, несомненно, уроженец Венгрии — его называли учителем из Венгрии, — принял по собственному почину проповедовать крестовый поход. Он был красноречивым человеком и носил длинную бороду. Его считали Божьим человеком: он славился своим воздержанием. Кое-кто говорил, что именно он своими пылкими речами спровоцировал в 1212 г. детский крестовый поход; на вид ему было лет шестьдесят. Другие шептали, что он пообещал выдать вавилонскому султану на расправу большую часть христиан, дабы Франция обезлюдела.

Жак со своими последователями проповедовали преимущественно простому деревенскому люду — пастухам, юношам и девушкам, которые бросали все, чтобы идти за ним. Поэтому это движение получило название крестового похода пастушков. Жак говорил им, что именно с их помощью Богу угодно освободить короля и Палестину. Он утверждал, что проповедует от имени Пречистой Девы, и всегда держал сжатой руку, как бы для того, чтобы держать приказ, данный ею. Он заверял, что ему являлась Дева Мария с ангелами, которую он велел изобразить на своих знаменах. На его знамени был вышит также агнец и крест. Приверженцы Жака шли отрядами по сто и тысяче человек, с капитанами во главе. Говорили, что Жак творил чудеса, приумножая хлеб и мясо. Сама Бланка Кастильская поначалу была введена в заблуждение и не стала препятствовать походу пастушков, в чем каялась потом на смертном одре.

Вскоре к беднякам присоединились воры, убийцы, колдуны, женщины дурного поведения, и начались беспорядки. Тридцать тысяч пастушков были с почестями приняты в Амьене. Их отряд еще больше увеличился, а его предводители принялись разрешать разводы, заключать браки, исповедовать и давать отпущение грехов, благословлять воду, как епископы, опуская и вынимая крест. Миряне проповедовали сами и шли наперекор церковным властям, а если кто-то им противоречил, они отвечали ударами, ибо были вооружены и внушали страх. Представители правосудия не осмеливались вмешиваться.

Клирики попытались воспрепятствовать притоку населения в ряды пастушков. Но предводители этого похода восстанавливали против них народ, обвиняя во всевозможных преступлениях; в деревнях священников начали убивать. Особенно пастушки преследовали монахов, сопротивлявшихся им более, чем другие, избивая их к великой радости толпы.

Наконец пастушки прибыли в Париж. Магистр Венгрии проповедовал в церкви Сент-Эташ, в облачении епископа; он велел убить нескольких клириков, осмелившихся ему перечить. Чтобы толпа пастушков не проникла в университет и не устроила там бойню, властям пришлось перекрыть мосты. Пастушкам даже позволили беспрепятственно покинуть Париж. Они рассеялись по округе, нападая на деревни и даже города, убивая тех, кто им сопротивлялся. Их вождь отправился в Орлеан, открывший перед ним ворота вопреки воле епископа; там он велел убить многих священников.

Тогда вмешалась Бланка Кастильская: пастушков объявили отлученными от Церкви, а миряне, видя, что им тоже грозит опасность, наконец приняли меры для защиты.

Большая часть отрядов все же добралась до Буржа. Архиепископ, святой Филипп, запретил пускать их в город; тем не менее ворота открыли. Священники попрятались, а пастушки бросились грабить синагоги. Потом их вождь пригласил толпу послушать его проповедь и узреть чудеса. Но когда они вышли из Буржа, горожане, вооружившись, ринулись за ними в погоню. Магистр Венгрии с множеством своих сотоварищей был убит между Мортomme и Вильнев-сюр-Шер, а его тело бросили собакам на растерзание.

Толпа разбежалась. Бальи приказывали вешать попадавших в их руки пастушков. Кое-кто был задержан в Эг-Морте, прочие — в Бордо и Марселе. Многие из тех, кто примкнул с благими намерениями, дабы искупить свои прегрешения, отправились в крестовый поход с Людовиком Святым.

Бланка Кастильская управляла железной рукой. Последнее значительное событие ее правления продемонстрировало, как она заботилась избавить от преследований простой народ. Капитул собора Парижской Богоматери приказал заключить в темницу крестьян из Шатеней и некоторых других деревень, которые не смогли уплатить подати, и стали морить их голодом. Пожаловались королеве, которая попросила капитул освободить их под залог. Капитул же ответил, что это его люди и он имеет право обращаться с ними, как хочет; и в знак вызова каноники велели схватить крестьянских жен и детей, которых поместили в ту же темницу, где многие из них погибли.

Тогда королева отдала приказ рыцарям и горожанам Парижа взяться за оружие. Она повелела им сломать ворота капитульной тюрьмы, а чтобы они не боялись церковных кар, первой нанесла удар посохом. Тюрьма была захвачена. Несчастных освободили, а королева наложила арест на доходы капитула и заставила его освободить крестьян от ежегодной подати.

Отъезд короля в поход, его плен, решение остаться на Святой земле приблизили кончину Бланки. Ходил слух, что Людовик Святой принес обет, поклявшись окончить дни на Востоке. Бланка Кастильская страдала болезнью сердца, серьезно осложнившейся в Мелене в ноябре 1252 г. Королева повелела немедленно перевезти себя в Париж. Она приказала из своих средств возратить долги всем, с кем она поступила неправо, а затем приняла причастие из рук Рено де Корбейля, епископа Парижского, своего исповедника. Еще она пожелала получить из его рук одеяние монахинь Мобюиссона. Ее уложили на постель из соломы, покрытой простой саржей. Окружавшие ее священники считали, что она умерла, и хранили молчание; тогда она сама начала напутствие душе. Но едва она прошептала с клириками пять или шесть строф, как испустила дух. Ей было немногим меньше 65 лет.

Поверх монашеской рясы покойную облачили в королевские украшения, и сыновья понесли ее, сидящую на троне, в сопровождении епископа и духовенства в аббатство Мобюиссон.

Граф Пуатье и граф Анжуйский взяли бразды правления государством в свои руки. Людовик, старший сын короля, был еще слишком молод, чтобы самому принимать решения.

* * *

Людовик Святой все еще находился в Яффе, когда в Палестину прибыла весть о смерти Бланки Кастильской. Жоффруа де Болье, доминиканец и исповедник короля, рассказывает следующее: «Как только монсеньор легат узнал об этом, он взял с собой архиепископа Тирского, тогда хранителя королевской печати, и ему было также угодно, чтобы я пошел с ними третьим. Итак, легат с нами обоими отправился к королю и попросил у него частной беседы в нашем присутствии в его покоях. Заметив серьезный вид легата, король испугался, что он ему сообщит нечто печальное. Преисполненный мыслями о Боге, он провел нас с легатом в свою часовню, примыкавшую к его комнате, и, велев запереть двери покоев, сел с нами перед алтарем. Тогда легат мудро напомнил королю великие, многочисленные и различные добрые дела, коими он был окружен благодаря милости Господа с самого детства, и среди прочего — милость, которую ниспослал ему Бог, дав ему такую мать, которая воспитала его в христианском духе, руководила и направляла с такой верностью и осторожностью дела его королевства. Замолчав на минуту, вздыхая и плача, он сообщил ему о смерти королевы, столь скорбном и печальном событии. Король сначала громко вскрикнул и залился слезами; затем он опустил сложенные руки перед алтарем и очень набожно, плача, произнес: "Благодарю тебя, Господи, Боже мой, что по своей доброте Ты столь долго поддерживал мадам мою дорогую матушку; и вот теперь Тебе было угодно забрать ее к себе. И истинно, Господи, я любил ее больше всех прочих смертных созданий, и она этого заслуживала. Но поскольку такова Твоя воля, да будет благословенно имя Твое в веках. Аминь".

После того как легат прочел краткую молитву об упокоении души матери, король пожелал остаться наедине со мной в своей часовне. Легат и архиепископ удалились, и король некоторое время оставался перед алтарем, погруженный в благочестивые размышления, сопровождаемые вздохами. Но, опасаясь, чтобы чрезмерная печаль не охватила его, я приблизился к нему, дабы коснуться и утешить его, насколько мог, и смиренно сказал ему, что в настоящее время он достаточно отдал дань природе, и время предаться милости Господа в нем, как и подобает разуму, просвещенному милостью Божьей. Он принял сии слова с мудростью и решил им последовать. И в самом деле, вскоре он покинул часовню и

удалился в свою молельню, где обычно творил в одиночестве молитвы. Он привел меня туда с собой, по его воле мы совершили вместе службу по усопшим, вечерню и прочие девять уроков. И меня привело в восхищение то, что хотя его сердцу была только что нанесена столь жестокая рана, я не мог, насколько мне помнится, заметить, чтобы он хоть что-то позабыл или пропустил, или допустил малейшую ошибку в чтении какого-либо стиха из псалма или прочей молитвы, как обычно случается, когда человеческое сердце оказалось потрясено внезапными и скорбными вестями, что приписываю я могуществу Божественной милости и стойкости его сердца. Он показал себя сыном, верным душе своей благочестивой матери. Ибо он заказал бесчисленное множество месс и множество молитв в монашеских общинах. Сам он отныне каждый день служил особую мессу за свою мать».

Жуанвиль писал, что это событие произошло в Сидоне. Вот что поведал сенешаль; «В Сидоне король получил известие, что его мать умерла. Он выказал столь великую скорбь, что два дня с ним совершенно нельзя было разговаривать. Затем он послал за мной слугу, туда, где он был в одиночестве, и едва увидев меня, он протянул ко мне руки и сказал: "Ах, сенешаль, я потерял свою матушку!" "Сир, это меня не удивляет, — ответил я, — ибо она должна была умереть; но я удивлен, что вы, человек мудрый, выказываете столь великую скорбь; ибо вы знаете, как сказал мудрец, какова бы печаль на сердце у человека ни была, ничего не должно выражаться на лице; ибо тот, кто так поступает, доставляет радость врагам и огорчение друзьям"».

Странное поучение, хотя и вызванное похвальными мотивами. Однако королеве Маргарите Жуанвиль преподнес совсем иной урок. Мадам Мари де Вертю попросила его прийти утешить королеву, ибо она также выказывала чрезвычайную скорбь. Найдя ее плачущей, он, несколько не взволновавшись, заявил ей, что правду говорят, что нельзя верить женщинам: «Ибо умершая была женщиной, которую вы ненавидели больше всех, а теперь вы так скорбите о ней». Маргарита же ответила, что плачет не по королеве, а из-за короля, который так скорбит, и из-за своей дочери Изабеллы, которая осталась во Франции под присмотром мужчин.

* * *

При посредничестве багдадского халифа султаны Алеппо и Каира в конце апреля 1253 г. помирились. Надежда заполучить Иерусалим, воспользовавшись раздорами между мусульманами, исчезла. Однако Людовик Святой не терял надежды использовать союз с монголами против сарацин. Он все еще верил, что этих язычников можно обратить в христианство, и попросил Папу послать к ним епископов. В мае 1253 г. король отправил к ним Гийома Рубрука, или Руйбрука, францисканца из Святой земли, француза по национальности, оставившего ценное описание своего путешествия.

Укрепив Яффу, Людовик Святой велел закончить работы по строительству крепостных стен Сидона, начатые совсем недавно. Он находился еще на побережье Акры, когда прибыла группа паломников из Великой Армении, направлявшаяся в Иерусалим. Они попросили Жуанвиля показать им святого короля. Жуанвиль нашел его в шатре, сидящем на песке, без ковра, и спиной опиравшегося на столб. Он сказал ему: «Сир, там снаружи большая толпа из Великой Армении, идущая в Иерусалим, и они просят меня позволить посмотреть на святого короля; но я еще не хочу целовать ваши кости». Король рассмеялся и послал за ними; так что они свиделись и расстались, взаимно препоручив себя Богу.

На следующий день крестоносцы стали лагерем близ Сура, который в древности звали Тиром. Там король узнал, что люди, которым было поручено начать укрепление Сидона,

были перебиты турками: лишь малая их часть смогла укрыться в тесном замке; все прочие, числом более двух тысяч, были убиты, а город разграблен.

Часть напавших явилась из Белина — в древности Филиппийской Кесарии. Король организовал поход на эту крепость и захватил ее. Но его совет не пожелал, чтобы Людовик подвергал себя опасности при штурме, и он отправился прямо в Сидон.

Дело происходило в самый разгар лета. Гийом де Сен-Патю рассказывает, что тела несчастных, убитых месяцем ранее, еще лежали на побережье и на развалинах города: «И те, кто видел сии тела, насчитали их около трех тысяч. И благословенный король решил прежде всего похоронить тела и приказал устроить кладбище с огромными ямами, которое велел освятить. И сам он, своими собственными руками, с помощью тех, кто был с ним, брал тела умерших, клал их на коврики, зашивал их и потом клал на верблюдов и лошадей и отвозил к могилам, чтобы там похоронить. Но некоторые тела так разложились, что король и те, кто помогал ему, брали руку или ногу, чтобы положить в мешок, они отделялись от тела. От останков исходило столь сильное зловоние, что мало кто из наших людей мог его вынести, и они затыкали носы и удивлялись, что король может заниматься этим и выдерживать такой смрад». Кроме того, никогда не видели, чтобы он затыкал себе нос. Из одного трупа вывалились внутренности — король собственными руками взял их и сложил в мешок. Каждое утро, прослушав мессу, он возвращался к этой работе и говорил своим соратникам: «Идемте хоронить сих мучеников». И если они отказывались, он добавлял: «Они перенесли смерть, мы же должны перенести это» или «Не испытывайте отвращения к этим телам, ибо они мученики и уже в раю».

Король велел собрать строителей отовсюду, которые восстановили стены и башни Сидона. Однажды утром Жуанвиль присутствовал на мессе с королем. Затем Людовик Святой предложил подождать его, чтоб совершить прогулку верхом. Они подъехали к маленькой церкви, стоящей особняком в деревне. Король сказал, что эта церковь была сооружена в честь чуда, совершенного Господом, который изгнал дьявола из тела дочери вдовы. Священник служил мессу; Людовик Святой захотел на ней поприсутствовать. Жуанвиль рассказал: «Когда стали раздавать причастие, я увидел, что клирик, помогавший служить мессу, был высокий, черный, худой и щетинистый; и я испугался за короля, которому он должен был поднести облатку, ибо возможно, то был ассасин, дурной человек, и он вполне мог убить короля. Я взял облатку у клирика и сам отнес ее королю. Когда месса закончилась и мы вскочили на наших лошадей, то встретили в поле легата; король подъехал к нему, подозвал меня и сказал: "Я жалуясь вам на сенешаля, который принес мне облатку и не пожелал, чтобы мне его подал бедный клирик"». И легат одобрил Жуанвиля; но Людовик Святой из смирения продолжал утверждать, что сенешаль был не прав.

Королева Маргарита оставалась в Яффе, где готовилась родить: она произвела на свет дочь Бланку, позднее воспитанную в Мобюиссоне. На Востоке она уже произвела на свет двух детей — Жана-Тристана Дамьеттского и Пьера, рожденного, несомненно, в 1251 г. Когда королева возвратилась во Францию, она снова была беременна - на этот раз она родила девочку, которую нарекли Маргаритой, впоследствии она стала герцогиней Брабантской. После родов королева села на корабль, дабы добраться до Сидона, где находился король, морем.

Как только Жуанвиль услышал о прибытии королевы, он встал раньше короля и поехал встретить ее и проводить в замок. Когда он вернулся, король, который находился в часовне, спросил его, в добром ли здравии королева и дети, и сказал: «Я сразу понял, что

раз вы поднялись раньше меня, то поехали навстречу королеве; и поэтому я велел не начинать проповедь без вас». Он не желал, чтобы из-за своей галантности Жуанвиль пропустил молитву. Жуанвиль продолжал: «И я вам напоминаю об этом, потому что я пробыл подле него пять лет, и он никогда не говорил ни о королеве, ни о своих детях ни мне, ни другим; а это, как мне кажется, нехорошая привычка — обращаться, как с чужими, со своей женой и детьми». Умерщвление плоти, могут сказать, святого. Возможно, но одновременно это поступок истинного короля: он не принадлежит своей жене и детям, он — всеобщий отец; он всегда заботился вести себя сообразно своему рангу, а поэтому не говорил о своей семье, которую он также считал достоянием всего народа.

А вот Жуанвиль был таким же другом королевы, как и короля. Он отправился в паломничество в Тортозу; король попросил купить его там сто плащей, чтобы раздать францисканцам по возвращении во Францию. Жуанвиль четыре плаща отослал королеве. Рыцарь, преподнесший их ей, завернул их в белую ткань; и когда королева увидела, как он входит, то опустила на колени, и рыцарь, в свою очередь, преклонил колено перед ней. Королева ему сказала: «Встаньте, сир рыцарь; вы не должны преклонять колени, неся реликвии». Недоразумение прояснилось, королева и ее дамы рассмеялись, и королева сказала рыцарю: «Скажите вашему сеньору, что я желаю ему дурного дня за то, что он заставил меня опуститься на колени перед плащами».

Поскольку строители заканчивали постройку укреплений в Сидоне, король велел устроить процессии, чтобы Господь указал ему правильное решение, которому он бы последовал. Он узнал, что английский король прибыл в Гасконь и собирается женить своего старшего сына Эдуарда на сестре короля Кастилии. Кроме того, разразилась война между детьми от первого и второго браков графини Фландрской, и Карл Анжуйский вмешался в конфликт на стороне Дампьеров и графини. Присутствие короля во Франции становилось необходимым. Впрочем, теперь прелаты и бароны Палестины считали, что король может уехать. «Сир, — говорили они ему, — вы укрепили крепость Сидон, Цезарею и бург Яффы к великой пользе для Святой земли; и вы усилили намного город Акру, возведя стены и башни. Мы не думаем, что ваше пребывание смогло бы послужить еще больше королевству Иерусалимскому. А посему мы вам советуем отправляться в Акру во время наступающего поста и подготовить свой переезд, чтобы вернуться во Францию после Пасхи».

Король велел отправить королеву и своих детей под охраной Жуанвиля в Тир. Потом он присоединился к ним и отправился в Акру, где провел пост. Он оставил в Святой земле много рыцарей с легатом и крупную сумму денег на вооружение и приказал приготовить для обратного путешествия восемь кораблей и четыре галеры. Сто рыцарей под командованием Жоффруа де Сер-жина оставались для охраны Акры.

Погрузка началась 24 апреля 1254 г.; корабли вышли в море на следующий день, в праздник святого Марка, в день рождения короля. «И сегодня вы родились снова, — говорит Жуанвиль, — ибо ускользнуть от таких опасностей этой земли — означает родиться во второй раз».

* * *

Король получил от легата разрешение везти на своем корабле Святые Дары; дарохранительницу покрыли шелковой тканью и чеканным золотом, а рядом возвышался алтарь, украшенный различными реликвиями, у которого каждый день служили службу. Около алтаря спали два клирика. После мессы король посещал больных, находившихся на

корабле; Жуанвиль насчитывает их восемьсот человек. Король приказал проповедовать трижды в неделю, а когда море было спокойно, велел возносить молитвы за моряков; он требовал, чтобы его люди исповедовались, и многие следовали его примеру.

Проплывая мимо горы Кармель, в воскресенье 26 апреля, королевский корабль причалил к берегу, чтобы Людовик мог послушать мессу. Кармелиты вышли ему навстречу; некоторых из них он увез в своей свите и поселил в Париже, на правом берегу Сены, на месте, где позднее обосновались целестинцы.

В субботу, 1 мая, флот подошел к Кипру. Поднялся туман, и корабли двигались наугад. Королевский корабль налетел на песчаную мель совсем близко от берега и дважды так сильно ударился днищем, что все подумали, что корабль получил пробоину и тонет. Матросы в отчаянии кричали и рвали на себе одежду. Брат Ремон, тамплиер, капитан, велел бросить лот и сказал, что надежды на спасение нет. Королева лежала с детьми у ног короля. Сам Людовик пал ниц, одетый в простой камзол, раскинув руки крестом у подножья Святых Даров, поручая Господу всех своих людей; другие последовали его примеру. Чудесным образом корабль пробил дорогу в песчаной мели, в которую он врезался, и можно было бросить якорь, чтобы дождаться дня. Оказалось, что корпус цел и невредим.

Ранним утром король тихо встал, чтобы, припав к дарохранительнице, возблагодарить Бога. При свете дня стало видно, что корабль окружен рифами, на которых он мог разбиться. Однако нижняя часть киля все же была повреждена, и лоцманы посоветовали королю пересесть на другой корабль. Но он отказался, не желая отнимать у некоторых из своих людей возможность вернуться во Францию, ибо корабли были переполнены и тем, кто уступил бы ему место, пришлось бы остаться на Кипре. Впрочем, путешествие закончилось без печального исхода, которого все опасались. «Я лучше передам в руки Бога себя самого, мою жену и детей, — сказал король, — чем нанесу ущерб столь великому множеству людей».

Кипра достигли на веслах и под парусами. Там набрали свежей воды и поплыли дальше. Сеньор же, не пожелавший рискнуть и плыть на одном корабле с королем, ждал восемь месяцев на Кипре, прежде чем добраться до Франции.

Ночью поднялась буря; пришлось забить перегородку каюты короля, открытой ветрам. Людовик Святой простерся пред Святыми Дарами. Королева открыла дверь, чтобы присоединиться к королю: она нашла только Жуанвиля и Жилия ле Бриенна. Она хотела попросить Людовика Святого, чтобы он принес обет в благодарность за избавление от гибели. Жуанвиль посоветовал, чтобы она пообещала совершить паломничество к святому Николаю Варанжевильскому, которому ничего не стоило их спасти. «Сенешаль, — ответила она, — воистину я это сделаю охотно; но король рассердится, если он прознает, что я это сделала без него, и никогда не позволит мне туда пойти». Она пообещала святому Николаю серебряный кораблик, и именно Жуанвиль позднее отвез его. Королева приказала кормилицам не будить ее детей, чтобы они отправились к Богу в сне, если корабль пойдет ко дну.

После того как миновали эти две опасности, король, сидя однажды на борту корабля, усадил Жуанвиля у своих ног и сказал ему: «Сенешаль, Господь нам показал свою великую власть; ибо одного из сих малых ветров (не говоря уже о четырех главных ветрах) достаточно для того, чтобы утопить короля Франции, его жену, детей и всю свиту. Так что мы должны быть благодарны Господу и возблагодарить Его за опасность, от коей Он нас избавил... Что же до тех потрясений, которые настигают людей, или тяжелых

болезней или других несчастий, то святые говорят, что это предупреждение Господа нашего. Ибо так же как Бог говорит избежавшим тяжелых болезней: "Вы видите, я мог вас уничтожить, если бы захотел", так же он может нам сказать: "Вы хорошо видите, что я мог бы вас утопить, если бы захотел". Так что мы должны следить за собой со страхом, чтобы не совершить чего-либо неугодного Господу, ибо если мы поступим иначе, Он поразит нас смертью или каким-либо иным несчастьем, на погибель нашим телам и душам... И из-за великой любви, которую Он к нам питает, Он пробуждает нас этими угрозами, чтобы мы ясно узрели наши недостатки и избавились от того, что Ему неугодно. Поступим же так и будем благоразумны».

Корабль сделал остановку на острове Лампедуза. На нем, по словам Жуанвиля, в изобилии водились кролики. На этом острове существовала старая обитель и сад с оливками, фигами, виноградом и различными деревьями. Там бил источник, и в глубине сада была молельня из извести, украшенная красным крестом, которую король посетил вместе с Жуанвилем. Но там они обнаружили лишь кости древних отшельников. В момент отплытия недосчитались одного моряка; решили, что он остался на острове, чтобы стать там отшельником: королевский интендант оставил ему три мешка сухарей.

Когда флот подплывал к острову Пантелариа, который принадлежал королю Сицилии и был населен сарацинами, королева попросила короля послать три галеры, чтобы набрать фруктов для детей. Король выслал вперед три галеры, отдав им приказ быть готовыми вернуться, когда королевский корабль будет проходить мимо острова. Но когда корабль проплывал мимо острова, галеры не появились. Матросы перепугались; они полагали, что их захватили сарацины, и хотели идти дальше. Но король этого не пожелал: «Воистину, я не послушаю вас в том, чтобы оставить моих людей в руках сарацин, не совершив по крайней мере все возможное, чтобы освободить их. И я приказываю вам повернуть паруса и напасть на них». И когда королева услышала сие, она выказала великую скорбь и сказала: «Увы! Это все из-за меня!» Корабль повернул, и стали видны галеры, отходящие от острова. Когда они подошли к королевскому кораблю, Людовик спросил моряков о причине их задержки; они ответили, что виной всему были шестеро сыновей парижских горожан, которые обедались фруктами в садах, и нельзя было их заставить вернуться обратно на борт. Тогда король приказал посадить их в шлюпку. И они принялись кричать: «Сир, Бога ради, возьмите у нас все что есть, но не помещайте туда, где держат убийц или воров, ибо это навсегда покроет нас вечным позором». Королева и бароны упрашивали короля простить их, но он не хотел никого слушать, парижан спустили в шлюпку, и они оставались в ней до конца путешествия. Там они пребывали в великой опасности, волны накрывали их с головой, и они приседали от страха, чтобы ветер не унес их. «Но это было справедливо, — заключает Жуанвиль, — ибо их обжорство нанесло нам ущерб в том, что мы опоздали на добрых восемь дней, потому что король велел повернуть корабли назад».

Вечером, из-за небрежности служанок, каюта королевы загорелась. Когда королева проснулась, то увидела, что ткани, покрывавшие одежды, охвачены огнем; она нагая соскочила с постели и сбросила пылавшие ткани в море. Парижане, сидевшие в шлюпке, закричали: «Огонь, огонь!» Жуанвиль поспешно оделся и присоединился к морякам. Вскоре его оруженосец, обычно спавший в его ногах, пришел сообщить ему, что король проснулся и требует его к себе: «А я ему сказал, что вы в покоях, и король мне ответил: "Ты лжешь"». На следующий день Людовик Святой рассказывал о происшествии своим людям и сказал Жуанвилю: «Сенешаль, я приказываю, чтобы отныне вы не ложились спать, покуда не будут погашены все огни, за исключением большого огня, что на складочной каюте корабля. И знайте, что я не лягу, покуда вы ко мне не придете». И так теперь было всегда.

После десяти недель плавания показались берега Прованса близ Иерского порта. Королева и совет предложили королю сойти на берег, поскольку земля принадлежала его брату. Людовик Святой ответил, что он высадится только в Эг-Мотре, на своей земле. В среду и четверг король не пожелал изменить свое решение. В пятницу Людовик Святой позвал Жуанвиля и спросил его: «Сенешаль, что вы посоветуете в этом деле?» Жуанвиль ответил: «Сир, а вспомните, как мадам де Бурбон, не пожелав высадиться в этом порту, снова устремилась в море, дабы достичь Эг-Морта, и так и проплавала семь недель». Тогда король созвал свой совет; все считали, что нужно высадиться здесь, ибо было бы безрассудно подвергать себя, свою жену и детей превратностям морского плавания, после того как они их счастливо избежали. Король согласился с этим, чем очень обрадовал королеву.

VI. Последний период правления Людовика IX (1254-1270)

Король причалил у замка Иер с королевой и детьми. Там они дождались лошадей, на которых должны были уехать во Францию. К ним прибыл аббат Ключни с подарком в виде двух прекрасных коней — одним для короля, другим для королевы. Потом он попросил разрешения поговорить о своих делах. Король слушал его очень внимательно. Когда аббат закончил, к королю подошел Жуанвиль и спросил его: «Неужели вы внимаете так благосклонно ключнийскому аббату потому, что он вчера подарил вам двух прекрасных коней?» Король подумал и ответил: «Воистину так». Тогда Жуанвиль продолжал: «Сир, знаете, почему я обратился к вам с этим вопросом? Потому что я советую вам, чтобы по прибытию во Францию вы запретили всем вашим судебным советникам брать что-либо от тех, кто придет к вам с делом; ибо будьте уверены, если они возьмут [что-либо], то охотнее и внимательнее будут выслушивать тех, кто сделал им подарок, как вы поступили с аббатом Ключни».

Не только от своих приближенных Людовик Святой снисходительно выслушивал советы. Весьма уважаемый францисканец Гуго де Динь жил неподалеку от замка. Король велел послать за ним. Тот прибыл в сопровождении огромной толпы мужчин и женщин, следовавших за ним. Король велел ему начать проповедь. Гуго, незнакомый с придворной жизнью, начал говорить о монахах. «Сеньоры, — сказал он, — я вижу при королевском дворе слишком много монахов; да и в самом окружении короля». И добавил: «Я же первый [из них]; я говорю, что им не спастись, иначе Святое Писание нам лжет, чего не может быть. Ибо Святое Писание говорит нам, что монах не может жить вне своего монастыря, не впадая в смертный грех, подобно тому, как рыба не может жить без воды. И если прибывающие у короля монахи говорят, будто бы [двор] — это монастырь, я им скажу, что это самый большой монастырь, который я когда-либо видел: ибо он простирается по ту и по эту сторону моря. Ежели они говорят, что в этом монастыре можно вести суровую жизнь, дабы спасти свою душу, я им в этом не верю; но я вам скажу, что я откушал с ними великое множество различных мясных блюд и выпил добрых вин, крепких и светлых; отчего я уверен, что окажись они в своем монастыре, они бы не имели тех удобств, которые имеют при королевском дворе».

Потом он принялся за короля и стал поучать его, как должно себя вести. «Никогда не видел, — сказал он, — чтобы какое-либо королевство или сеньория когда-нибудь погибли, разве что за отсутствием правосудия. Так что пускай король постарается, возвратясь во Францию, творить правый суд своему народу и тем самым сохранит любовь Господа так, чтобы Он не лишил его королевства Франции вместе с жизнью».

Жуанвиль хотел задержать этого монаха при дворе, но это удалось ему не больше, чем королю. В великом гневе Гуго отвечивал: «Конечно, я этого не сделаю; но я

отправлюсь в то место, где Богу будет угодно меня видеть, и это будет не королевский двор».

В день, когда Людовик Святой собирался выехать из Иера, он спустился к подножью башни, так как берег был крутой. И он прошел дальше, чем хотелось бы, потому что не успели привести ему его парадного коня.

Когда явился конюший, король в раздражении набросился на него с бранью. Жуанвиль потом ему сказал: «Сир, вы должны многое простить конюшему Понсу, ибо он служил вашему деду, и вашему отцу, и вам». Но король не уступал. «Сенешаль, — ответил он, — он не нам служил; это мы пользовались его службой, страдая от его дурных наклонностей. Ибо король Филипп, мой дед, говорил мне, что следует вознаграждать своих людей в зависимости от того, как они служат: одного больше, другого меньше; а еще он говорил, что никто не может быть хорошим правителем, если не умеет достаточно смело и твердо отказывать в том, что мог бы дать. И я вас поучаю сим вещам, потому что люди в наш век так любят выпрашивать. Редко встретишь тех, кто печется о спасении своей души или о личной чести, хотя они и могли бы присвоить добро ближнего, правым или неправым путем».

Из других рассказов о жизни Людовика Святого видно, что нерадивость королевских слуг часто переходила все границы. Чтобы судить о небрежности Понса, надо вспомнить, что король был слаб настолько, что Жуанвиллю пришлось одолжить ему коня и следовать за ним пешком.

Королевский кортеж миновал Экс-ан-Прованс, дабы посетить в Сен-Боме могилу святой Марии Магдалины. Переправившись через Рону у Бокера, он вступил в пределы Франции. Именно там Жуанвиль распрощался с королем; он отправился к своей племяннице, дофине Вьенской, а потом к графу де Шалону, своему дяде, и графу Бургундскому, своему кузену. Пробыв некоторое время в Жуанвиле, он вновь встретился с королем в Суассоне. И Людовик Святой устроил в его честь пышный праздник, который привел в восхищение всех присутствовавших.

Король продолжал свой путь по Лангедоку, Оверни и Бурбоннэ, и повсюду его принимали с радостью и великими почестями. К нему стекались люди, несшие подношения. 9 августа он миновал Пюи, затем Бриод, Иссуар, Клермон, Мулен, Сен-Бенуа-сюр-Луар. В субботу, 5 сентября, он был в Венсене, а в воскресенье прослушал службу в Сен-Дени. 7 сентября король торжественно въехал в Париж с женой и тремя детьми, родившимися на Востоке. Процессия духовенства из приходов и монастырей вышла ему навстречу. Он возвратился в Венсен, чтобы остановить публичные празднества, танцы и прочую суету, которые считал неуместными. Он отсутствовал во Франции более шести лет, в течение которых его королевство не вело никаких войн.

* * *

По словам хрониста Матвея Парижского, по возвращении во Францию Людовик Святой некоторое время пребывал в унынии и грусти, и ничто не могло его утешить. Он не желал отказываться от обета крестоносца. Он уменьшил, насколько мог, расходы своей семьи не только из смирения, но и для того, чтобы скопить деньги на войну, ибо предпочитал брать деньги из своих средств, нежели у своего народа.

Но причинами его тоски были вовсе не досада или самолюбие. Он рассказывал, не краснея, о своем пленении, своих несчастьях и тяготах, перенесенных им в узилище, и

когда ему намекали, что не стоит рассказывать обо всех этих зловключениях, ибо это не приносит ему славы, он отвечал оскорбленно, что христианин должен гордиться всеми страданиями, которые претерпел в союзе с Богом, умершим за людские грехи на кресте. Он якобы велел выгравировать на монетах цепи своей темницы; его брат Альфонс де Пуатье и некоторые другие сеньоры последовали его примеру. Рассказывая о неудавшемся крестовом походе, он однажды сказал английскому королю: «Но когда я возвращался к себе самому и заглядывал в свое сердце, я испытывал больше радости от терпения, ниспосланного мне Богом по Его милости, чем если бы Он подчинил мне все море».

«После возвращения из-за моря, — пишет Жуанвиль, — король жил очень набожно; он не только продолжал одеваться как нельзя проще, но стал очень воздержан и никогда не заказывал блюда, довольствуясь тем, что готовил его повар. Он разбавлял вино водой; он всегда заставлял кормить бедных и после обеда раздавал им милостыню».

Его вежливость и снисходительность были действительно велики. «Когда после обеда входили менестрели знатных людей со своими инструментами, он дожидался, пока менестрель заканчивал свое пение, чтобы послушать послеобеденную молитву; тогда он вставал, и священники вставали подле него, чтобы произнести молитву». Но он вовсе не превратился в мрачного и хмурого ханжу: «Однажды, когда мы находились в тесном кругу при его дворе, он уселся у подножья своего ложа; а состоявшие при нем доминиканцы и францисканцы рассказали ему о книге, которую он должен обязательно послушать, и он им ответил: "Не читайте мне ее; ибо нет лучшей книги после обеда, чем свободной беседы, то есть когда каждый говорит, что хочет"». Когда с ним обедало несколько знатных иностранцев, он составлял им хорошую компанию.

Гийом де Сен-Патю говорит еще, что он любил больших рыб, но из-за воздержания ел только мелких, веля отдавать больших беднякам. Когда ему приносили жаркое или другое мясо под нежным соусом, он добавлял в него воды. И когда слуга говорил ему: «Сир, вы портите вкус», он отвечал: «Оно горячо, а так будет лучше». Он ел также простую пищу, такую, как горох. Когда в Париже ему поднесли миног, он не стал их есть, а роздал бедным. Также король никогда не пробовал новых фруктов, потому что считал их лакомством.

Он соблюдал и Великий и Рождественский посты начиная с 19 лет. Постился он также в канун праздников, в постные дни и накануне праздника Богородицы, в святую пятницу, накануне Рождества. И так как он не любил пива и кривился, когда его пил, он велел подавать его в пост. За морем он начал поститься за пятнадцать дней до Троицы и по возвращении сохранил эту привычку. Он соблюдал пост по понедельникам, средам и субботам. Но и в иные дни он ел далеко не все блюда, которые ставили перед ним, и все полагали, что это из-за умеренности.

В святую пятницу и с тех пор, как он вернулся из-за моря, весь пост и каждый понедельник, среду и пятницу он надевал власяницу, но делал это втайне, так, что его камергеры, жившие рядом с ним, ее не замечали. В эти же дни он занимался самобичеванием, используя длинный хлыст с тремя хвостами, на каждом из которых было по 4-5 узлов. Он запирался один в своей комнате с братом Жоффруа де Болье и, исповедавшись, приказывал брату бичевать его. Также заметили, что он старался не смеяться в пятницу.

Спал он без тюфяка или перины, на простой подстилке. Через некоторое время он вставал в полночь, чтобы послушать молитвы; затем он долго молился в своей часовне или подле

кровати, простершись на земле, так что когда вставал, то спрашивал: «Где я?» и не мог найти своей кровати; он говорил очень тихо, чтобы не разбудить своих рыцарей, спавших в соседней комнате. Наконец, он заставлял себя подниматься на заутреню; одевался он всегда сам и шел в церковь так быстро, что часто спавшим в его комнате приходилось бежать за ним на службу босиком; ибо его охраняли 16 капелланов, слуг и рыцарей; один из них спал у него в ногах. Но эти бдения его ослабили, и ему посоветовали их умерить; он начал вставать позднее, но тем не менее — до рассвета.

После первой молитвы он прослушивал одну или несколько месс, в первую очередь мессу по усопшим, потом мессу с пением, так торжественно и степенно, что многие из присутствовавших в церкви скучали; в понедельник в честь Ангелов, во вторник — Девы Марии, в четверг — Святого Духа, в пятницу — Креста и в субботу — в честь Богоматери. Он умел играть на музыкальных инструментах и хорошо пел. Выходя после мессы, он почти всегда прикасался к золотушным. Больные, которые собирались ночью в особом зале его дворца и получали еду, выстраивались во дворе. Затем он творил правосудие и занимался государственными делами. После обеда он велел петь молитвы третьего и шестого часа в своей капелле. Он отдыхал, беседовал со священниками, читал Евангелие и сочинения Отцов Церкви вплоть до вечерни. Поужинав, творили вечернюю молитву. Когда же король путешествовал, то заставлял свиту молиться, сидя на лошадях.

Вечером король возвращался в свои покои вместе с детьми. Податель милостыни опрыскивал их святой водой. Потом дети усаживались вокруг короля, и он некоторое время беседовал с ними. Иногда он приказывал зажечь канделябр, чтобы читать до тех пор, пока горели свечи. Затем он долго молился: однажды видели, как он 50 раз преклонил колени, читая "Ave". Также замечали, что он умерщвлял плоть способом, который казался тогда очень суровым испытанием: он ложился спать, не испив воды.

Людовик любил слушать проповеди и приглашал всех священников, умевших проповедовать Слово Господне. Повсюду, где он бывал, он посещал монастыри и просил, чтобы проповедовали в его присутствии. Он усаживался на землю подле часовни, в ногах у монахов, сидевших на своих скамьях. И чтобы его сержанты охотнее слушали проповеди, он приказал им обедать в монастырской зале, что было к их пользе. Он любил повторять поучительные примеры из проповедей, которые ему приходилось слушать, разъяснял на французском то, что говорилось по-латыни. И если он слышал шум вокруг оратора, то приказывал успокоиться.

Шесть раз в год он причащался — на Пасху, на Троицу, на Успение, на день Всех Святых, на Рождество и Очищение Богородицы. Прежде всего он мыл руки и уста и снимал шапочку и капюшон. «Он шел к алтарю не стоя, а на коленях. И когда он оказывался пред алтарем, то первым делом произносил с протянутыми руками, со множеством вздохов и стенаний свой "confiteor" и затем получал истинное тело Иисуса Христа из рук епископа или священника».

В святую пятницу король босым посещал церкви и делал им дары; еще он поклонялся кресту, приближаясь к нему на коленях и трижды простираясь на земле. Видели, как он плакал. Он организовал с большой заботой и торжественностью службу в Сен-Шапели, где хранились самые ценные святыни. Он повелел отмечать три торжественных праздника: один праздновался доминиканцами, другой — францисканцами, последний же — десятью монахами от каждого парижского монастыря. Наконец, монахи обедали с королем при дворе. Иногда король возглавлял процессию из королевского двора, в окружении епископов, и нес на собственных плечах реликвии Страстей Господних. Когда король бывал в Париже, он почти всегда посещал Сен-Шапель, чтобы долго там молиться.

Его преданность Деве Марии проявлялась не только посредством чтения «Ave Maria». После каждого часа дневной службы он повелевал проводить службу Деве Марии, а вечером — «Salve Regina» или какой-либо иной антифон. Он совершил пешком паломничество в Шартр, начиная от Ножан-д'Эрембер, говорят одни, а другие — от Ножан-ле-Руа, пройдя расстояние в пять лье.

Особенно же он почитал святого Дионисия, аббатство которого часто посещал, святого Мартина, святого Николая, святую Женевьеву, святую Марию Магдалину. Святые в раю, говорил он, являются друзьями и близкими Господа нашего, и конечно, они могут его упросить, ибо Он их слышит. А одному рыцарю он говорил, что «некоторые благородные люди стыдятся поступать хорошо, то есть ходить в церковь и слушать Божественную службу и творить другие набожные поступки, и боятся не из тщеславия, но из стыда и страха, что их назовут лицемерами...». Однажды, когда сеньоры начали роптать, недовольные тем, что король очень долго молится, он ответил: «Если бы я однажды провел столько же времени за игрой в кости или же гонялся по лесам за животными и птицами, никто бы об этом не заговорил и не нашел бы это предосудительным».

* * *

Но не стоит считать, что Людовик позабыл о своих обязанностях короля. Долгий период в шестнадцать лет, который мы рассматриваем, напротив, представлял собой время расцвета королевской власти, самую блестящую эпоху государственных институтов XIII в. Несомненно, Людовик Святой на Востоке много размышлял о том, как сделать из Франции процветающую страну. Со времени своего возвращения он с необычайным рвением трудился, чтобы достичь этой цели. Он объехал все свое королевство. Список мест, где он побывал, установлен историками, а король переезжал с места на место более сорока раз в год. В Париже он находился в парламенте на Сретение, на Троицу и день всех Святых. Он правил столь умело, что не было года, чтобы доходы королевского домена не росли. Он творил суровый и справедливый суд, покровительствуя беднякам и воцаря повсюду мир. Со всех концов Европы купцы, ремесленники, крестьяне приходили на его земли, где могли мирно трудиться.

«Король, — пишет Жуанвиль, — управлял своей землей хорошо и законно, как вы уже слышали. Он занимался своим делом таким образом, что мессир де Нель, и добрый граф Суассонский, и мы, прочие из его окружения, послушав мессу, шли слушать "жалобы у ворот", которые теперь называют прошениями. И когда он возвращался из церкви, то посылал за нами и усаживался у подножья своей постели, и мы рассаживались вокруг него, и он спрашивал нас, не надо ли кого-нибудь рассудить из тех, кого нельзя рассудить без него; и мы ему называли, и он посылал за ними и спрашивал: "Почему вы не соглашаетесь с тем, что предлагают вам наши люди?" И они отвечали: "Сир, они нам предлагают мало". И он им говорил: "Вы должны принять то, что для вас желают сделать". Вот так и трудился святой человек, наставляя их своей властью на праведный и разумный путь.

Много раз летом он усаживался в Венсенском лесу после мессы и, опершись о дуб, повелевал садиться вокруг него всем, кто являлся поговорить с ним напрямую, а не через привратника или кого-то другого. И тогда он их спрашивал сам: "Есть ли здесь кто-нибудь с тяжбой?" И те, у кого был спор, вставали. И тогда он призывал монсеньора Пьера де Фонтена и монсеньора Жоффруа де Вилетта и говорил одному из них: "Изложите мне это дело".

И когда он видел, что можно что-то исправить в словах говоривших пред ним или в словах тех, кто говорил за другого, то сам поправлял их. Я видел однажды летом, как он сам отправился в парижский сад, одетый в рубаху из камлота, камзол без рукавов, шарф из черной тафты вокруг шеи, очень красиво причесанный, в шапочке с белым пером павлина на голове, для того чтобы вершить суд. И он велел расстелить ковер, чтобы нас усадить вокруг себя; и все люди, имеющие к нему дело, стояли перед ним».

Королевский суд был суров и ни для кого не делал исключений. Гийом де Сен-Патю приводит несколько случаев. Владелец одного домена, захваченного Карлом Анжуйским, пришел жаловаться королю, и хотя принц уже вступил во владение, Людовик заставил его возвратить землю. Когда еще один рыцарь поспорил с Карлом Анжуйским, тот велел бросить его в темницу. Но король вызвал к себе брата, сильно порицал его за подобные действия и заявил ему, что во Франции есть только один король и Карл, хотя и является его братом, не должен пренебрегать правосудием. Рыцаря освободили из графской темницы и вызвали к королю. Карл привел с собой много советчиков и адвокатов, и с ними многих из своего совета, лучших в Париже; рыцарь же, увидав это собрание, сказал благословенному королю, что ни один человек его положения не усомнился бы в исходе тяжбы, имея столько великих и мудрых противников. И попросил он благословенного короля, чтобы ему тоже предоставили совет и адвокатов, ибо своих он не мог привести, поскольку они либо боялись графа, либо пользовались его милостью. Поэтому благословенный король дал мудрых советников рыцарю и приказал им «судить законно на стороне названного рыцаря», который в конечном счете выиграл дело. Людовик Святой поступил по справедливости с многочисленными горожанами и парижскими купцами, которым Карл Анжуйский отказывался платить долги. Он велел задержать и заключить в тюрьму графа де Жуани, притеснявшего королевского горожанина.

Одна женщина из Понтуаза, из рода Пьерлей, была схвачена королевскими сержантами, поскольку она велела убить своего мужа человеку, к которому питала порочную страсть. Она созналась в этом и была осуждена по законам того времени к сожжению. Королева, графиня де Пуатье и другие дамы, доминиканцы и францисканцы умоляли, чтобы ее пощадили, ибо она выказывала великое раскаяние. И кроме того, друзья и кузины названной дамы просили, если ей суждено умереть, то, по крайней мере, привести приговор в исполнение не в Понтуазе, «И тогда благословенный король спросил знатного и мудрого человека, монсеньора Симона де Неля, каково его мнение; и монсеньор ответил, что правосудие, которое вершат публично, является благим делом. И после этого благословенный король приказал, чтобы названную женщину сожгли в замке Понтуаза...» Симон де Нель имел право сам судить в своем домене. Сеньоры из его владения попросили у него разрешения вершить правосудие тайно, чтобы избежать скандала. Симон не захотел сам дать ответ; он поговорил об этом с королем. «И благословенный король ответил ему, что он никоим образом не дозволяет подобные вещи, ибо ему угодно, чтобы всякое правосудие над злоумышленниками вершилось во всем королевстве открыто и перед народом, и никакой суд не должен проходить в тайне».

Порой жалобщики оставались недовольны. Такой была старая женщина по имени Саретта, о которой говорит Гийом де Сен-Патю. Когда король спускался по дворцовой лестнице, она резко сказала ему: «Тебе ли быть королем Франции! Уж лучше было бы иметь другого короля, нежели ты; ведь ты король лишь доминиканцев и францисканцев, священников и клириков. Какая жалость, что ты король Франции, и чудо, что тебя до сих пор не вышвырнули из королевства». И поскольку сержанты благословенного короля хотели побить ее и вытолкать вон, король приказал, чтобы они ее не трогали. И когда он ее внимательно выслушал, то ответил, улыбаясь: «Конечно, вы говорите правду; я недостойн быть королем. И если бы было угодно Господу нашему, было бы лучше, чтобы

другой человек был королем, а не я, и он сумел бы лучше управлять королевством». И затем благословенный король приказал одному из своих камергеров дать старухе денег».

* * *

Из всех священников король и в самом деле предпочитал доминиканцев и францисканцев. С детства он получал от них советы и привык видеть их при своем дворе. В каждом городе, куда он приезжал, он первым делом посещал их обитель, приветствовал их и просил помолиться за его душу. Он поручал им благотворительные, дипломатические или административные миссии, приглашал за свой стол и любил проявлять по отношению к ним щедрость.

Он был знаком со святым Фомой Аквинским, о чем свидетельствует биограф Фомы. Их встреча на обеде у короля, ставшая знаменитой, имела место, несомненно, между 1255 и 1260 г., когда святой Фома преподавал в Париже. О ней нам поведал Гийом Токко, и нет оснований считать его рассказ выдумкой: «Однажды Людовик Святой, король Франции, пригласил святого доктора к своему столу. Последний отговорился скромными извинениями, ибо в тот момент был слишком занят работой над "Summa theologica". Но уступив королю и просьбам парижских братьев, он оставил свою работу и отправился во дворец, всецело поглощенный, однако, сюжетом, занимавшим его в келье. Вдруг во время обеда его внезапно озарило вдохновение, и он, ударив по столу, воскликнул: "Вот тезис против манихейской ереси!" Приор коснулся его и сказал: "Поодумайтесь, мэтр, вы за столом короля Франции" и потянул его сильно за плащ, дабы вывести из задумчивости. Святой доктор, придя в себя, склонился перед королем и попросил его простить за подобную рассеянность за королевским столом. Но святой король, напротив, оказался переполнен восхищения. Он даже изволил позаботиться, чтобы мысль, посетившая в сей момент доктора, не была забыта. Он велел позвать одного из своих секретарей с тем, чтобы немедленно ее записать». Святой Бонавентура, магистр в Париже с 1253 г. и генеральный магистр францисканцев с 1257 г., часто проповедовал перед королем и королевой. Возможно, что именно он утешал королевскую чету, когда в 1260 г. скончался их старший сын.

Людовик никогда не обделял своими щедротами монашеские ордены. «Обычно, — пишет Гийом де Сен-Патю, — святой король, появляясь в каком-либо городе или месте, где пребывали братья францисканцы либо доминиканцы, велел давать им в этот день и в следующий хлеб, вино, пару блюд и выдавать все, что им положено. И потом, поскольку более всего братья нуждались в деньгах, чтобы покупать еду, святой король приказывал выдавать им деньги из казны. Впрочем, всякий раз, когда он прибывал в Париж, он повелевал выплачивать крупные суммы францисканцам и доминиканцам и всем прочим монахам Парижа, не имевшим владений, так, чтобы каждый получал по 18 денье. И он повелевал им выплачивать эту сумму, даже когда уезжал на день в Венсенский лес или Сен-Дени». Кроме того, король приказал, чтобы во всех местах, где он останавливался, держали накрытыми столы для бедных монахов или монахинь, находившихся поблизости. Он увеличивал размер даров с наступлением поста, приказывая покупать каждый год шестьдесят тысяч селедок, чтобы распределять их по различным монастырским обителям; с наступлением зимы он приказывал раздавать таким же образом шубы, шапки, одежду из плотной шерсти.

Людовик Святой велел выдать францисканцам строевой лес, чтобы они могли построить церковь и клуатр в своем монастыре в Париже, а доминиканцам — лес на строительство дортуара и трапезной монастыря святого Иакова. Он доверил монахам из этих обителей воспитание своих сыновей, родившихся на Святой земле: Жана Тристана —

доминиканцам, Пьера — францисканцам, в надежде, что они примут постриг (чего, впрочем, не случилось). В 1257 г. король основал монастырь доминиканцев в Компьене, на который потратил значительные суммы, и любил посещать его частным образом; в 1234 г. вместе с архиепископом Эдом Риго он основал в 1263 г. обитель в Канне.

В Париже Людовик распорядился построить на свои средства большую часть монастыря, где поселил кармелитов, привезенных из-за моря; в 1254 г. он основал обитель Вовер; в 1264 г. — монастырь бегинок в порте Барбе. В Санлисе он построил рядом со своим дворцом церковь для монахов из Агона, посвященную святому Маврикию. В Фонтенбло в 1259 г. он построил церковь и дом тринитариев, которые с этого времени должны были служить в дворцовой часовне. Кроме того, он участвовал в постройке или одарил большое число других монастырей и церквей.

Но больше всего Людовик Святой любил аббатство Руаймон. Он велел возвести лоджии в большом дворе (они еще существовали в XVII веке), куда он приходил провести время. Многие его королевские акты составлены именно в этом аббатстве. Кроме того, в дортуаре была комната, со специальной лестницей, по которой он поднимался, чтобы присутствовать на ночной службе. Он всегда посещал больных в монастырской больнице, призывая их к терпению, и повелел выстроить зал, чтобы принимать иноземных больных. По монастырской традиции он обычно молился в церкви, подле алтаря святой Агнессы, который позднее получил его имя. Число монахов в Руаймоне колебалось между двадцатью и ста сорокью, послушников же было около сорока; в 1258 г. Людовик Святой увеличил доходы монастыря. Он был так щедр, что Генеральный капитул в 1263 г. нашел церковь слишком перегруженной живописью, скульптурами, драпировкой, колоннами вокруг центрального алтаря и приказал убрать эти украшения, не касаясь, тем не менее, надгробий на могилах принцев, сыновей Людовика Святого, которых он приказал там похоронить.

24 декабря 1254 г. в первый канун Рождества после возвращения из-за моря Людовик Святой гостил в своем любимом Руаймоне. «И порядок в аббатстве таков, — пишет Гийом де Сен-Патю, — что в сей час аббат и монахи, которые могут туда прийти, собираются капитулом, и один монах, став посреди собрания, произносит среди прочих следующие слова: "Иисус Христос, Сын Божий, родился в Вифлееме в Иудее". И когда он произносит это, аббат и монахи падают ниц на землю и лежат молясь, покуда аббат не встанет. И благословенный Людовик Святой приходил в этот час в капитул и садился подле аббата до произнесения названных слов, и когда они произносились, он кидался на землю, распростершись так же набожно и смиренно, как аббат и другие монахи, и молясь, он оставался недвижим, покуда аббат не давал знак подняться, и лишь тогда он вставал".

Однажды он приехал в Руаймон в канун праздника святого Михаила и провел там ночь. Когда монахи встали, чтобы творить утреннюю молитву, капелланы короля уже почти закончили свою. «И, — продолжает Сен-Патю, — когда зазвонили к заутрене в церкви и произнесли "Venite exultemus", благословенный король вступил в ярко освещенную церковь и прошел на хоры, на скамью аббата, возле которого и уселся, и оставался там всю заутреню монахов, в которой, говорят, было 18 псалмов, 12 уроков и 12 ответов, и "Te Deum laudamus", и Евангелие. И когда пели ответы, благословенный король встал со скамьи, взял свечу, пошел к книге и принялся ее читать. И после того, как заутреня закончилась, поскольку начинались часы отправления перед обедней, благословенный король сказал аббату, что хотел бы немного отдохнуть, ибо ему нужно было ехать этим утром в Париж, и удалился в свою комнату. Но после того, как часы перед обедней были отслужены, он вернулся в церковь и прослушал мессу, потом поскакал в Париж, ибо на

следующий день, в праздник святого Михаила, он привык проводить богослужение и праздник Святых Реликвий в Париже».

Когда Людовик посещал больных в Руаймоне, то приказывал ухаживать за ними своим собственным лекарям и доставал им лекарства. Там был один монах по имени брат Лежер, пораженный проказой и поэтому живший отдельно от всех; он ослеп, болезнь разъела ему нос и губы, и вид его вызывал отвращение. Однажды в воскресенье, в праздник святого Ремигия, король прибыл в Руаймон в сопровождении графа Фландрского и многих других дворян и, когда месса была отслужена, отправился посетить прокаженного в его домишке. Аббату пришлось пойти вместе с ним. Они нашли больного, который ел кусок свинины. Король поприветствовал его и стал перед ним на колени, а затем начал, стоя на коленях, резать перед ним мясо ножом, который он нашел на столе больного. И нарезав мясо на куски, он клал их в рот больного, который принимал их из рук благословенного короля и ел. И под конец, когда святой король стоял так на коленях перед прокаженным, а названный аббат также стоял на коленях из уважения к святому королю, хоть и был сильно напуган, благословенный король спросил прокаженного, хотел бы он поесть курицу или куропатку, и тот ответил согласием. Тогда святой король приказал позвать одного из монахов, надзиравшего за больным, и приказал ему привезти кур и куропаток со своей кухни, довольно далеко находившейся от этого места. И покуда монах ездил на указанную кухню за двумя курами и тремя куропатками, король все так и стоял на коленях перед больным, равно как и аббат. Когда монах привез еду, святой король спросил прокаженного, что он желает есть — кур или куропаток, и тот ответил, что куропаток. И благословенный король спросил его, посолить ли еду. Затем он оторвал крылья куропатки и посолил их и положил в рот больного. Но губы больного растрескались, как мы упоминали, и стали кровоточить из-за соли, проникавшей в раны, и кровь потекла по его подбородку. Поэтому больной сказал, что соль причиняет ему боль. Благочестивый король взял тогда и убрал кусочки соли, чтобы они не забивались в раны больного. И потом благочестивый король приободрил больного и сказал ему, чтобы он переносил с великим терпением эту болезнь, ибо для него она является чистилищем в этом мире. Король часто приезжал навещать прокаженного, предлагая при случае ему пищу и извиняясь за свою неловкость, когда слишком пересаливал блюда. Проказа тогда была, пожалуй, самой страшной болезнью; так что эти акты милосердия поражали воображение современников; впоследствии эту сцену изобразили на стенах Сен-Ша-пели и в монастыре францисканцев в Лурсине, равно как и на одном из витражей в Сен-Дени.

И еще Сен-Патю поведал нам, как король поцеловал прокаженного: «Однажды в святую пятницу король находился в замке Компьень; он обошел как паломник, босой, церкви этого замка, идя как обычно, а его сержанты следовали за ними с деньгами в руках, кои они передавали королю, чтобы он подавал бедным. И благословенный король сам брал эти деньги и раздавал беднякам — одним больше, другим меньше, судя по тому, насколько они, на его взгляд, нуждались. И когда благословенный король шел таким образом по улице, один прокаженный, который едва мог говорить, стоя другой стороне дороги, громко зазвонил в свой колокольчик. И заметив этого прокаженного, король перешел на его сторону и поставил ногу в грязную и холодную воду, что была посреди улицы, ибо иначе он не мог перейти ее, и подошел к упомянутому прокаженному, подал ему милостыню и поцеловал ему руку. И среди тех, кто был рядом с королем, началась давка, и многие осеняли себя крестом и говорили друг другу: "Посмотрите, король поцеловал руку прокаженному"».

Порывы милосердия, свойственные Людовику Святому, хотя и не всегда отличались «героизмом», все же были замечательны. «Однажды король шел по городу Шатонейф-сюр-Луар, — рассказывает Гийом де Сен-Патю, — и у входа в замок бедная старушка,

стоявшая у дверей своей лачуги с куском хлеба в руке, сказала благочестивому королю следующие слова: "Добрый король, этот хлеб, что из твоей милостыни, поддержал моего мужа, который лежит больной". И тогда король взял хлеб в руку и сказал: "Это очень черствый хлеб", а узнав, что больной находился в лачуге, он пошел посетить его».

Людовик всегда был очень щедр, но знал чувство меры и старался, чтобы каждый получил от него то, в чем действительно нуждался. Так же он вел себя с сеньорами — рассудительно, но без расточительства. Подобная осмотрительность сильно отличалась от поведения английского короля, который раздаривал свои средства на праздники как милостыню.

По словам Жуанвиля, везде, куда приезжал король, существовал обычай, что 120 бедняков принимались в его доме и получали хлеб, вино, мясо и рыбу каждый день. Во время Великого поста или Рождественского поста количество принимаемых в доме бедняков возрастало. «И много раз случалось, что король сам прислуживал им, и ставил пищу перед ними, и нарезал мясо им, и давал им денье из собственных рук, когда они уходили». Накануне торжественных праздников, прежде чем самому поесть или выпить, он прислуживал этим беднякам сам. Кроме того, каждый день подле него обедали и ужинали старики и калеки, и он приказывал давать им яства, которые ел сам. Гийом де Сен-Патю добавляет, что ради умерщвления плоти король доедал за грязными нищими. В святой четверг, а часто и в святую пятницу в течение года, чтобы подражать Господу, он омывал ноги тринадцати беднякам и настаивал, чтобы старший сын следовал его примеру. Он дал Жу-анвилю совет поступать так же из любви к Христу.

Каждый год король отправлялся в три-четыре места, слывших самыми бедными в его домене, вроде Пуизьеан-Гатине, чтобы творить там большую милостыню и раздавать продукты, которых беднякам хватало на многие месяцы. Он явил большую щедрость в провинциях Берри и Гатине, куда не мог часто приезжать. В голодный год он направил в Нормандию значительные суммы своим служащим, приказав, чтобы их распределили между голодавшими. Он не забывал «застенчивых» бедняков — нищих студентов, вдов дворян, погибших в крестовом походе, брошенных детей, девушек на выданье, не имевших приданого. Некоторым король предлагал вступить в аббатство Понтуаэ или какое-нибудь другое; если они отказывались, Людовик выдавал им 20, 50 или 100 ливров приданого. Кроме того, добавляет Жуанвиль, каждый день король подавал милостыню бедным дворянам, беременным женщинам, обедневшим ремесленникам, которые по причине старости или болезни не могли заниматься своей профессией.

Не в меньшей степени король заботился о больных и калеках. Он велел построить богадельни в Париже, Понтуаэ, Компьене и Верноне и дал им большие ренты. Там он посещал больных. Гийом де Сен-Патю привел еще несколько поучительных эпизодов. Людовик Святой находился в Компьене, когда в новой богадельне умер первый больной; он пожелал лично похоронить его и вместе со своим зятем Тибо, королем Наваррским, вынес тело покойного на шелковой ткани. Затем король и его сын Филипп внесли второго больного в лекарню и уложили его на постель. Когда скончался еще один пациент, король пришел, чтобы поприсутствовать на заупокойной мессе со своими сыновьями Людовиком и Филиппом, затем тело торжественно было перенесено на кладбище, «дабы те, кто увидят, как его несут по городу, сотворили молитвы за душу усопшего, немало возвышающегося таким образом». В богадельне Вернона он собственноручно готовил обеды для больных и велел доставлять им мясо, приготовленное его поварами. Однажды некий капризный больной заявил, что не будет есть, пока его не обслужит сам король — и Людовик стал кормить его из собственных рук. В Компьене он кормил больного с

отвратительными струпами на лице. Точно так же король посещал богадельни в Париже, Реймсе и Орлеане.

* * *

Вернувшись во Францию, Людовик Святой решил объехать королевство, начав с посещения Пикардии и Орлеанэ; он распределил раздачу милостыни. Английский король, который только что женил своего сына на принцессе Алиеноре Кастильской, попросил у Людовика Святого дозволения проехать по Франции на обратном пути из Испании: Людовик ответил согласием. Тогда Генрих III посетил родовую усыпальницу Плантагенетов в Фонтевро. Людовик Святой встретил его в Орлеане 20 ноября 1254 г.; оттуда король Англии отправился в Понтиньи помолиться на могиле святого Эдма, епископа Кентерберийского, бежавшего во Францию в 1240 г. Затем Генрих III посетил собор Шартрской Богоматери, после чего провел неделю в Париже. Людовик проводил его до дороги на Булонь, откуда Генрих отплыл в Англию.

В апреле 1255 г. Людовик Святой выдал свою любимицу, старшую дочь Изабеллу, замуж (хотя ему хотелось бы, чтобы она стала монахиней) за молодого Тибо, короля Наваррского, сына того самого графа Шампанского, который был другом Бланки Кастильской. Церемония состоялась в Мелене. Принцессе было тринадцать лет; ее мужа король отныне считал одним из своих сыновей. В том же году Людовик Святой повелел своему старшему сыну, Людовику, которому исполнилось всего двенадцать лет, жениться на юной Беренгари Кастильской, сестре принцессы, которая стала женой Эдуарда, сына английского короля. Так что два будущих государя стали свояками, подобно Людовику Святому и Генриху III; план изоляции Франции, который Генрих замыслил, когда женил сына на испанской принцессе, обернулся миром между двумя королевствами.

Еще в 1255 г. Людовик Святой просил Папу, чтобы тот повелел всем его подданным молиться за его душу. Ле Нен де Тиллемон полагает, что именно тогда он задумал стать монахом и с нетерпением дожидался, когда его старший сын повзрослеет настолько, что будет готов править самостоятельно. Он якобы говорил об этом с королевой, прося никому ничего не сообщать; королева попыталась отговорить его от этого шага. Видя, что ей это не удастся, она послала за детьми и графом Анжуйским. Граф в ярости якобы заявил, что более не потерпит проповедей якобинцев, и потребовал, чтобы им ничего больше не давали. Об его намерении дошли слухи даже до Лотарингии. Рассказ францисканца Гийома де Сен-Патю, исповедника королевы Маргариты, менее драматичен: «...за много лет до своей кончины, желая достигнуть наибольшего совершенства, он твердо, с набожным сердцем, предложил, что когда его старший сын достигнет нужного возраста и королева, его мать, согласится, он уйдет в монастырь. И поскольку он поведал о своем намерении по секрету королеве, приказав, чтобы она никому ничего не говорила, та привела ему все доводы против этого решения и не соглашалась, чтобы он стал монахом. "Господу, который все устраивает к лучшему, было угодно, чтобы король, как и прежде, хранил королевство в мире и трудился на благо королевства и Святой Церкви". Жоффруа де Болье, доминиканец и исповедник короля, просто сообщает, что Людовик говорил, что если королева умрет раньше него, он станет священником. Согласно появившейся позже традиции, Людовик Святой якобы хотел стать доминиканцем или францисканцем. Если это было правдой, маловероятно, чтобы Жоффруа де Болье или Гийом де Сен-Патю обошли молчанием эту важную для них деталь. Часть их Орденов уже была замечательной; но цистерцианцы также хотели бы приобщиться к пламенной дружбе, которую Людовик выказывал тем. Не будем гадать, монахом какого именно Ордена собирался стать король; возможно, что ко времени разговора с королевой он еще не принял решения по этому вопросу.

Последний сын Людовика Святого, Робер, родился в 1256 г. Его крестил святой Филипп, епископ Буржский, а над купелью держал его по просьбе короля достопочтенный Умберто Романский, генерал Ордена доминиканцев. Он был родоначальником королевской Династии Бурбонов. После него у короля была еще дочь, принцесса Агнесса, и возможно, еще сын, который не выжил и вроде бы получил имя Филипп.

* * *

Разделять и властвовать, ослаблять своих противников, натравливая одних на других, — вечное правило политиков, верящих, что все погибнет, если они начнут почитать даже не милосердие и правосудие, но следовать морали, причем самой примитивной. Однако Людовику Святому удалось доказать обратное. «Когда до короля, — говорит Гийом де Сен-Патю, — доходили слухи, что между какими-то знатными людьми ведется война за пределами его королевства, он посылал к ним послов, чтобы их помирить, но не без великих затрат». А Жоффруа де Болье пишет: «Когда добрый король узнавал, что у него есть какой-то враг или тайный завистник, он их милостиво призывал к себе и привлекал щедростью, землями и помощью, когда они в ней нуждались; и поскольку сии пути и дела были угодны Господу, то если ему и случалось иметь каких-то врагов, он их привлекал к миру и согласию. Он умел столь мудро действовать, относясь законно, щедро и сострадательно ко всем, что заслуживал всеобщего почтения и любви. И как говорится в Писании; "Милосердие и истина охраняют королей, щедрость укрепляет королевство", так и Франция была хранима и оберегаема во времена Людовика Святого и блистала среди прочих других королевств, как солнце, распространяющее повсюду свои лучи".

Жуанвиль добавляет: «А по поводу тех иноземцев, которых помирил король, кое-кто из его совета говорил, что он нехорошо поступил, не дозволив им воевать; ибо если бы он позволил им сильно обеднеть, они, разбогатев (в мирное время), не напали бы на него. И на это король отвечал, что они говорят дурно: "Ибо если соседние государи увидят, что я им позволяю воевать, то могут договориться между собой и сказать: "Это из-за своей злонамеренности король позволяет нам воевать". Тогда может случиться, что из-за ненависти, которую они возымеют против меня, они набросятся на меня, и я могу много потерять, не считая того, что вызову этим гнев Господа, сказавшего: "Благословенны миротворцы". И случилось, что бургундцы и лотарингцы, которых он помирил, любили и повиновались ему так, что выносили на суд короля тяжбы, которые вели между собой, — в королевскую курию в Реймс, Париж и Орлеан».

Людовик, возвратившись из Святой земли, постарался помирить детей графини Фландрской, и это ему удалось. Также он улаживает распрю герцога Бретонского с юным Тибо, сыном графа Шампанского, из-за Наваррского трона; потом мирит графа Шалонского с его сыном, графом Бургундским, графа Люксембургского — с графом де Бар, а графа де Бара — с герцогом Лотарингским.

В 1258 г. Людовик Святой запретил частные войны, которые сеньоры могли вести меж собой по феодальному праву; он учредил «40 дней короля» — обязательное перемирие на 40 дней, в течение которых оскорбленный сеньор должен был ждать, прежде чем взяться за оружие; король запретил практиковать поджоги, нападать на крестьян и воевать там, где он обладает правом высшей юрисдикции. В 1265 г. он запретил частным лицам носить оружие.

В 1258 г. король женил своего второго сына, Филиппа (который наследует ему на троне), на Изабелле Арагонской. Мать этой принцессы была сестрой святой Елизаветы Венгерской. Филиппу тогда исполнилось 13 лет.

Но именно в английской политике Людовик Святой дал самые поразительные доказательства своего стремления к миру. Визит, нанесенный Генрихом III в Париж, имел продолжение; в 1255 г. король Англии прислал Симона де Монфора в Париж, чтобы заключить новое перемирие сроком на 3 года. В 1257 г. Ричард, брат английского короля, был провозглашен Римским королем на Франкфуртском рейхстаге. Ввиду возможного союза Священной Римской империи с Англией, Людовик Святой немедленно отбыл в пограничные регионы своего королевства, в частности, в Нормандию. Однако Генрих III потребовал от французского короля вернуть Нормандию, а его брат Ричард — Пуату. Людовик Святой отказал послам очень мягко, а вот его братья и бароны оскорбляли их и смеялись над ними.

Безусловно, Людовик Святой мог бы использовать в своих интересах те трудности, с которыми столкнулся Генрих III в Англии. Английский король восстановил против себя знать, осыпав милостями пуатевинцев и провансальцев, стекавшихся к его двору; он вызвал недовольство народа, обложив его налогами, чтобы оплатить свои войны на континенте. Симон де Монфор стал во главе недовольных, которые в 1258 г. навязали Генриху III Оксфордские провизии: комиссия из двадцати четырех человек, половину из которых назначал король, половину — бароны, должна была провести реформы в государстве. Комиссия постановила, что парламент будет собираться три раза в год. Таким образом, бароны отчасти присвоили себе королевские prerogatives. Но Генрих III, воззвав к Людовику Святому, смог, тем не менее, заменить трехгодичное перемирие на выгодный мир.

Людовик Святой полагал, что у Филиппа Августа были все основания, чтобы конфисковать провинции короля Иоанна. Но сын Иоанна был невиновен. Людовику казалось, что не вернуть ему наследство его отца было в чем-то несправедливо. У его совета было иное мнение. Однако в интересах мира французский король решил вернуть Генриху III Перигор, Лимузен, Керси, часть Сентонжа и Аженуа. Но зато англичане окончательно теряли все свои права на Нормандию, Мэн, Анжу, Турень, графство Пуатье или на какую-либо иную часть Франции. Наконец, Генрих приносил оммаж французскому королю не только за возвращенные ему земли, но и за те, которыми по-прежнему владел в королевстве: отныне он должен был править ими как пэр Франции и герцог Аквитании. Между королями и их наследниками установился мир. Города же, принадлежащие английскому королю на континенте, должны восстать против него, если он нарушит договор.

«Сир, — по словам Жуанвиля, говорили бароны королю, — мы очень удивлены вашим решением отдать английскому королю столь большую часть своей земли, кою вы и ваш предшественник завоевали у него за его злодеяния. Нам кажется, что если вы признаете, что не имеете на них права, то это не будет справедливо по отношению к королю Англии — ведь тогда вы ему должны отдать все, что было завоевано вами и вашими предками; а если вы признаете, что имеете на них право, то нам кажется, что вы потеряете то, что ему передадите.

На это святой король отвечал: "Сеньоры, я уверен, что у предшественников английского короля земли, что теперь я держу, были отвоеваны по праву: и землю, которую я ему даю, я даю не как его владение, которое я держал бы от его предков или их наследников, но чтобы установить крепкую любовь между нашими детьми, которые являются кузенами. И

мне кажется, что то, что я ему даю, я использую хорошо, потому что он не был моим вассалом, а теперь принес оммаж».

Современные историки осуждают Людовика Святого, считая этот договор очень серьезной ошибкой, потому что он порывал с традиционной политикой Капетингов и разом разрушал многолетние усилия по созданию единства нации. Однако наилучшее доказательство того, что договор 1258 г. был выгоден Франции, представили английские бароны, которые были возмущены и считали его позорным; оммаж, принесенный французскому королю, отчасти способствовал восстанию графа Лестера, который, чуть позже, низложил Генриха III. Людовик Святой считал англичан такими чистосердечными, справедливыми и миролюбивыми, как и он сам; он доверял феодальным связям, которые в его время еще не утратили своей силы.

На праздник святого Мартина 1259 г. Генрих III прибыл во Францию, чтобы принести Людовику Святому оммаж согласно договору. Его приняли в Париже и в Сен-Дени с великими почестями, и он гостил там больше месяца. Он принес оммаж французскому королю 4 декабря в дворцовом саду, перед многочисленным собранием епископов и баронов из обоих королевств.

Генрих III был на пути в Англию, когда умер старший сын Людовика Святого. Ему было всего лишь 16 лет, но на него уже возлагали большие надежды, ибо он был храбр, отважен и очарователен. Людовик Святой вложил много забот в его образование; в Фонтенбло в апреле 1258 г. именно к нему король обратился со словами, которые до нас донес Жуанвиль: «Дорогой сын, я прошу тебя любить народ своего королевства, ибо воистину я предпочел бы, чтобы явился из Шотландии шотландец и управлял народом королевства хорошо и законно, нежели ты на виду у всех управлял плохо».

Узнав о смерти принца Людовика, английский король вернулся и пожелал присутствовать на похоронах, состоявшихся в Сен-Дени, и нести гроб вместе с главными французскими баронами. Юный принц был похоронен в аббатстве Руаймон 13 января 1260 г.

Наследником трона стал Филипп, которому исполнилось 15 лет. Несомненно, именно тогда королева Маргарита, зная о желании короля стать монахом, возмечтала о регентстве и предприняла первые шаги в этом направлении. В большой тайне она велела подписать своему сыну торжественное обязательство, где он клялся, что останется под ее опекой, пока ему не исполнится 30 лет; не возьмет никакого советника, враждебного ей; не заключит никакого союза с Карлом Анжуйским; раскроет ей все, что могло бы замышляться против нее.

Маргарита Прованская ссорилась со своим деверем Карлом Анжуйским из-за прованского наследства, и Людовик Святой тщетно пытался их помирить. Королева была страстной натурой, которая смешивала личные интересы и пристрастия с государственными делами: она ненавидела свою сестру Беатрису, жену Карла Анжуйского, и любила сестру Алиенору, английскую королеву. Она интриговала в пользу Алиеноры перед своим деверем, Альфонсом де Пуатье, не понимая, что французские и английские интересы не совпадают и что следует, наоборот, поддерживать хорошие отношения с провансальцами.

Булла Папы Урбана IV от 6 июля 1263 г. (возможно, изданная по просьбе Людовика Святого) освободила юного принца от опрометчивой клятвы. С 1261 г. в двух ордонансах Людовик Святой упорядочил и ограничил расходы королевы и запретил ей давать какие-либо приказания судебным чиновникам, подчинять чиновников своей власти, принимать кого-нибудь на службу к себе или к своим детям без разрешения короля.

В 1259 г. Людовик Святой вынес знаменитый судебный приговор могущественному сеньору Ангеррану де Куси, по приказу которого были повешены трое молодых невиновных дворян. Они были фламандцами и проживали в бенедектинском аббатстве Сен-Николя-о-Буа, в трех лье от Лана, где изучали французский язык и литературу. Однажды они прогуливались в лесу аббатства и охотились на кроликов; в погоне за ними они забрели в леса Ангеррана де Куси. Они не знали, где находятся, и не поняли, почему стражники сеньора схватили их и бросили в темницу. В гневе сир де Куси приказал повесить пойманных без суда. Аббат и семьи погибших пожаловались королю, который вызвал Ангеррана в Париж; тот приехал, но потребовал, чтобы его судили пэры. Король велел посадить его в темницу Лувра, что в глазах современников было неслыханной смелостью.

Бароны — родственники и друзья сеньора де Куси — потребовали его освобождения. Они предстали перед королем в сопровождении короля Наваррского Тибо V, герцога Бургундского, графа де Бара, графа Суассон-ского, графа Бретонского, графа Блуа, графа Шампанского, Фомы де Боме, архиепископа Реймского, Жана де Туротта, кастеляна Нуайона «и также других баронов королевства». Гийом де Сен-Патю, поведавший нам об этой сцене, продолжает: «Под конец партия монсеньора де Куси заявила благословенному королю, что он [Ангерран] хочет посоветоваться. И когда он [Ангерран] удалился и с ним все эти благородные люди, названные выше, остался благословенный король совершенно один со своими близкими. После долгого совета они предстали перед благословенным королем, и Жан де Туротт заявил, что названный сеньор Ангерран не должен был прибегать к расследованию в подобном случае, ибо оно коснулось его особы, чести и наследства, и что он готов защищаться на поединке и полностью отрицает, что он вешал или отдавал приказ повесить указанных юношей. А названный аббат и женщины стояли по другую сторону короля, взывая к правосудию. И когда благословенный король услышал ловкий совет, что подали сеньору Ангеррану, он ответил, что в случае бедняков, церковей и лиц, к коим должно иметь сострадание, дело нельзя разрешить поединком; ибо им нелегко найти кого-либо, кто осмелился бы сражаться против баронов королевства. И сказал, что не будет вводить новшество, ибо некогда его предки в подобных случаях поступали так же. И еще благословенный король напомнил, что монсеньор Филипп, король Франции, его дед, когда монсеньор Жан де Сюлли, живший в те времена, совершил убийство, как говорили, велел произвести дознание и продержал его в замке Сюлли больше двенадцати лет; а ведь указанный замок не принадлежал королю, но его владелец держал его от церкви Орлеана. Поэтому благословенный король велел своим сержантам немедленно схватить монсеньора Ангеррана, препроводить в Лувр и держать и охранять его там. И он так и поступил, хотя многие просили благословенного короля за сеньора де Куси, но святой король не пожелал слушать их мольбы. После чего благословенный король встал со своего трона, а названные бароны отбыли изумленные и смущенные. И в этот самый день граф Бретонский сказал благословенному королю, что не следовало бы поощрять, чтобы против баронов королевства проводились дознания, затрагивающие их лично, их имущество и честь. И благословенный король ответил графу: "Вы не говорили об этом в прошлом, когда бароны, бывшие вашими вассалами, не имея иного средства, открыто приносили нам свои жалобы на вас самих и в некоторых случаях предлагали доказать свою правоту поединком с вами. Тогда вы пред нами ответили, что должны идти в подобном деле не путем сражения, но дознания, и сказали еще, что поединок не годится для того, чтобы установить справедливость". И затем благословенный король сказал, что не позволит — ни в силу знатности рода мессира Ангеррана, ни ради могущества кого-либо из его друзей — помешать правосудию. И под

конец благословенный король по совету своих приближенных приговорил названного монсеньора Ангеррана к штрафу в размере 12 тысяч парижских ливров, каковую сумму он отослал в Акру, чтобы потратить на нужды Святой земли. Он повелел также конфисковать лес, где были повешены юноши, и передать его аббатству Сен-Николя. Кроме того, сеньор де Куси должен был построить три часовенки, где бы постоянно молились за души повешенных. И еще лишил его права высшей судебной власти над лесами и рыбными прудами, так что с этого времени он не мог никого ни посадить в тюрьму, ни осудить на смерть за какой-либо подобный поступок».

Говорили, что на деньги штрафа, который уплатил Ангерран де Куси, была восстановлена понтуазская богадельня и построены школы и дортуары доминиканцев и францисканцев в Париже, которые получили наказ творить молитвы за трех молодых сеньоров. Людовик Святой не забыл этих бедных умерших, о которых, говорят, обычно никто не вспоминает. Помимо всего сир де Куси пришлось обещать, что он уедет сражаться на три года в Святую землю.

После этого суда Жан де Туротт заявил баронам, что король эдак перевешивает всех своих сеньоров. Эти слова передали Людовику Святому, который вызвал болтуна. Тот опустился на колени перед королем, спросившим его: «Как же это, Жан? Вы говорите, что я заставлю повесить моих баронов? Конечно, я не велю их вешать, но буду наказывать, если они будут злочинствовать». И Жан ответил: «Сир, тот, кто вам повторил сии слова, которые я никогда не произносил, недолголюбивает меня». И он предложил принести клятву, которую засвидетельствуют двадцать или тридцать рыцарей. И король его простил.

* * *

Английские сеньоры, недовольные Генрихом III, задумали мятеж; они стремились к союзу с Людовиком Святым, но тот всегда поддерживал короля Генриха; он помирил принца Эдуарда с его отцом. Генрих III прибыл искать убежища во Франции и доверил королеве Маргарите драгоценности короны. Вне сомнения, Людовик Святой посоветовал ему вести себя сдержанно, ибо по возвращению в Англию он утвердил Оксфордские провизии к удовольствию баронов. Но мир продлился недолго; в 1262 г. Генрих переправил свою казну во Францию. Вскоре он попал во власть баронов вместе с королевой с сыном Эдуардом. Тщетно пытался Людовик Святой примирить обе партии: он встречался с королем, королевой, Симоном де Монфором, графом Лестерским, вождем мятежников в 1263 г., в Булони. Несмотря на вмешательство папского легата, обе партии готовились к гражданской войне. Вмешательство епископов Англии и Франции приостановило начало борьбы, и противники решили подчиниться арбитражу французского короля. Это было самое прекрасное признание его справедливости, которое значило куда больше, чем все оммажи, принесенные ему его старыми врагами. Он созвал противников 13 января 1264 г. в Амьен. Туда прибыли Генрих III и многие английские сеньоры; один лишь Лестер отсутствовал. Людовик Святой полагал, что Оксфордские провизии подрывают королевскую власть и феодальное право; поэтому он их отверг. Этот приговор был утвержден Папой, но бароны его не приняли.

Войско Лестера атаковало короля Генриха III близ Люиса. Бароны одержали победу: они взяли в плен короля, его брата Ричарда и его сына Эдуарда. Собравшийся в Лондоне парламент передал власть от имени короля графам Лестеру и Глостеру, а также епископу Чичестеру. Легат Ги Фулькоди, архиепископ Нарбонны и старый советник Людовика Святого, отказался признать подобное положение вещей. Папа Урбан IV тогда умер, но английские бароны ничего от этого не выиграли, ибо Папой был избран Ги Фулькоди,

принявший имя Клементя IV. Королева Алиенора Английская находилась во Франции, где с помощью своей сестры Маргариты прилагала все усилия к тому, чтобы освободить Генриха III, организовав вооруженную интервенцию. В это время между английскими баронами возникли распри. Принц Эдуард бежал и возглавил сторонников короля, которые разбили отряды Лестера близ Извена; в этом сражении граф Лестер и его старший сын были убиты. Так Генрих III снова обрел корону.

* * *

После смерти Фридриха II власть в Италии захватил его сын Манфред. Папа, видя, что кольцо врагов вокруг него снова сжимается, передал Неаполитанскую корону королю Франции для одного из его сыновей. Сначала Людовик Святой отказался, но затем поддался на уговоры Урбана IV (француза по происхождению) и разрешил своему брату Карлу Анжуйскому принять королевство в Неаполе, которое оставалось лишь завоевать. Он дал ему войско, позволил взимать десятину на крестовый поход против Манфреда и согласился, чтобы поход проповедовали во Франции.

В 1263 г. Карл Анжуйский с тысячей рыцарями сел на корабль в Марселе, прибыл в Рим, где Папа Клемент IV объявил его королем Неаполя, и начал завоевывать свое королевство. Манфред был убит в битве при Беневенте, в 1266 г. Двумя годами позднее Карл Анжуйский победил молодого Конрада и велел его казнить. Правя с помощью страха, не вникая в советы и примеру своего брата, Карл, сам того не ведая, готовил Сицилийскую вечерню .

Филипп Август заставлял богохульников уплачивать штраф в размере четырех ливров или приказывал погружать в воду, правда, не до смерти. Людовик Святой был более суров. Он никогда не клялся; правда, иногда он говорил: клянусь моим именем, чтобы что-то подчеркнуть, но под конец стал воздерживаться и от этого. Он боялся богохульников. Жуанвиль рассказывает: «Король так почитал Господа и Богородицу, что всех тех, кто говорил о них бесчестные вещи или грязно ругался, повелевал сурово наказывать. Так, я видел, что он велел выставить у лестницы в Кесарее одного золотых дел мастера в штанах и сорочке, повесив ему на шею кишки и потроха свиньи, да в таком количестве, что они доходили ему до носа. Я слышал, когда возвращался из-за моря, что он велел за богохульство прирезать нос и губы одному парижскому горожанину; но я этого не видел. И святой король сказал: "Я согласился бы, чтобы меня заклеили каленым железом, лишь бы все отвратительные богохульники покинули мое королевство"».

По поводу кары, налагаемой на богохульников, Ле Нен де Теллемон, кажется, излагает факты более ясно, без предубеждений и предвзятости. Великий ордонанс 1254 г. ясно запрещал всем подданным короля клясться, а особенно его чиновникам. Ассамблея 10 апреля 1261 г. установила наказание для богохульников. Людовик Святой советовался с легатом о том, как лучше искоренить богохульство; он собирал баронов и прелатов, чтобы изыскать средство против богохульников, потом издал ордонанс, предусматривающий денежные наказания, позорный столб и темницу с постом на хлебе и воде тем, у кого не будет средств заплатить; детей от десяти до четырнадцати лет должны были публично сечь. Но пытки, которые со временем войдут в обычное дело, пока не применялись. Также Людовик Святой заявил, что если встретит какого-либо богохульника, которого следует наказать строже, виновный будет сидеть в тюрьме, куда об этом не будет доложено королю, дабы узнать его волю. Несомненно, парижский горожанин, которому прижгли губы и нос, принадлежал как раз к таким богохульникам. Король, въезжая на коне в Париж, сам слышал, как он сквернословил. Согласно ордонансу четверть штрафа доставалась тем, кто доносил на хулителей, что было далеко не самым удачным решением

проблемы. Впрочем, всех этих мер оказалось недостаточно, и в 1268 г. Папа Климент IV попросил короля еще больше ужесточить меры против богохульников.

* * *

Современные историки не прощают Людовику Святому его отношения к евреям, хотя король питал к ним скорее недоверие, чем ненависть. Его чувство было характерным для средневекового человека. Евреев упрекали в ростовщичестве. Во времена Филиппа Августа они владели большей частью Парижа. В 1182 г. король изгнал их, конфисковав все имущество. Потом разрешил им вернуться. Людовик VIII ордонансом 1223 г. постановил, чтобы с одолженных у них сумм больше не насчитывали проценты, а все долги выплачивали им в девять приемов. Но евреи продолжали взимать процент. В декабре 1230 г. Людовик Святой собрал в Мелене ассамблею и издал ордонанс против евреев и ростовщиков, повторяющий ордонанс Людовика VIII. В 1254 г. он его подтвердил: всем евреям, проживающим во Франции, предписывалось жить трудом или законной торговлей.

В 1257 и 1258 гг. искали жертв ростовщиков, чтобы возместить им понесенный ущерб из конфискованного у евреев имущества. Только древние синагоги и самое необходимое имущество были возвращены евреям. Но эти гонения, которые организовал Людовик Святой, не носили характера религиозного преследования. Правда, в начале своего личного правления он отдал приказ сжечь Талмуд, ибо, без сомнения, не доверял антихристианскому духу ученых евреев и их каббале. Ордонанс 1269 г. предписывал евреям носить кружок из желтой ткани в четыре пальца диаметром, нашив его на одежду.

Король хотел обратить их в христианство и для этого прибегал к помощи клириков. Из счета одного казначейства 1261 г. известно, что 24 крещеных еврея получили каждый по королевской шкатулке с 14 денье. Их нарекли Луи, Луи де Пуасси, или Бланш, ибо король и королева-мать, несомненно, держали обращенных над купелью. Гийом де Сен-Патю сообщает, что в замке Бомон-сюр-Уаз король велел крестить одного еврея, его троих сыновей и дочь; Людовик, его мать и братья были крестными. Это происходило, вероятно, до 1248 г. В счетах 1256 г. есть раздел «Крещеные евреи». Король повелел подбирать брошенных еврейских детей, крестить их и отдавать на воспитание доминиканцам или францисканцам. Один известный еврей принял христианскую веру и был крещен в баптистерии в Сен-Дени в 1269 г., накануне праздника святого Дионисия. Король стал его крестным отцом. На этой торжественной церемонии присутствовали послы Туниса. И Людовик Святой им заявил, что был готов провести остаток своих дней в темницах сарацин, если бы их государь согласился принять христианскую веру со всеми своими подданными.

* * *

В сокровенном исследовании сердца, столь простого и столь великого, столь близкого к нам по тем вещам, которые его вдохновляли, воспоминания о котором уже стерлись за давностью времен, Жуанвиль является самым ценным проводником, потому что он любил Людовика Святого, был ему верным и почтительным другом и одновременно являлся крупным историком, который сумел рассказать все, что видел.

Вот Людовик Святой наедине со своими детьми: «Прежде чем лечь в постель, он велел приводить к себе своих детей и рассказывал им о деяниях добрых королей и императоров, говоря им, что они должны брать пример с этих людей. И он им рассказывал также и о дурных государях, которые своей роскошью, хищениями и алчностью погубили свои

королевства. "И я вам напоминаю сии вещи, — говорил он, — чтобы вы остерегались их, дабы на вас не разгневался Бог". Он велел выучить Часослов собора Богоматери и заставлял их читать его перед собой, чтобы приучить пользоваться Часословами, когда они будут управлять своими землями».

Король доступен, близок, но его уважают, иногда даже чересчур, о чем снова свидетельствует Жуанвиль: «...Король позвал монсеньора Филиппа, своего сына, отца нынешнего короля и короля Тибо, и уселся у входа в свою молельню, и положив руку на землю, сказал: "Садитесь сюда поближе ко мне, чтобы нас не слышали". "Ах, сир, — сказали они, — мы не осмеливаемся сесть столь близко к вам". И он мне сказал: "Сенешаль, садитесь здесь". Я так и поступил и сел так близко, что мое платье касалось его. И он их усадил после меня и сказал им: "Вы воистину плохо поступили, сыновья мои, не выполнив с первого раза то, что я вам приказал; и смотрите, чтобы такого больше не было". И они сказали, что больше не будут так поступать».

Больше всех Людовик любил свою дочь Изабеллу, королеву Наваррскую, которую мечтал отдать в монахини. Она не пожелала принять постриг, но с удовольствием принимала подарки, которые посылал отец. «Благословенный король, — рассказывает Гийом де Сен-Патю, — прислал своей дочери Наваррской две или три шкатулки из слоновой кости, а в этих шкатулках был маленький железный гвоздь, к которому были прикреплены железные цепочки длиной в локоть; эти цепочки были в каждой из этих коробочек, и названная королева Наваррская их собрала и порой била себя, о чем она поведала исповеднику в свой смертный час. И благословенный король прислал еще своей дочери пояс из власяницы, шириною с ладонь мужской руки, которым она иногда опоясывалась, о чем тогда же сказала своему исповеднику. И со всем этим благословенный король прислал названной королеве письмо, написанное собственноручно, где сообщал, что посылает ей с братом Жаном де Моном из Ордена францисканцев (тогда бывшего исповедником этой королевы, а ранее — самого благочестивого короля) плетку, закрытую в каждой из шкатулок, как сказано выше, и просит ее в этом письме, чтобы она часто выбивала этими плетями собственные грехи и грехи своего несчастного отца».

Наставления Людовика Святого своему другу Жуанвиллю не менее интересны. На Кипре он ему советовал добавлять воду в вино: «Ибо если бы я не знал этого в молодости и решил разбавлять его в старости, то получил бы болезнь желудка, да так, что никогда не был бы здоров; а если бы я пил чистое вино в старости, то все вечера был бы пьян, а опьянение — слишком скверная доля для храброго человека».

«Он говорил, что мы должны так твердо верить догматам веры, чтобы ни смерть, ни болезнь не заставили нас пойти против них ни на словах, ни в действии. И он говорил, что Дьявол так коварен, что когда люди умирают, он трудится как может, дабы они умерли в некотором сомнении относительно пунктов веры; ибо он видит, что добрых дел, совершенных людьми, он лишить не может, и видит, что они будут потеряны для него, если умрут в истинной вере. А посему надо остерегаться и опасаться этой ловушки, говоря Врагу, когда он насылает подобное искушение: "Поди прочь; ты не совратишь меня", вот так должно говорить. "И даже если ты мне переломаешь все члены, я хочу жить и умереть в своей вере". И сказав так, сражаться с Врагом оружием и мечами до смерти».

«Однажды он призвал меня и сказал: "Вы так тонко мыслите, что я не осмеливаюсь говорить с вами о вещах, касаемых Бога; и поэтому я призвал сюда этих монахов, потому что хочу задать вам один вопрос". Вопрос был таков: "Сенешаль, что есть Бог?" И я ему ответил: "Сир, это нечто столь прекрасное, что лучше и быть не может". "Воистину, — сказал он, — хорошо сказано; ибо ответ, данный вами, написан в этой книге, которую я

держу в руках". "Так я вас спрашиваю, — продолжал он, — что бы вы предпочли — стать прокаженным или совершить смертный грех?" И я, никогда ему не вравший, сказал, что предпочел бы совершить их тридцать, чем заболеть проказой. Когда монахи удалились, он позвал меня одного, усадил у своих ног и произнес: "Как вы мне давеча сказали?" И я ему повторил. И он мне ответил: "Вы говорите необдуманно и безрассудно; ибо нет проказы безобразнее, чем пребывание в смертном грехе, потому что душа в смертном грехе подобна дьяволу. Потому-то и нет более гнусной проказы. И воистину, когда человек умирает, он избавляется от проказы тела. Но когда умирает человек, совершивший смертный грех, он не уверен, простит ли его Господь. Поэтому следует опасаться, чтобы эта проказа не поразила его. Так что я вас прошу, как только могу, хотеть далее, чтобы ваше тело поразила проказа или всякая иная болезнь, чем в вашу душу проник бы смертный грех"».

«Он меня спросил, хочу ли я, чтобы меня чтили на этом свете и попасть в рай после смерти; и я ему ответил, что да. И он мне сказал: "Поостерегитесь же сделать или сказать что-либо, в чем, если все об этом узнают, вы не могли бы сознаться и сказать: я это сделал, я это сказал". И он мне наказал, чтобы я поостерегся опровергать или подтверждать то, что было сказано при мне, хотя это не влечет ни грех, ни убыток, но из жестоких слов рождаются ссоры, в которых гибнут тысячи людей».

«Он мне рассказал, что в Ключни состоялся великий диспут священников и евреев. И присутствовал там один рыцарь, которому аббат Бога ради подал там хлеб. И он попросил аббата, чтобы ему позволили сказать первое слово, и с трудом ему это разрешили. И тогда он встал, и оперся на костыли, и попросил, чтобы к нему подвели самого великого клирика и знаменитого мэтра из евреев; и так и поступили. И он ему задал такой вопрос: "Мэтр, я вас спрашиваю, верите ли вы, что Дева Мария, выносившая Господа нашего на своих руках, была девственницей, когда была избрана стать Божьей матерью?" И еврей ответил, что во все это он не верит. И рыцарь ему ответил, что он воистину безумец, когда не веря в Богородицу и не любя ее, он вошел в ее церковь и в ее дом. И воистину, продолжал рыцарь, вы за это заплатите. И тогда он поднял свой костыль и ударил еврея меж глаз и свалил на землю. И еврей обратился в бегство, унося своего мэтра всего избитого. Тогда аббат подошел к рыцарю и сказал, что тот совершил великую глупость. А рыцарь ответил ему, что аббат совершил еще большую глупость, устроив подобный диспут; ибо прежде чем диспут подошел бы к концу, добрая толпа христиан стали бы неверующими, потому что плохо поняли бы евреев. «Так что, скажу вам, — продолжал король, — что никто, кроме уж слишком сильного священника не должен спорить с ними; а мирянин, услышав, как поносят христианскую веру, должен защищать ее не иначе как с мечом, погрузив его в живот так глубоко, насколько он войдет». Либеральные и просвещенные люди XXI века, не пожимайте плечами, соблаговолите понять: профессия воина — защищать веру с мечом. Впрочем, пускай наши язычники успокоятся — рыцарей больше не осталось. Другой близкий Людовику Святому человек был лицом простого происхождения, ученый и искусный клирик Робер Сорбоннский, который основал при помощи короля знаменитый коллеж — Сорбонну. Людовик Святой любил слушать, как он спорит с Жуанвилем. «Мэтр Робер де Сорбон из-за великой славы, кою он снискал, будучи достойным мужем, был приглашен за королевский стол. Однажды он ел рядом со мной и мы тихо переговаривались. Король взглянул на нас и сказал: "Говорите громко, ибо ваши товарищи подумают, что вы злословите о них. Если вы, обедая, говорите о вещах, нам приятных, говорите громко. В противном случае или замолчите"».

«Однажды, когда король пребывал в хорошем настроении, он сказал мне: "Сенешаль, докажите, почему достойный муж лучше монаха". Тогда начался спор между мной и мэтром Робером. Мы долго спорили, а затем король вынес свой приговор, заявив: "Мэтр

Робер, я хотел бы быть достойным мужем, а все остальное я оставлю вам; ибо имя достойного мужа столь велико и прекрасно, что даже звучит сладостно".

«Он говорил, что дурное дело — отбирать имущество другого. Ибо возвращать чужое так тягостно, что даже одно произношение слова «возврат» дерет горло своими звуками, словно грабли дьявола, когда всегда мешает тем, кто хочет вернуть добро другого».

«Он мне сказал, чтобы я передал королю Тибо от него, чтобы тот был осторожен при строительстве дома доминиканцев в Провене, поскольку боится, как бы он не погубил свою душу из-за крупных сумм, кои он в него вкладывает. Ибо люди мудрые при жизни должны распорядиться своим добром так же, как должны поступать душеприказчики, а именно: первым делом возместить долги покойного и вернуть чужое имущество, а из оставшегося от умершего добра раздать милостыню».

«На Троицу святой король пребывал в Корбейле, где было восемьдесят рыцарей. После обеда король спустился во внутренний дворик и у дверей часовни беседовал с графом Бретонским, отцом нынешнего герцога, храни его Бог! За мной туда пошел мэтр Робер Сорбонн-ский и, взявшись за конец моего плаща, подвел меня к королю; и все прочие рыцари подошли к нам. Тогда я спросил у мэтра Робера: "Мэтр Робер, что вам от меня надо?" И он мне сказал: "Если король сядет в этом дворике, а вы усядетесь на более высокую скамью, чем он, то хочу вас спросить, должно ли вас за это порицать". И я ему ответил, что да. А он мне сказал: "Так вы поступаете недостойно, поскольку одеты благороднее короля; ибо вы облачены в меха и зеленое сукно, чего не скажешь о короле". И я ему ответил: "Мэтр Робер, помилуйте, я ничего не сделал, чтобы меня порицали, одеваясь в зеленое сукно и мех, ибо эта одежда досталась мне от отца и матери. Напротив, недостойно поступаете вы, ибо вы — сын простолюдина, но забыли об одежде ваших отца и матери и одеты в более богатый камлен, чем сам король". И тут я взял полу одеяния его и короля и сказал: "Посмотрите же, правду ли я говорю". А король принялся защищать мэтра Робера изо всех сил».

После отъезда мэтра Робера и рыцарей Людовик Святой стал объяснять Жуанвилю, своему сыну Филиппу и зятю Тибо, почему он так поступил: «Я видел, как он смущен, и должен был ему помочь. Однако же забудьте то, что я мог говорить в защиту мэтра Робера; ибо, как сказал сенешаль, вы должны хорошо и чисто одеваться, и ваши жены будут больше вас любить, а ваши люди больше ценить. Ибо, как говорят мудрецы, следует украшать себя одеждой и доспехами так, чтобы достойные мужи нашего времени не говорили, что вы придаете этому слишком большое значение, а молодые люди — что слишком малое».

Впрочем, этот совет соблюдать умеренность и благожелательность по отношению к тем, с кем приходится жить рядом, вовсе не свидетельствует о том, что короля чрезмерно заботило общественное мнение. «Когда он слышал, — сообщает Жоффруа де Болье, — что кое-кто из сеньоров роптал на него за то, что он выслушивает столько месс и молитв, он отвечал, что если бы он употреблял вдвое больше времени на игру в кости или на охоту за животными или птицами, никто об этом не сказал бы ни слова».

«Он считал королевскую власть священной, — говорит Гийом Шартрский, — и считал себя ответственным за спасение душ своих подданных». Этим объясняются некоторые поступки короля, которые мог себе позволить только святой, каким он и был». «Однажды, — продолжает рассказ Гийом Шартрский, — на королевский парламент прибыла дама, украшенная с особой вычурностью, и когда решалось ее дело, она вошла в комнату короля с другими людьми. Король тут же заметил ее присутствие. Она и в самом деле была, по

истинному мнению людей того времени, некогда знаменита своей блистающей красотой. Король, целиком преданный Господу, вознамерился указать этой даме на спасение ее души. Он велел позвать брата Жоффруа, находившегося поблизости, и сказал ему: "Останьтесь со мной, вы услышите, что я хочу сказать этой даме, которую вы там видите и которая хочет со мной поговорить". Оставшись один с дамой и братом Жоффруа, король сказал: "Мадам, я хочу напомнить вам одну вещь, имеющую отношение к вашему спасению. Некогда о вас говорили, что вы очень красивая дама, но то, что было когда-то, теперь прошло, как вы знаете. Так что вы могли заметить, что красота суетна и преходяща, поскольку она быстро вянет, подобно цветку, который едва распустившись, увядает и гибнет; и как бы вы ни старались, вам ее не вернуть. Так что сейчас вам следует беспокоиться об иной красоте, не телесной, но душевной, посредством чего вы могли бы стать угодной Господу, нашему Создателю, и искупить небрежность своего поведения во времена вашей былой красоты". Дама терпеливо выслушала эту речь и, надо сказать, исправилась, выказав в своих последующих поступках много приличия и скромности.

Жоффруа де Болье поведал, что святой король иногда изрекал пророческие вещи. Гийому Шартрскому, бывшему с 1250 г. клириком или раздатчиком милостыни, Людовик Святой вручил однажды значительную сумму и потом, смеясь, сказал: «Монсеньор Гийом отправляется на 5-6 лет развлекаться своей должностью, а потом он станет монахом». Гийом запротестовал, сказав, что у него нет никакой склонности к рясе. Но на исходе пяти с половиной лет, следуя пророчеству Людовика Святого, о котором он и не вспоминал, он стал доминиканцем.

Людовика Святого очень любили его близкие и слуги, многие из которых служили королям еще со времен Филиппа Августа, и оставались с ним тридцать лет и больше. Таков Шамбеллан Пьер, который спал в комнате Людовика и удостоился чести быть погребенным в ногах у короля в Сен-Дени. Или его комнатный слуга Гожельм, который на смертном одре близ Мансура сказал Гийому Шартрскому: «Я ожидаю прихода святого короля, моего сеньора, и не покину сей мир, покуда не увижу его и не поговорю с ним, а потом я не заставлю себя ждать». Король пришел повидаться с ним и утешить его. Потом Гожельм умер.

Король умел прощать, если он один замечал ошибки. И хотя он сильно переживал, когда у него украли серебряную посуду он довольствовался тем, что отослал виновных на некоторое время в Святую землю. «Однажды, — рассказывает Гийом де Сен-Патю, — благословенный король, будучи в Париже, вышел, чтобы послушать о делах и тяжбах; и долгое время спустя он возвратился в свои покои в сопровождении только одного рыцаря, который у него обычно спал; и когда он вернулся туда, там не было ни одного шамбеллана, ни прочих слуг, хотя их было шестнадцать и каждый был обязан охранять его покои. Он их звал и во дворце, и в саду, и повсюду, и не мог найти никого, кто бы ему услужил. Сопровождавший его рыцарь хотел это сделать, но благословенный король не позволил. Наконец появился один шамбеллан и другие слуги, и когда они узнали, что король не нашел ни одной живой души в комнате, то были очень напуганы; они не осмелились предстать перед своим государем, но начали стенать по себе перед братом Пьером из Ордена тринитариев, который помогал королю творить молитвы и был влиятельным человеком из-за доверия и близости к святому королю. Итак, король заметил их, повернулся, чтобы выслушать причины, и, воздев руки горе, воскликнул: "Ну! Вы наконец появились? У меня никого не было, чтобы помочь, а мне бы хватило одного, даже самого незначительного из вас". Больше он им ничего не сказал и вернулся к своим делам. И когда он снова спускался в свои покои после законченных дел, шамбелланы и прочие еще не смели подняться к нему. Брат Пьер сказал ему сие, добавив, что они никогда не войдут, если он не сменит гнев на милость и не позовет их. И тогда он велел их позвать и

рассмеялся с веселым видом: "Входите, входите, вы печальны, потому что плохо поступили; я вас прощаю, но больше так не делайте".

В тот же день ему забыли принести камзол, который он надевал для ужина поверх одежды. Ему пришлось есть в своем облачении, и однако же он не выказал никакого раздражения, довольствуясь тем, что сказал, смеясь: "О чем вы думаете? Я за столом в своей одежде?"

А вот пример еще более поразительной снисходительности. «Благословенный король, находясь в Нуайоне, ел в своих покоях с несколькими рыцарями, ибо дело было зимой; а его шамбелланы ели в комнате рядом, служащей гардеробной. Когда поели, король принялся беседовать с рыцарями у огня. В разгар какого-то рассказа короля шамбелланы, тоже закончившие трапезу, вышли из гардеробной. Благословенный же король, в своем рассказе рыцарям, произнес следующие слова: "И я удержался от этого". И вот один из шамбелланов, по имени Жан Бургине, бравируя, сказал: "Вы прекрасно там держались, ведь вы такой же человек, как и другие". Монсеньор Пьер Ланский, другой шамбеллан, услышал сии слова, воистину оскорбительные по отношению к такому великому государю и их сеньору, и сказанные без повода, ибо названный Жан не мог слышать, о чем шла речь в рассказе короля, ибо монсеньор Пьер, шедший впереди, сам ничего не слышал. Он притянул к себе Жана Бургине и тихо сказал: "Что вы такое говорите? В своем ли вы уме говорить так с королем?" И Жан ответил, но так громко, что король не мог не слышать: "Да, да, он лишь человек, совершенно такой, как другие". Как свидетельствует под клятвой монсеньор Пьер, благословенный король, услышав слова Жана Бургине как в первый, так и во второй раз, посмотрел молча на него и прервал свой рассказ, но не сделал ему никакого замечания. И монсеньор Пьер никогда не замечал с тех пор, чтобы на словах или в действиях король выказывал какую-нибудь неприязнь к названному Жану Бургине».

Кроме дизентерии, которая настигла короля в 1244 г. и от которой он, несомненно, никогда и не излечился, Людовик Святой страдал от болезни, которую описал Гийом де Сен-Патю: «Благословенного короля 3-4 раза в год мучила болезнь, от которой он страдал особенно сильно. Болезнь сия заключалась в том, что когда она нападала на короля, он становился тугим на ухо и не мог ни есть, ни спать, жалуясь и стоная. Эта хворь длилась около трех дней, то сильнее, то слабее, и тогда он не мог сойти сам с ложа, а когда он начинал ходить лучше, его правая нога, между основной частью и лодыжкой, становилась красной, как кровь, и раздувалась, и так оставалась весь день до вечера; затем постепенно, на третий или четвертый день, опухоль спадала, и тогда благословенный король полностью выздоравливал. Так что многочисленные рыцари и шамбелланы по двое спали в его комнате, и обычно там спал еще старый слуга по имени Жан, прислуживавший королю Филиппу. Обязанность Жана заключалась в поддержании огня постоянно летом и зимой. Он приходил [в покой] вечером, и поскольку благословенный король мучился от своей болезни, он хотел видеть, что с его ногой, и поэтому старый Жан зажигал свечу и поднимал ее над ногой короля, созерцавшего опухоль и страдавшего от сильной боли. Но однажды Жан держал подсвечник столь неловко, что капля горячего воска упала на ногу благословенного короля, как раз на больное место. Королю, сидевшему на своей постели, стало так больно, что он простерся на постели, сказав: "Ах, Жан!" И Жан сказал ему: "Увы, я причинил вам боль". И благословенный король ответил: "Жан, мой дед за гораздо меньшую провинность выгнал бы вас". Ибо названный Жан рассказывал королю и монсеньору Пьеру Ланскому и прочим в королевских покоях, что король Филипп однажды изгнал его из своих покоев лишь потому, что он подложил в огонь дрова, которые слишком громко трещали при горении. Тем не менее — и монсеньор Пьер Ланский свидетельствует это под клятвой — святой король сохранил свое расположение к указанному Жану и оставил его на службе».

Итак, Людовик Святой дает нам пример набожной общительности, без примеси эгоизма и желчи; он был заинтересован скорее в духовном спасении людей, нежели в управлении ими или издевательствах. Этих примеров уже достаточно, чтобы вызвать восхищение этим королем. Большого мы не узнаем, ибо клирики, жившие рядом с Людовиком Святым и оставившие рассказ о его жизни: Жоффруа де Болье, его исповедник, и Гийом Шартрский, раздатчик милостыни, — составляли свои произведения на латинском языке в стиле, приличествующем литературе того времени, и выбирали свои примеры с точки зрения дидактической, которая тогда была в моде: король ходил к мессе, он уважал духовенство, он творил милостыню; внешняя сторона жизни уводит далеко от внутреннего мира короля, о котором хотелось бы знать больше. Во всяком случае, они оставили без комментариев знаменитую молитву о слезах; вот что о ней говорит Гийом де Сен-Патю: «И исповедник благословенного короля, который написал о его жизни, говорит, что он [Людовик] жаждал, чтобы на него снизошла благодать от слез, и жаловался своему исповеднику, что ему не хватает слез, и говорил снисходительно, смиренно и внутренне: "О Господь мой, я не хочу фонтана слез, мне достаточно малой капли, чтобы оросить мое иссохшееся сердце", когда в молитве следовали слова: "Милостивый Боже, пошли нам фонтан слез". И своему исповеднику он признался, что порой при молитве Господь посылал ему слезы, и, чувствуя, как они катятся по лицу и попадают в рот, он находил их весьма приятными не только душой, но и на вкус».

VI. Последний крестовый поход

Это был последний из крестовых походов, и надо было быть святым, чтобы его предпринять. С 1259 г. тамплиеры и госпитальеры, вечные соперники, казалось, вознамерились уничтожить друг друга в Палестине. В следующем году татары захватили Сирию и уничтожили султанат Алеппо. Тщетно зывали христиане к государям Европы. Жоффруа де Сержин уже подумывал вернуться во Францию. Татары ушли, но египтяне с их новым султаном Бейбарсом захватили в 1263 г. Палестину, снесли Назаретскую церковь, монастырь в Вифлееме и множество городов, среди которых была и Кесарея, некогда укрепленная Людовиком Святым. Акра была последней крепостью христиан; Бейбарс готовился к ее осаде. Его войска разбили последних христианских государей Востока, которые могли оказать помощь Святой земле: Боэмунда, графа Триполи и князя Антиохии и армянского царя. В 1268 г. Бейбарс лично возглавил штурм Антиохии, которая была разграблена; в ней погибло 17 тысяч воинов и сто тысяч ее жителей; жители были уведены в плен.

Святой престол возобновил проповедь крестового похода в 1260 г., во время очередного набега татар. Людовик Святой послал денег в Палестину. Татары намеревались захватить все земли, включая Францию; в 1261 г. они прислали Людовику Святому посольство из 24 человек в сопровождении двух доминиканцев-толмачей, потребовав от короля подчиниться их хану. Людовик Святой отказался, но принял послов с честью и велел препроводить их к Папе Александру IV. В Страстное Воскресенье Людовик Святой собрал ассамблею из епископов, баронов и рыцарей, где постановили, чтобы во всех церквях королевства творили молитвы, организовывали процессии и посты, тщательно наказывая богохульников и грешников, и чтобы уничтожали избыток одежды, которая не понадобится больше в течение двух лет для турниров, ни других состязаний с луком или арбалетом. Провинциалу доминиканцев было поручено организовать проповедь крестового похода во Франции 1 мая 1261 г.

19 августа 1261 г. новый Папа Урбан IV, француз по национальности, бывший патриарх Иерусалимский, сообщил Людовику Святому, что египетский султан разорвал перемирие

с христианами. Он приказал взимать пятую часть со всех доходов Церкви на Западе в течение пяти лет в пользу Святой земли. Этот приказ был с недовольством встречен во Франции, но в конечном счете клирики подчинились, и Людовик Святой смог послать деньги Жоффруа де Сержину.

В 1265 г. Климент IV снова повелел доминиканцам и францисканцам проповедовать крестовый поход в городах и деревнях королевства. Людовик Святой желал лично возглавить крестоносцев; но прежде всего он хотел узнать мнение Папы. Климент не осмелился ему это советовать; за пределами Франции весь христианский мир был взбудоражен; с другой стороны, у Людовика Святого было слабое здоровье, он не мог долго ехать верхом или носить доспехи; следовало опасаться, что король не вынесет тягот кампании и с его отъездом в Европе все ухудшится. В конце сентября 1226 г. Климент IV написал Людовику Святому письмо, где он мягко отговаривал его от участия в крестовом походе. Но ни один христианский государь, кроме Людовика, не способен был защитить Святую землю. И когда Папа в октябре получил еще одно письмо от французского короля, в котором тот вновь просил его дозволения выступить в поход, он уступил этой настойчивой просьбе и в 1267 г. послал во Францию легата, который вручил крест Людовику Святому. На следующий день, в праздник Благовещения, король привез из Сен-Шапели Терновый венец и сам воззвал к ассамблее, пригласив присутствовавших последовать его примеру. Легат выступил с проповедью, затем вручил крест Людовику Святому, равно как и его троем сыновьям: Филиппу, Жану и Пьеру. Граф д'Э, граф Бретонский, графиня Фландрская и множество баронов так же дали обет крестоносца. Прочие присоединятся к ним потом.

Чтобы не приезжать в Париж во время поста, Жуанвиль сказал, что у него горячка. Король, указав, что у него хорошие лекари, настоял на его приезде. «На меня очень нажимал король Франции и король Наварры, чтобы я стал крестоносцем, — пишет он. — На это я ответил, что покуда я был на службе у Господа и короля за морем, сержанты короля Французского и короля Наваррского разорили меня и обобрали моих людей настолько, что мы, пожалуй, так и не оправимся от их бесчинств. И я заявил, что Господу угодно, чтобы я остался дома, дабы помочь и защитить их; а если подвергну сенья тяготам крестового похода, ясно сознавая, что это обернется несчастьями и ущербом для моих людей, я разгневаю Бога, который пожертвовал собой ради спасения своего народа.

Великий грех совершили те, кто советовал королю отправиться в поход при той телесной слабости, в коей он пребывал; ибо он не мог ехать ни в повозке, ни верхом. Его слабость была столь велика, что я его пронес на руках от дворца графа Оксеррского до обители францисканцев, где я распростился с ним». На Троицу, 5 июня 1267 г., принц Филипп (в возрасте 23 лет) и 67 других князей, среди которых были Эдмунд, сын английского короля, и один из сыновей короля Арагонского, были посвящены в рыцари. Кардинал-легат прочел проповедь на свежем воздухе, на острове Нотр-Дам, и многие бароны и прелаты приняли крест. На следующий день Людовик Святой и новопосвященные рыцари отправились в Сен-Дени к мощам апостола Парижа, покровителя французских королей.

Альфонс де Пуатье, принявший крест ранее короля, готовился к отъезду. Людовик Святой договорился с генуэзцами и венецианцами о том, что они снарядят флот, который должен был его встретить и принять в Эг-Морте. Как и в предыдущий крестовый поход, он хотел до своего отплытия загладить все несправедливости, причиненные его чиновниками; на это он выделил значительные суммы. Людовик поторопился обнародовать ордонанс о поддержании порядка и мира в королевстве; одновременно он велел изгнать из королевства ломбардских и кагорских ростовщиков. Он устроил будущее своих детей: установил границы владений своего старшего сына Филиппа, отдал Жану графство Валуа,

Пьеру — Перш и Алансон; он выдал замуж свою дочь Бланку за Фернандо Кастильского, а Маргариту — за герцога Брабантского.

Король составил завещание: в нем предлагал первым делом уплатить долги и исправить причиненное зло; он завещал 4 тысячи ливров своей жене Маргарите, доминиканцам и францисканцам Парижа, цистерцианцам Руаймона и доминиканцам Компьеня оставлял собранную им библиотеку, поделив ее на равные части (ведь его сын Филипп был больше воином, нежели ученым). У этой библиотеки была своя история, которую поведал Жоффрау де Болье: «Король, будучи за морем, слышал, как рассказывали о великом султани сарацин, что он приказал тщательно разыскивать, переписывать (на свои средства) и сохранять в своем дворце все труды, кои могли быть полезны философам его религии, дабы они могли прибегать к ним всякий раз, когда в том возникнет необходимость. Рассудив, что сыновья тьмы воистину более предусмотрительны, чем сыны света, и первые более привержены своим заблуждениям, чем вторые — христианской истине, благочестивый король принял решение, что, когда вернется во Францию, велит за свой счет переписать все книги, относящиеся к Святому Писанию, полезные и подлинные, какие только смогут найти в библиотеках различных аббатств, с тем чтобы он сам и его клирики и монахи могли учиться по ним к их пущей выгоде и для обучения ближнего. По возвращении он воплотил свой замысел и велел выделить под книги надежное и удобное место в сокровищнице его капеллы в Париже. Он прилежно собрал там самое великое число, какое мог найти, произведений, составленных во времена святого Августина, святого Иеронима и святого Григория, а также книги других отцов Церкви; и когда у него было время, он сам изучал их с огромным удовольствием и охотно одалживал другим, чтобы их обучать. Он предпочитал, чтобы делали копии с этих работ, чем покупать уже существующие копии, и говорил, что число этих книг и польза от них только растут».

Его сестра Изабелла умерла в Лоншаме в тот самый месяц, когда он составил свое завещание. Он отказал ее имущество великому множеству церковных домов, школярам различных парижских коллежей, своим слугам, беднякам, которым помогал, бедным девушкам на выданье, язычникам, обращенным в христианство. Не забыл он упомянуть в завещании своих самых юных сыновей — Жана Тристана, Пьера, Робера и дочь Агнессу. Миссию по выполнению завещания король возложил на сына Филиппа, а также на Этьена Темпье, епископа Парижа, епископа Эвре, аббатов Сен-Дени, Руаймона и двух их капелланов.

Королева Маргарита на сей раз осталась во Франции. Но Людовик Святой решил доверить регентство не ей, а Матье де Вандому, аббату Сен-Дени, и Симону де Нелю. Весь совет, за исключением епископов, должен был принести им клятву верности. Право раздавать бенефиции король поручил Этьену Темпье, который должен был советоваться с канцлером своей церкви, приором братьев доминиканцев или хранителем братьев францисканцев.

* * *

На заседании парламента в Париже, которое состоялось 9 февраля 1268 г., Людовик Святой назначил свой отъезд на май 1270 г. Бароны должны были урегулировать все свои дела, чтобы присоединиться к нему в Эг-Морте до этой даты. Эдуард, старший сын английского короля, пообещал присоединиться к Людовику там же, но выступил в поход позже.

На сей раз король решил высадиться в Тунисе. Затея, которая могла показаться необычной, ибо речь шла о защите Святой земли, на деле была амбициозной и дерзкой. Возможно, для того чтобы воплотить ее в жизнь, требовалось гораздо больше средств, чем те, которыми располагал на тот момент король. Но если бы ему удалось создать христианское государство в центре Средиземноморья, связи по морю с Востоком стали бы значительно более простыми, Египет потерял бы союзника на своей западной границе, а мусульманская империя, простиравшаяся от Испании до Малой Азии, распалась бы на две части. Вне сомнений, Людовик Святой не загадывал так далеко: его заверили, что султан Туниса склоняется к обращению в христианство вместе со своим народом. Впрочем, это не было совсем неправдой; в Северной Африке еще сохранялись церкви и даже дом доминиканцев; султан принимал в свои войска христианских наемников, и связь Туниса со средиземноморской Италией была довольно тесной. Карл Анжуйский, король Неаполитанский, стал, несомненно, главным вдохновителем этой экспедиции. Утверждали, что египтяне получают крупные подкрепления и помощь из Туниса. Также короля соблазняли и тем, что население Туниса можно обратить в христианство; благодаря устойчивым коммуникациям, которые существовали между Тунисом и Сицилией, крестоносной армии можно было без труда поставлять продовольствие. На самом же деле султан Туниса перестал выплачивать дань неаполитанскому королю; и теперь Карл Анжуйский задумал добиться возобновления выплаты силой оружия.

Один известный еврей крестился в 1269 г. в Сен-Дени, в день праздника этого святого. Послы султана Туниса присутствовали на церемонии, где Людовик Святой выступал в роли крестного отца. Король им заявил, что готов закончить свои дни в сарацинской тюрьме, если их правитель со своим народом согласится перейти в христианскую веру.

14 марта 1270 г., следуя обычаю королей, отправляющихся в крестовый поход, Людовик Святой совершил паломничество в Сен-Дени в сопровождении детей и большого числа баронов. Он получил из рук легата Рауля, епископа Альбанского, который должен был его сопровождать, суму и посох паломника, а из рук аббата Сен-Дени — орифламму. Затем он встал на колени перед монахами, собравшимися в соборе, и просил их молиться за него, что он уже делал в различных парижских монастырях и у прокаженных из ордена св. Лазаря. Из этих же соображений он совершил последние визиты: в аббатство Мобюиссон и в аббатство Лоншам. 15 марта король босым дошел от своего дворца до собора Парижской Богородицы. Его сопровождали сыновья Филипп и Пьер, молодой граф Артуа и другие сеньоры. В тот же день он, несомненно, отправился ночевать в Венсен, где на следующий день распрощался с королевой Маргаритой. Оба плакали; королева просила генеральный капитул Сито молиться, и повсюду устраивали торжественные процессии.

Королевский кортеж миновал Вильнев-Сен-Жорж, Мелен, Санс, Оксер, Везелей, Клюни (где Людовик Святой четыре дня праздновал Пасху), Макон, Лион, Вьен, Бокер. В Эг-Морте он не обнаружил кораблей, поскольку генуэзцы не сдержали слова. Вместо того чтобы отплыть в начале мая, ему пришлось дожидаться июля, что, возможно, и стало причиной поражения крестового похода.

Так что два месяца крестоносцы ждали в Эг-Морте, охваченные печалью и беспокойством. Король остановился не в городе, из-за окружавших его болот, а в Сен-Жиле. Постепенно прибывало все больше сеньоров. Между провансальцами и каталонцами вспыхнули бурные ссоры, которые Людовику Святому пришлось усмирять.

Михаил Палеолог, ставший императором Константинопольским с 1261 г., опасался Карла Анжуйского, государя амбициозного и предприимчивого. Поэтому он направил к Людовику Святому послов с подарками, чтобы добиться того, чтобы он сдержал своего

брата и побудил Папу предпринять шаги с целью примирить греков и латинян. Эта уния между Церквями могла повредить планам Карла Анжуйского, короля Сицилийского; однако Людовик Святой загорелся этим планом, писал римским кардиналам, умоляя поручить дело епископу Альбанскому. Тот немного спустя получил формуляр, и ему предстояло уговорить императора Константинопольского, патриархов и главных сановников греческой империи подписать этот документ. Незадолго до своей смерти в Тунисе Людовик Святой принял посольство Михаила Палеолога; епископ Альбанский умер несколькими днями ранее. Церковная уния, подготовленная Людовиком Святым, была заключена в 1274 г. на Лионском Соборе, но просуществовала недолго.

* * *

Во вторник после дня святого Петра, 1 июля 1270 г. король на рассвете прослушал мессу и поднялся на свой корабль с сыновьями Филиппом и Пьером; одновременно отчалили граф Неверский и граф Артуа. Людовик Святой потребовал от своих соратников, и особенно от сына Филиппа, презреть мирскую суету, всецело отдаться делу защиты веры. Весь день на королевском корабле ждали благоприятного ветра; парус установили только на следующий день, после восхода солнца, взяли курс на Каглиари, город на Сардинии, где должен был собраться весь флот.

Корабли короля, потрепанные ночью двумя бурями, прибыли в бухту Каглиари 8 июля. Город принадлежал пизанцам, врагам генуэзцев, и они оказали скверный прием крестоносному флоту, несмотря на присутствие короля Франции на борту и благочестивую цель экспедиции. Раздраженные рыцари собрались стереть с лица земли этот город и его жителей, ибо, по их словам, нигде больше не встречали столь дурных людей. Но король не хотел сражаться с христианами и предпочел простить их.. Больные были оставлены на суше, во францисканском монастыре; за крупную сумму для них закупили еду. Людовик Святой пробыл восемь дней в бухте Каглиари, не сходя на берег; тогда же он составил второе завещание, приказывая, в частности, чтобы его долги были уплачены из сумм, оставшихся в походной казне, после того как он умрет, и остаток достался бы Филиппу, которого он просил обращаться с младшими братьями подобно отцу.

Корабли баронов подоспели из Марселя или Эг-Морта почти одновременно — в пятницу 11 июля. Тогда король устроил совет со своим зятем, королем Наваррским, братом, графом де Пуатье, графом Фландрским, герцогом Бретонским и другими баронами. В надежде, что султан Туниса станет христианином, как только окажется в недосыгаемости от угроз своих единоверцев, решили захватить Тунис, а уж затем идти на Египет или Святую землю.

Христианский флот поднял якоря 15 июля, а через день, к трем часам пополудни он уже был виден из порта Туниса. Сарацины, которых появление крестоносцев застало врасплох, бежали. В гавани удалось захватить два брошенных корабля. Тем не менее крестоносцы смогли высадиться только на следующий день; операция прошла без потерь и сражений, но в великом беспорядке. На ночлег войско расположилось там же, где сошло на берег. Было несколько стычек с врагами; солдаты, ушедшие на поиски питьевой воды, погибли. Со следующего дня лагерь перенесли дальше, к Карфагену, на равнину, где была в изобилии питьевая вода. Карфаген являлся только маленькой крепостью, которую крестоносцы захватили без труда, но не нашли в ней ничего ценного. Людовик Святой велел ее восстановить и укрепить на французский манер, чтобы там жили дамы, все еще находившиеся на кораблях, раненные и больные.

Захват тунисского порта открывал вход в страну. Этот успех, полный, быстрый и легкий, таил в себе огромную опасность. Сарацины не были побеждены и не собирались уклоняться от битвы. Они перешли в наступление, причем так внезапно, что крестоносцам пришлось оставить свой обед и броситься к оружию. В тот же день два каталонских рыцаря пришли из сарацинского лагеря, чтобы подчиниться королю; они ему сообщили, что султан Туниса велел задержать всех христианских наемников своего войска и угрожал отрубить им головы, если крестоносцы двинутся дальше.

На следующий день были взяты в плен трое сарацин, которые просили их окрестить. Король приказал рыцарю, захватившему их, хорошенько их стеречь. За ними последовали сто других сарацин, пожелавших сдаться на тех же условиях. Но куда часовые были заняты их приемом, орда сарацин внезапно ринулась в атаку на французские отряды. Врага с трудом отбросили. Но трое сарацин, которые сдались как раз перед нападением врагов, обещали вернуться в сопровождении более двух тысяч рекрутов; их отпустили, и они так и не вернулись, к великому неудовольствию солдат, считавших их предателями.

Сарацины постоянно тревожили крестоносцев и убивали тех, до кого могли добраться. Король велел вырыть ров вокруг лагеря. Стычки стали такими частыми, что случались дни и ночи, когда Людовику Святому приходилось вооружаться до пяти раз: однако он так ослабел, что самые легкие доспехи казались ему неподъемными.

Людовик Святой ждал прибытия своего брата, сицилийского короля, чтобы вместе двинуться на Тунис; Карл в это время, как говорили, вел переговоры с султаном и просил, чтобы до его приезда не принимали никакого решения. Людовик Святой послал к нему кораблей и послов.

Сарацины же готовились обороняться. Лето было в разгаре; у рыцарей не было никакого укрытия, кроме шатров, им не хватало пищи и питьевой воды. В войске началась дизентерия. Еда стоила очень дорого, да и те запасы, что привезли люди короля, заканчивались. В начале августа король послал в Сицилию и Сардинию закупить свежего мяса для больных. Вихри песка очень мешали крестоносцам; когда ветер был благоприятным, приходили в движение сарацины и бросали в воздух песок и пыль, которые летели на христиан.

От лихорадки, дизентерии, чумы в стычках погибало каждый день столько людей, что их не успевали хоронить. Тела бросали во рвы, окружавшие лагерь, и дурной запах отравлял воздух. Одной из первых жертв чумы стал Жан-Тристан, граф Неверский, сын Людовика Святого, умерший 3 августа. Папский легат Рауль, епископ Альбанский, скончался 7 августа. Вскоре болезнь настигла Людовика Святого и его сына Филиппа. Затем скончались Бушар де Вандом, Гуго Маршский, граф д'Арс, шотландец, граф де Вианден из Люксембурга, сеньоры Монморанси, Бриссак, Готье де Немур, маршал Франции, Альфонс де Бриенн, сын императора Константинопольского.

Изо всех своих детей Людовик Святой, говорят, особенно любил Жана-Тристана и Изабеллу, королеву Наваррскую. В течение восьми дней от него скрывали смерть юного принца. Но он потребовал ответа от своего исповедника, Жоффруа де Болье, и тот в конечном счете признался. Король очень скорбел; он велел прокипятить тело умершего и собрал кости в гроб, чтобы увезти его во Францию. Людовик Святой хотел, чтобы графа Неверского погребли в Руаймоне, но его похоронили в Сен-Дени, в ногах своего отца.

Многие рыцари возвратились во Францию. Вне сомнений, их бегство было вызвано болезнью короля. Принц Филипп заболел дизентерией одновременно с отцом — 3 августа,

в день смерти графа Неверского; но восемь дней спустя он почти выздоровел. Людовик Святой, напротив, оставался лежать в лагере; он продолжал отдавать приказы, принимал послов императора Михаила Палеолога. В постели он читал молитвы. Когда он почувствовал себя хуже, то повелел поставить перед ним крест и продиктовал последнее завещание, приказав, чтобы его гробница была оформлена очень просто. Он попросил, чтобы его тело перевезли в Сен-Дени, если он умрет не в христианской стране. Его лекарь принес ему бульон из домашней птицы в субботу; он не захотел его есть, потому что рядом не было его исповедника, который разрешил бы ему вкусить это блюдо.

* * *

Когда король понял, что его конец близок, он отказался от мирских забот, чтобы думать только о Боге, и попросил, чтобы никто не приходил к нему с разговорами, кроме исповедника, Жоффруа де Болье. Однажды он бросился на колени молиться; пришлось отнести его на постель. Когда его соборовали, он едва мог говорить, но по движению губ было видно, что он шепчет молитвы вслед за священниками. Жоффруа де Болье говорит, что он отвечал на псалмы и в молитвах произносил имена святых. В последний раз он исповедался, стоя на коленях, и получил отпущение грехов. В ночь своей смерти слышали, как он сказал: «Мы не пойдем больше на Иерусалим». И несомненно, он думал уже о рае, но не забывал ни Святой земли, ни Африки, и говорил: «Ради Господа постараемся, чтобы христианскую веру проповедовали в Тунисе; кто лучше всех мог бы выполнить эту миссию?» — и он называл одного доминиканца, который уже бывал в этом городе.

По словам Жуанвиля (который ссылается на графа Алансонского), слышали, как он взывал к Св. Иакову и шептал молитву: «*Esto Domine plebi tuae sanctificator et custos*» — «Господь, будь святителем и хранителем своего народа». Он так же взывал к Св. Дионисию и Св. Женевьеве.

Жоффруа де Болье добавляет, что 25 августа, между 9 часами и полднем, король, как показалось, заснул на полчаса, затем открыл глаза, оглядел всех присутствующих, потом обратился к небесам и процитировал начало псалма: «Я войду в ваш дом, я буду поклоняться в вашем святом храме и исповедуюсь вашим именем». Наконец, его уложили на пепел; он сложил руки крестом и к трем часам пополудни отдал Богу душу. Ему было пятьдесят шесть лет, из них 44 года он правил Францией.

А вот что говорит о смерти Людовика IX Гийом де Сен-Патю: «И в воскресенье перед его смертью брат Жоффруа де Болье принес ему тело Иисуса Христа; и войдя в покой, где лежал умирающий король, стал на колени подле его кровати на землю, и тот вздохнул и сказал тихим голосом: "О Иерусалим, о Иерусалим!" И в понедельник, на следующий день святого Варфоломея, благословенный король воздел сложенные руки к небу и сказал: "Боже, будь милосерден к этому народу и приведи его на родину, чтобы не попал он в руки врагам и не принуждали его отречься от твоего святого имени". И некоторое время спустя благословенный король произнес по-латыни: "Отец, вверяю тебе свою душу". И больше он ничего не говорил, и накануне вечерни преставился на следующий день праздника благословенного апостола святого Варфоломея, в год милостью Божьей 1270, в час, когда сын господи Иисус Христос умер на кресте за жизнь всего мира, да будет ему честь и хвала во веки веков. Аминь».

* * *

Почти в тот же час Карл Анжуйский, король Сицилии, причаливал к берегам Африки. Филипп III был болен и еще не знал о смерти отца. Войска встретили его с радостью, ибо видели в нем своего предводителя. Но он узнал о смерти своего брата; плача, он поцеловал его ноги. И прежде чем покинуть шатер, он умылся, чтобы скрыть слезы от воинов.

Было решено выварить тело короля в воде и в вине, чтобы отделить плоть от костей. Кости и сердце поместили в ларец, чтобы отвезти во Францию. Король сицилийский просил Филиппа отдать ему плоть и внутренности чтобы похоронить их в аббатстве Монреаль, близ Палермо. До конца сентября архидьякон Палермский уже сообщал королю о чудесах на месте захоронения. Филипп собирался послать мощи Людовика Святого с телом графа Неверского в аббатство Сен-Дени под присмотр брата Жоффруа де Болье, но войско воспротивилось этому: оно хотело сохранить останки Людовика Святого как охраняющую святыню. Филипп привез их с собой позднее.

27 августа Филипп III все еще был нездоров, но принял оммаж у баронов, графа де Пуатье, короля Сицилийского, графа Бретонского, графа Артуа и коснулся золотушных. Чтобы поскорее выполнить пожелание Людовика Святого, он отослал во Францию Жоффруа де Болье, Гийома Шартрского, францисканца Жана де Мона — троих, которых любил король, просить молиться за упокой его души во всех церквях и аббатствах.

Несмотря на протест молодого короля Филиппа, еще слишком слабого, чтобы облачаться в доспехи, Карл Анжуйский при первой же возможности вступил с врагами в битву и разбил их. Казалось, теперь Тунис вот-вот падет. Султан выступил с выгодными предложениями: он предоставлял полную свободу христианским купцам, а также миссионерам, которые пожелают проповедовать, строить церкви и монастыри на его землях; он обещал не помогать врагам короля Сицилийского и не давать им убежище; он обязался выплатить крестоносцам 210 унций золотом в обмен на их уход; он соглашался присылать дань королю Сицилии, обещая уплатить ему долг за пять прошедших лет. 30 октября 1270 г. было подписано перемирие на десять лет. Армия, которая жаждала разграбить Тунис, предвкушая огромную добычу, была очень недовольна; короля Сицилии обвиняли в том, что он порадел лишь о своих личных интересах.

Крестоносцы погрузились на суда, включая англичан принца Эдуарда, прибывшего уже после того, как отгремела битва. Один только отряд фризов в пять сотен человек направился в Акру и Святую землю. Остальные взяли курс на Европу, клятвенно пообещав, что вернуться с еще большим числом воинов после того, как король Франции будет коронован.

* * *

Как уже было сказано, в армии свирепствовала эпидемия; именно поэтому поход был кратким. Буря разбросала флот по пути в Сицилию. Много людей умерло в порту Трапани после отплытия, от усталости и болезней. Тибо II, король Наваррский, скончался 4 декабря. Королева Изабелла, жена Филиппа III, была в тягости; она упала с лошади, переезжая реку, и родила мертвого ребенка, а через несколько дней умерла сама 28 января в Козенуе, в Калабрии. Филипп III увез тело жены с телом своего отца и брата.

В 1271 г. он прибыл в Рим; кардиналы заседали уже два года, избирая Папу: он попросил их поторопиться. Он проехал через Флоренцию, Кремону, Лион, Шампань.

Альфонс де Пуатье по возвращении из Туниса умер в Италии, в Корнето; его тело перенесли в Сен-Дени; его жена, Жанна Тулузская, умерла через несколько дней после него; у них не было детей, и они оставили Филиппу III огромное наследство — большую часть запада и юга Франции. Изабелла, королева Наваррская, дочь Людовика Святого, умерла в Иере в апреле 1271 г.

Филипп III, который чуть было не умер от горя, привез во Францию останки пятерых своих родственников. 21 мая 1271 г. он торжественно вступил в Париж, где горожане встретили его со слезами на глазах. Но общественное мнение уже канонизировало его отца; между Буасси и Кретьелем, говорят, излечился ребенок, прикоснувшийся к гробу, где покоились кости Людовика Святого. 22 мая останки короля были доставлены в собор Парижской Богоматери в Сен-Дени; Филипп III пожелал нести гроб на собственных плечах; позднее были воздвигнуты кресты на дороге во всех местах, где он останавливался отдохнуть; в настоящее время их семь, и их называют Монжуа.

VIII. Наставления Людовика Святого дочери и сыну

Наставления Людовика Святого своим детям широко известны, и в настоящее время никто не сомневается, что именно он является их автором. Ими руководствовались его последователи; один лигист в песне, которую процитировал л'Этуаль, упрекал Генриха IV в их незнании; они были напечатаны в XVII в., потом в 1793 г. в сопровождении завещания Людовика XVI и еще в роскошном издании Р. П. Донкера. В 1872 г. другой иезуит Л.-Ж.-М. Кро написал историю жизни Людовика Святого, которая представляет собой простой комментарий наставлений.

Жоффруа де Болье писал: «Но прежде чем заболеть в последний раз и поскольку Бог поведал ему о близкой кончине, сей король, христианнейший отец, написал собственной рукой на французском языке спасительные наставления, католические предписания и оставил их в качестве духовного завещания своему старшему сыну Филиппу и в его лице — всем остальным своим детям. В этом завещании благочестивый отец семейства перечисляет блага, коими он воистину обладал, дабы передать их своим сыновьям: прежде чем поучать, он поступал надлежащим образом, и его душа была украшена совершенными добродетелями, которые он желал оставить в наследство своей семье...

О завещание жизни и мира, завещание, достойное бессмертной жизни и утверждающее бессмертие его автора! Все мы, покуда существуем, будем рассматривать себя как законных преемников и наследников нашего короля, истинного отца всех французов. Наибольший урок из его завещания должны, несомненно, извлечь государи и прелаты; но каждый может найти там свое».

Мы находим в завещании также портрет Людовика Святого, составленный им самим; поэтому следует привести здесь текст полностью. Но поскольку текст завещания дошел до нас в нескольких версиях, предварительно нужно провести отбор. Жоффруа де Болье дает нам ее латинскую версию, по оригиналу, как он говорит, Людовика Святого. Гийом де Сен-Патю заимствовал свою на процессе канонизации; он писал на латыни, но до нас дошел только французский перевод его работы. Жуанвиль приводит компиляцию нескольких вариантов. Можно ли путем изучения всех сохранившихся манускриптов восстановить первоначальную редакцию короля, написанную на французском? По этому поводу в конце прошлого века велись споры. По их результатам стало ясно, что Людовик Святой составил «Наставления» вовсе не во время тунисского похода, и уж тем более не вручал их своим детям на смертном одре; вне сомнения, они предшествуют отплытию в

Африку. Г.-Ф. Делаборд, подводя итог спорам, доказал, что Людовик Святой собственноручно написал «Наставления» в трех вариантах: краткие наставления, обращенные к его старшему сыну, но предназначенные всем детям; наставления более детальные для дочери Изабеллы; советы Филиппу Смелому, где в расширенной форме повторяется первый вариант и подробно излагаются обязанности главы династии. Впоследствии эти три текста скомбинировали. Краткие наставления были опубликованы Жоффруа де Болье до 1275 г., даты его смерти; детальные наставления, раскрытые Филиппом Смелым только в 1282 г., на процессе канонизации, — это те, которые дает Гийом де Сен-Патю. Последующий текст был заимствован у Поля Иолле, работы которого помогли разрешить спорную проблему.

* * *

«Дорогой и любимой Изабелле, королеве Наваррской, с приветом и любовью отец.

Дорогая дочь, поскольку я полагаю, что из-за любви, которую вы ко мне питаете, вы охотнее запомните мои советы, которые среди прочих я задумал вам дать в форме наставлений, начертанных собственноручно.

Дорогая дочь, я наказываю вам возлюбить Господа всем своим сердцем и изо всех своих сил; ибо без этого ничто не имеет ценности; никого другого не должно любить столь сильно и с выгодой для себя. Ведь это Отец послал своего Сына на землю и предал Его смерти, чтобы освободить нас от мук ада.

Дорогая дочь, возлюбите Господа, и это пойдет вам на пользу. Человек сбивается с пути [истинного], ежели любовь свою вкладывает во что-то иное.

Дорогая дочь, мы должны любить Господа безмерно. Он заслужил нашу любовь, ибо возлюбил нас первым. Я бы хотел, чтобы вы хорошо думали о муках, которые благословенный Сын Божий претерпел, чтобы спасти нас.

Дорогая дочь, возжелайте быть угодной Господу как можно больше; изо всех сил старайтесь избежать вещей, которые, как вы полагаете, могут Ему быть неуютны; особо вы должны постараться не творить смертного греха ни в чем, что бы ни случилось, и скорее позволить себе отрезать или вырвать члены и лишиться жизни под страшной пыткой, чем по своей воле совершить смертный грех. Дорогая дочь, приучитесь часто исповедоваться и избирайте всегда исповедников, ведущих святую жизнь и достаточно образованных, вследствие чего вы будете образованы и наставлены вещам, которых вы должны избегать, и вещам, коим вы должны следовать; и ведите себя так, чтобы ваш исповедник и ваши другие друзья осмелились вас поучать и поправлять.

Дорогая дочь, охотно присутствуйте на службе в святой церкви, и когда вы будете в монастыре, поостерегитесь ротозейничать и говорить пустые слова. Произносите молитвы спокойно, вслух или в уме, и особенно в момент, когда Тело Господа нашего Иисуса Христа представляют к мессе, и даже немного раньше; будьте более спокойны и внимательны к молитве.

Дорогая дочь, охотно слушайте, что рассказывают о Господе нашем в молитвах и частных разговорах; однако же избегайте частных разговоров, кроме как с людьми, известными добротой и святостью. Охотно прощайте.

Дорогая дочь, если вы взволнованы, или больны, или с вами случилось что-то, с чем вы не в силах справиться сами, страдайте и возблагодарите Господа Бога и узрите в этом Его волю; ибо вы должны верить, что заслужили сие, а может, и еще большее, ибо мало любили Его и плохо служили и пошли против Его воли. Если вы процветаете телесным здоровьем или чем-либо другим, возблагодарите за это Господа нашего смиренно и будьте благодарны Ему; и поберегитесь становиться хуже из гордыни или другого порока; ибо это великий грех — злоупотреблять дарами Господа нашего. Если у вас тяжело на сердце или еще что-то, признайтесь вашему исповеднику или другому лицу, кое вы считаете верным и скромным; вам станет легче, и это то, что вы можете сделать.

Дорогая дочь, будьте милосердны ко всем людям, которые к вам обратятся, кто страдал бы душевно или телесно, и помогайте им охотно или ободрением, или милостыней, следуя тому, что приличествует.

Дорогая дочь, любите всех добрых людей, будь то священник или мирянин, посредством которых вы сможете чествовать Бога и служить Ему. Любите и помогайте бедным, и особенно тем, кто из любви к Господу нашему пребывает в бедности.

Дорогая дочь, постарайтесь, чтобы женщины и прочие служанки, общающиеся с вами более тесно и тайно, были доброй жизни и святости. И по возможности, избегайте всех людей с дурной славой.

Дорогая дочь, смиренно покоряйтесь своему мужу и вашим отцу и матери, согласно Божьим заповедям. Делайте это охотно из любви, которую вы к ним питаете, и еще более из любви к Господу, наказавшего каждому совершать то, что ему приличествует. Кроме Бога, вы не должны подчиняться никому.

Дорогая дочь, потрудитесь быть столь совершенной, чтобы те, кто услышит о вас или вас увидит, могли брать с вас добрый пример. Было бы хорошо, чтобы вы отказались от множества платьев или украшений, которые приличествуют вашему рангу; но будет еще лучше, если вы станете творить милостыню и не потратите много времени на украшения. И поберегитесь излишеств; всегда лучше меньше, чем больше.

Дорогая дочь, лелейте в себе желание, которое никогда не должно вас покидать, — желание угодить как можно больше Господу, и если кто-то никогда не возблагодарит вас за сделанное или ответит злом, воздержитесь, тем не менее, сделать что-то неуютное Господу, а совершайте богоугодные дела, из любви к Творцу.

Дорогая дочь, выслушивайте тщательно речи добрых людей, сопровождавших меня. И если Богу будет угодно, чтобы я умер раньше вас, я прошу вас заказывать мессы, молитвы и творить прочие добрые дела за упокой моей души.

Я прошу вас никому не показывать сие написанное без моего разрешения, кроме как вашему брату. Пускай Господь наш сохранит вас доброй во всем настолько, насколько я желаю, и еще сверх моего желания. Аминь».

«Моему возлюбленному старшему сыну Филиппу с приветствием и дружбой отец.

Дорогой сын, поскольку я от всего сердца желаю, чтобы ты был хорошо наставлен во всех вещах, я решил составить тебе наставление; ибо я порой слышал от тебя, что от меня ты запоминаешь больше, чем от кого-либо другого.

Дорогой сын, первым делом я тебя наставляю любить Бога всем сердцем и изо всех сил; ибо без этого нельзя спастись; берегись делать что-либо неугодное Богу и впадать в смертный грех, скорее снеси любые мучения, чем добровольно соверши грех.

Если Господь наш посылает тебе какое-либо испытание, болезнь или еще что-то, ты должен кротко перенести это и возблагодарить Его за эту выраженную Им волю; ибо ты должен считать, что Он делает это ради твоего блага; и ты должен также думать, что ты это заслужил, и более того, если Ему угодно, потому что ты мало любил Его и мало служил, а посему совершал многое против Его воли. И если наш Господь посылает тебе какое-то благоденствие, или телесное здоровье, или что-то иное, ты должен Его смиренно возблагодарить и должен поостеречься, чтобы тебе не стало хуже ни из-за гордыни, ни из-за другого порока, ибо это великий грех — отвергать дары Господа.

Дорогой сын, наставляю тебя, чтобы ты привык часто исповедоваться и избирал в исповедники всегда людей, ведущих святую жизнь и достаточно образованных, которые бы обучали тебя вещам, которых ты должен избегать, и делам, которые ты обязан исполнять; и веди себя таким образом, чтобы твои исповедники и прочие друзья не имели повода упрекнуть тебя в дурных поступках.

Дорогой сын, наставляю тебя, чтобы ты охотно слушал службу святой Церкви. И когда будешь в монастыре, не ротозейничай и не говори пустых слов; твори спокойно молитвы, вслух или мысленно, и особенно будь спокоен и внимателен в момент представления Тела Господа нашего Иисуса Христа к мессе, и немного ранее.

Дорогой сын, будь милосерден к бедным и ко всем тем, кому, как ты полагаешь, причинил зло, душевное или телесное, и с властью, которая у тебя будет, позаботься о них, либо ободрением, либо милостыней; если у тебя тяжесть на душе, скажи своему исповеднику или кому-либо другому, кого ты считаешь верным и знаешь, что он это скроет, ибо на тебя снизойдет мир, если ты сможешь это сделать.

Дорогой сын, водись с добрыми людьми, как священниками, так и мирянами, и избегай компании дурных; охотно беседуй с добрыми и слушай, как говорят о Боге на молитве и частным образом, и часто прибегай к прощению. Люби добро в другом и ненавидь зло. Не допускай, чтобы при тебе произносили слова, могущие привлечь к греху. Не слушай злословия. Не допускай никоим образом слова, которые могут обернуться к оскорблению Господа нашего или Богоматери или святых, чтобы не получить за сие отмщения. И если это священник или персона столь знатная, что неподсудна тебе, скажи тому, кто может осуществить над ним суд.

Дорогой сын, старайся быть добрым во всем, чтобы явствовало, что ты признаешь доброту и честь, которую Господь тебе оказал, поручив тебе править королевством; и будь достоин святого ерея, которым помазывают на царство французских королей.

Дорогой сын, если тебе случится управлять, следуй сообразно королевским добродетелям, то есть будь справедлив и не склоняйся к неправому суждению ради чего-либо, что бы ни произошло. Если случится какая-либо ссора между бедным и знатным, поддержи скорее бедного, чем богатого, покуда не узнаешь правду, а когда дознаешься до правды, твори суд; поддерживай дело иноземца перед своим советом, и не кажись слишком пристрастным к своему делу, покуда не узнаешь правды; ибо члены совета могут побояться выступать против тебя, чего ты не должен допускать. Если ты услышишь, что присвоил чужое — или сейчас, или это было сделано во времена твоих предков, — немедленно возврати это, какой бы великой сия вещь ни была, то ли землей, то ли деньгами или чем-то другим; если же дело неопределенное и ты не можешь по нему дознаться правды, установи такой мир по совету достойных мужей, посредством которого твоя душа и души твоих предков обретут покой; и если когда-нибудь ты услышишь, что твои предки всё вернули, всегда возьми на себя труд узнать, не надо ли возвращать еще, и если обнаружишь, что есть еще кое-что, вели вернуть незамедлительно, дабы спасти свою душу и душу твоих предков. Старайся сохранить на своей земле разных людей, и особенно лиц святой Церкви; не допускай, чтобы с ними обращались несправедливо или грубо — ни с ними лично, ни с их имуществом. И я хочу тебе напомнить здесь слова, сказанные королем Филиппом, моим дедом. Однажды король был со своим ближним советом, и тот, кто мне это рассказал, был там: и совет сказал королю, что клирики причиняют ему много вреда и многие люди удивляются, как он может их терпеть; и на это король ответил так: "Я хорошо знаю, что они доставляют мне много неприятностей; но когда я думаю о чести, оказанной мне Господом, я предпочитаю понести убыток, чем посеять раздоры между мною и святой Церковью". И это я тебе напоминаю, чтобы ты не судил легко особ, принадлежащих к святой Церкви; но напротив, оказывай им почести и охраняй, дабы могли они мирно нести службу Господу. И также поучаю тебя, чтобы ты особо любил монахов и охотно оказывал им помощь в их нуждах; и возлюби тех, кто почитает Бога и служит Ему больше, чем другие.

Дорогой сын, люби и почитай мать, запоминай охотно и применяй на практике добрые наставления и заботу, слушай ее добрые советы. Люби братьев и присматривай за ними, следи за их успехами и будь им вместо отца в обучении всему доброму; но берегись, чтобы из любви к кому-либо ты не отвернулся от правосудия и не поступил так, как нельзя поступать.

Дорогой сын, наставляю тебя, чтобы бенефиции святой Церкви, которые ты будешь раздавать, ты давал достойным людям и по большому совету уважаемых мужей; и мое мнение таково, что лучше бы ты их давал тем, у кого нет никакой пребенды скорее, чем другим. Ибо если ты хорошо поищешь, то найдешь достаточно тех, у кого ничего нет, дабы с пользой определить имущество святой Церкви.

Дорогой сын, я завещаю тебе не воевать со всеми христианами; и если тебя как-то оскорбляют, испробуй множество путей, которыми ты можешь восстановить свое право, не прибегая к войне; речь идет о том, чтобы избежать грехов, совершаемых на войне, и если тебе придется воевать, потому что один из твоих вассалов нанес ущерб твоей курии либо оскорбил какую-нибудь церковь или кого бы то ни было и не пожелал исправиться — из-за этого или другой разумной причины тебе надлежит воевать, командуя рассудительно, чтобы бедные люди, не совершившие ничего худого, не понесли бы убытков, не пострадали бы ни их имущества ни из-за пожара, ни другим образом; ибо для тебя лучше наказать злодея, захватывая его имущество, его города, замки, нежели опустошать имущество бедных людей; и прежде чем ты начнешь войну, хорошенько посоветуйся, достаточно ли разумна причина, и хорошенько отчитай злочинца и подожди столько, сколько возможно.

Дорогой сын, еще наставляю тебя, чтобы ты постарался старательно искоренять своей властью войны и разногласия, которые возникнут на твоей земле или между твоими людьми. Ибо это дело, очень угодное Господу, и мессир святой Мартин показал нам великий пример, ибо в тот момент, когда он узнал от Господа, что должен умереть, он отправился устанавливать мир между клириками своего архиепископства, и говорят, что за это обрел добрый конец своей жизни.

Дорогой сын, старательно следи, чтобы на твоей земле были прево и бальи; и часто проверяй, чтобы они творили добрый суд, и никого не оскорбляли, и не делали того, чего не следует. И заставляй также следить, чтобы слуги из твоего дома не творили того, чего нельзя; ибо, будучи обязанным ненавидеть всякое зло от других лиц, ты должен препятствовать тому, чтобы твои люди творили зло.

Дорогой сын, наставляю тебя, чтобы ты всегда был предан Римской Церкви и нашему отцу Папе и выказывал почтительность и честь, как ты должен поступать по отношению к своему духовному отцу.

Дорогой сын, дай полномочия людям, которые смогут ими хорошо воспользоваться: обеспокойся тем, чтобы с земли исчезли грехи — такие, как грубые проклятия и все, что делается и говорится в поношение Господа или Богоматери или святых; и вели запретить игру в кости и телесный грех плоти, и таверны и прочие грехи своей властью на своей земле; и следует изгнать плутов, мудро и надлежащим образом твоей властью с твоей земли, и прочих дурных людей, чтобы очистить от них землю; мне кажется, что это должно быть сделано по совету добрых людей; и выдвигай добрых на все места своей властью, за что получишь признание Господа нашего.

Дорогой сын, поучаю тебя, чтобы ты хорошо уразумел, что деньги, которые ты будешь тратить, были употреблены с толком и справедливо; и чувство, которое я хотел бы сильно тебе внушить — чтобы ты опасался безрассудных трат и неправых доходов и чтобы твои деньги хорошо принимались и хорошо помещались; и это чувство тебе внушил бы сам Господь, с другими чувствами, подобающими тебе и полезными.

Дорогой сын, я тебя прошу, если Господу будет угодно, что я покину сей мир раньше тебя, прикажи служить по мне мессы и творить другие молитвы, и попроси монахов королевства Франция возносить свои молитвы за упокой моей души; и чтобы ты понял, что из всего добра, кое ты сотворишь, будет часть выделена мне Господом.

Дорогой сын, даю тебе благословение, каковое отец может и должен дать своему сыну, и прошу Господа нашего Иисуса Христа, по Его великому милосердию и молитвам и заслугам благословенной Матери Девы Марии, и заслугам ангелов и архангелов и всех святых, чтобы он сохранил и защитил тебя, если ты что-то сделаешь супротив Его воли, и чтобы он даровал тебе свою милость исполнять Его волю так, чтобы Он был во славе и принимал твое служение. И пусть Господь наш пошлет мне и тебе по своей великой милости, чтобы после этой смертной жизни мы смогли видеть Его, и восхвалять и любить бесконечно. Аминь. И слава, и честь, и хвала Тому, кто является Богом с Отцом и Святым Духом без начала и конца. Аминь».

* * *

Быть может, следует сегодня предостеречь людей, скорых на презрение к тому, что кажется общими положениями морали. Пусть простота и добродушие этого текста не

обманывают их. Людовик Святой поучает значимым истинам, он передает инструкции строгие, которым следовал сам. Он открывает секрет своей силы и ключ ко всем трудностям: мера, которой мы должны любить, — это любить безмерно.

Могут возразить, что каждый день делает, что может; милосердие и силы не равны, а различны. Но что бы ни говорили, не существует двух моралей, одна для частных лиц, другая — для государей, и каковы обязанности правосудия тех, кто управляет? Или что еще следует предпринять, чтобы избежать войны, и как ее следует вести, если она неизбежна? Но нет худших глухих, чем те, которые не желают слушать; эти наставления адресованы христианам; имеют ли они смысл для роботов, которыми мы стали?

IX. Потомство

На первый взгляд, оба крестовых похода Людовика Святого могут показаться бессмысленной тратой французских и христианских сил, борьбой, закончившейся почти полным поражением. Король умер на чужой земле, и не как мученик, как ему хотелось бы, или в схватке во главе своих отрядов, а от унижительной болезни. Он был слишком упорным, чтобы уехать на родину, в то время как видел, что его силы подходят к концу, и знал, по всей вероятности, что обратно уже не вернется. Народ, позабыв заслуги, его славное управление и установленный им прочный мир, вполне мог затаить против него злобу. Но этого не произошло, что свидетельствует в пользу столетия. Как бы отнеслись к подобному же правителю в наши дни? Но, напротив, вера в святость короля росла и распространялась повсюду. Он был примером для государей, и его правление было золотым веком, о котором часто вспоминали в самые мрачные периоды. Жуанвиль не побоялся написать: «Пусть же побережется нынешний король, ибо он избежал столь же великой опасности, еще большей, чем мы. Пускай исправляет свои дурные дела, чтобы Бог не поразил жестоко ни его, ни его имущество». Предупреждение адресовано Филиппу Красивому, вполне его заслуживающему.

Говоря о канонизации Людовика IX, Жуанвиль не менее резок: «Это великая честь для тех из его рода, кто пожелает уподобиться ему, свершая добрые дела, и великий позор тем, кто не захочет походить на него; великое бесчестье, повторяю, для тех из его потомства, кто будет дурно себя вести; ибо на них будут указывать пальцем и говорить, что святой король, от коего они произошли, никогда не поступал столь несправедливо».

* * *

Связующая нить между добрым королем и его народом не прервалась, ведь именно простой люд, дети, монахини аббатства в Ли, цистерцианцы из Шаали, испытали на себе благотворную силу чудес, которые, как подробно описывали агиографы, свершались у могилы короля. Он исцелял горячку, паралич, слепоту, другие болезни; рассказывали, что он даже воскресил одну умершую девочку. С 1271 г. аббат Сен-Дени начинает записывать великое множество чудес. Гийом Шартрский в приложении к «Жизни Людовика Святого», составленной Жоф-фруа де Болье, рассказывает о семнадцати чудесах, произошедших в 1271 г.

Григорий X в марте 1271 г. писал Жоф-фруа де Болье: «Воспоминание о блестящих заслугах знаменитого короля Франции, Людовика, чья жизнь должна служить образцом для всех христианских государей, переполняет нас таким утешением ныне, когда он пребывает в небесных чертогах, что мы больше восхищаемся и поражаемся им, нежели при его жизни. Но того, что мы знаем о его достоинствах и послушании воле Господа, слишком мало, чтобы утолить наше стремление знать больше: а посему мы вас просим

вспомнить в деталях все, что вы знали о его деяниях, его набожности, образе жизни; постарайтесь изложить [просимое] правдиво, ничего не преувеличивая. Как только вы составите этот рассказ, пришлите его нам тайно и верным путем, и под своей печатью». Доминиканец Жоффрау де Болье повиновался приказу Папы. Гийом Шартрский добавил к его труду в 1276 г. некоторые детали, опущенные исповедником короля, которые показались ему достойными памяти.

Гийом де Сен-Патю был в течение восемнадцати лет, с 1277 по 1295 г., исповедником сначала королевы Маргариты, а после ее смерти — Бланки Французской, ее дочери, вдовы Фердинанда Кастильского. Он написал «Житие Людовика Святого» по просьбе Бланки, воспользовавшись данными расследования по канонизации в 1282 г. Это расследование было начато по просьбе Филиппа III Смелого и его баронов, к которым присоединились некоторые прелаты около 1273 г. Его вели долго по причине частых смен понтификов, и собранного материала стало так много, что один из папских эмиссаров, кардинал Бенедетто Гаэтани, объявил, что исписано столько бумаги, что не под силу снести и ослу. Тридцать восемь свидетелей дали показания о жизни Людовика и триста тридцать — о чудесах, которые он творил после смерти. Гийом де Сен-Патю рассказывает о шестидесяти пяти чудесах, имевших место с 1271 по 1282 г., особенно в Сен-Дени и в Париже: эти рассказы — ценный документ о повседневной жизни наших предков, их обычаях, чувствах и разуме, а одновременно и свидетельство сыновнего почтения перед Людовиком Святым.

Тридцать восемь свидетелей были опрошены в 1282 г. в Сен-Дени Гийомом, архиепископом Руанским, Гийомом, епископом Оксеррским, и Роландом, епископом Сполето. Среди них Гийом де Сен-Патю называет в числе прочих короля Филиппа III; графа Алансонского, Пьера, сына Людовика Святого; Карла, короля Сицилийского, его брата; Матье де Вандома, аббата Сен-Дени, бывшего исповедником короля и регентом королевства; аббатов Руаймона и Шаали; брата Симона дю Валья, приора доминиканцев Провена; Жана, сеньора де Жуанвиля, друга короля; Роже де Суси и Изамбера, поваров; Эбера де Вильбона и Гийома Бретонца, комнатных слуг; сестру Маго, приора богадельни в Верноне; сестру Аду, из богадельни в Компьене; мэтра Жана де Бетизи, королевского лекаря. Брат Жан де Самуа, францисканец, хранитель Парижского монастыря, потом епископ Лизье, стал специальным прокуратором расследования в Римской курии.

Кардинал Бенедетто Гаэтани, став Папой под именем Бонифация VIII, вписал Людовика IX в каталог святых в воскресенье, 11 августа 1297 г., в Орвьенто. Это произошло в правление Филиппа IV Красивого, внука святого короля, который был государем благочестивым, но жестоким и хитрым. 25 августа 1298 г. король велел извлечь из земли останки Людовика Святого в присутствии прелатов и французских баронов. Вопреки желанию святого короля его могила была за несколько лет до того украшена серебряными пластинами. Архиепископы Рейнский и Лионский вынесли мощи во главе процессии за пределы Сен-Дени; потом король и принцы королевской крови перенесли их в церковь аббатства.

В 1299 г. доминиканцы Эвре впервые посвятили свою церковь Людовику Святому; они же не раз замечали, как в ней свершались чудеса. Капелла святого Андрея и Людовика Святого были основаны при соборе Парижской Богоматери Дудоном — лекарем и клириком Людовика IX. Епископ Турне также основал капеллу Людовика Святого в своем соборе.

Известно, что Жуанвиль свою книгу о святых и славных деяниях святого короля Людовика составил до 1305 г., будучи глубоким стариком, по просьбе королевы Жанны

Наваррской, жены Филиппа IV. В конце книги он рассказывает, что видел святого короля во сне: «...и он был, как мне показалось, удивительно веселым, с легким сердцем; и я тоже был рад, поскольку видел его в своем замке и сказал ему: "Сир, когда вы уедете отсюда, я окажу вам прием в моем домике, расположенном в моей деревне Шевилон". И он мне ответил, смеясь: "Сир де Жуанвиль, из-за верности, которой я вам обязан, я не хочу сразу уезжать отсюда"».

Когда я проснулся, то принялся размышлять, и мне показалось, что Богу и ему будет угодно, чтобы я принял его в моей капелле, и так я и поступил; ибо я воздвиг алтарь в честь Бога и него, где всегда будут молиться за него; и для этого установлена постоянная рента».

17 марта 1306 г., во вторник после Вознесения голова Людовика Святого и часть мощей были перенесены в Париж при великом стечении народа. Король поместил мощи рядом с Богоматерью, а череп Людовика отправил в Сен-Шапель. Это перенесение стали традиционно праздновать по вторникам после Вознесения: в этот день августинцы служили мессу в Сен-Шапели, а начиная с 1309 г. по приказу короля шестьдесят доминиканцев и шестьдесят францисканцев приходили туда праздновать день Людовика Святого.

Известно, что Людовик Святой и королева Маргарита изображены (довольно посредственно) на тимпане красного портала собора Парижской Богоматери.

Начиная с XIV в. на фреске церкви Санта-Кроче во Флоренции, в капелле Барди, приписываемой Джотто, был изображен Людовик Святой, опоясанный веревкой святого Франциска Ассизского. В следующем столетии его часто изображали с атрибутами францисканцев, то одного, то вместе с Елизаветой Венгерской. Большая часть этих образов итальянские: они свидетельствуют, что в Ордене францисканцев свято хранили память о короле Людовике. Они ставят проблему вступления короля в Орден францисканцев, если допустить, что тот существовал во Франции, как и в Италии, в XIII веке. В это время, вероятно, существовали группы приближенных и верных мирян, мужчин и женщин, вокруг францисканских монастырей, и эти группы составляли если не спаянную и регламентированную организацию, то во всяком случае — могущественную опору Ордена. Конечно, то, что касается Людовика Святого, короля Франции, маловероятно: он не был близок к францисканцам, скорее некоторые из них входили в его свиту наряду с людьми приближенными, его слугами и подчиненными. Но некоторые из наиболее привлекательных добродетелей, свойственных королю — его мягкость, смирение, любовь к бедности и простота, — полностью отвечают заветам Франциска Ассизского.

Преклонение перед Людовиком Святым, королем Французским, и одновременно перед Святым Людовиком, епископом Тулузским, в Италии было присуще не только францисканцам, но и приверженцам сицилийских королей из Анжуйской династии. Король Робер Мудрый, внучатый племянник Людовика Святого, основатель знаменитого монастыря Санта-Чиара в Неаполе, чья жена была святой, говорят, скорее походил на францисканца, чем на короля; двое святых из его династии были одновременно «знаменем» партии гвельфов на Аппенинском полуострове, и именно францисканцы способствовали их популярности: французский король, как и король Сицилии, принадлежал им. Барди, заказавшие Джотто фрески во Флоренции, были банкирами короля Неаполитанского.

* * *

Народ и бароны, терзаемые Филиппом IV Красивым, взывали к Людовику Святому. Людовик X Сварливый 14 марта 1315 г. торжественно объявил, что все вновь будет, как во времена Людовика Святого. Филипп V Длинный 29 января 1317 г. дал то же обещание.

Култ Людовика Святого активно поддерживался в королевском доме. В обычае у королей стало поститься накануне праздника 24 августа. Иоанн Добрый пропустил пост один раз, но искупил свою ошибку, раздав милостыню. Самый мудрый из потомков святого короля, Карл V, испытывал к своему предку особое почтение. Один из его Часословов включает молитву, которой он просил у Людовика Святого просветить его относительно управления своим народом. В преамбуле одного из своих ордонансов он объявил: «Рассматривая — что серьезно и неизгладимо в нашем сердце — что наш святой предок и предшественник, наш патрон, защитник и сеньор Людовик Святой, цвет, честь, свет и зеркало не только королевского рода, но всех французов, память о котором остается благословенной и не исчезнет во тьме веков, и о котором говорят, что милостью Божьей он совершенно избежал заразы смертного греха и так хорошо управлял королевством и общим делом, что его славная жизнь, предмет всеобщего восхищения, доколе солнце будет ходить по небу, призывает нас и наших наследников последовать его примеру, так, чтобы его жизнь служила нам образцом».

Не забывала взывать к Людовику Святому и Жанна д'Арк. Согласно «Хронике о Девственнице», она сказала Карлу VII: «Благородный дофин, почему вы мне не верите? Я вам говорю, что Господь смилостивился над вами, над вашим королевством и вашим народом; ибо Людовик Святой и святой Карл Великий стоят на коленях перед ним, молясь за вас».

Кажется, почитание Людовика Святого становится менее пламенным, начиная с Франциска I и Валуа-Ангюлемской династии. То время было триумфом язычества Ренессанса и началом современного государства. Екатерина Медичи с ее дьявольским умом избрала канун праздника Людовика Святого, чтобы организовать избиение гугенотов.

С Бурбонами, напротив, культ Людовика Святого снова расцветает и приходит в упадок только с гибелью династии. Бурбоны основывали легитимность своего правления на родстве с Людовиком Святым через основателя их дома — Робера Клермонского, последнего сына этого короля. Для Генриха IV почитание Людовика было, кроме всего прочего, программой, доказательством и гарантом его обращения в католическую веру. Именно поэтому он нарекает именем Людовика своего старшего сына. Иезуиты придавали особое значение заветам Людовика; Людовик Святой становится новым патроном нового христианского общества, возрожденного на руинах Средневековья; он — покровитель королей, от Людовика XIII до Людовика XVII, и даже ребенка, сына, родившегося уже после смерти герцога Беррийского, последнего в его роду. Множатся церкви, посвященные Людовику Святому, изваянные в его честь монументы. За границей государи, союзники короля-Солнца [Людовика XIV], называют своих детей Людовиками. Повсюду Людовик Святой олицетворяет Францию.

Можно составить сборники молитв, панегириков или поэм, посвященных Людовику Святому в классическую эпоху. Это не тщетная риторика, и Бурдалу, проповедуя перед Людовиком XIV в день праздника Всех Святых, не упустил возможности заявить: «Счастье ваших славных предков в том, что они никогда не отделяли свое совершенство

от своего долга, скорее их счастье заключалось в том, что они не ведали иного совершенства, чем то, которое связывало их с обязанностями. Почему Людовик Святой сейчас в числе тех, кого мы сегодня почитаем? Потому что, будучи королем, он достойным образом выполнял свои обязанности короля; а почему он достойно выполнял обязанности короля? Потому что он был Святым королем». Людовик XIV учредил в 1693 г. Крест Людовика Святого, дабы вознаграждать за военные заслуги. Под тем же патронажем мадам де Ментенон учредила в 1684 г. женский монастырь Сен-Сир, или королевский институт Людовика Святого.

Дю Канж и Ле Нен де Тиллемон изучали историю эпохи Людовика Святого. Тиллемон так и не опубликовал свой огромный труд; он позволил воспользоваться им янсенисту Филло де ла Шезу, который в 1688 г. издал «Жизнь Людовика Святого», пользовавшуюся в то время необычайной популярностью. На следующий год аббат де Шуази публикует другую ее часть, предназначенную, как он говорит, восполнить лакуны предшествующего времени и особенно обрисовать добродетели короля.

Однажды Людовик XV сказал своему министру Шуазелю, что перепады его настроения не повредят спасению его души: «Заслуги Людовика Святого распространяются на его потомков, и ни один король из его рода не может быть предан проклятию, хотя бы он и позволил себе несправедливость к своим подданным или жестокость к простому люду». С этой точки зрения разве какой-либо из наших нынешних «сеньоров» избежал бы сегодня осуждения?

В «Эссе о нравах» Вольтер, непоследовательный монархист, позволяет себе роскошь быть беспристрастным: «Людовик IX был государем, призванным реформировать Европу... и стать во всем примером для людей. Его набожность, которая была набожностью анахорета, нисколько не умаляет добродетелей короля. Мудрая экономия не мешала ему проявлять щедрость. Он сумел совместить политику с правосудием, и возможно, он — единственный суверен, заслуживающий похвалы: осторожный и стойкий на советах, неустрашимый в сражениях, не поддававшийся приступам гнева».

21 января 1793 г., во время казни Людовика XVI, аббат, сопровождавший короля на эшафот, охваченный внезапным вдохновением, воскликнул в тот момент, когда падал нож гильотины: «Сын Людовика Святого, вознесись на небеса». Аббат де Фирмой сохранил отчет о последних моментах жизни Людовика XVI, где он не приводит этих слов, но многие роялисты или республиканцы цитировали их с восхищением.

В течение пятнадцати лет Реставрации Людовика Святого снова почитали, этому способствовал интерес к Средним векам. Но после крушения законной монархии нужен ли был культ канонизированного короля? Нет, ибо в глазах людей наиболее предосудительных этот король был связан с любовью и уважением всего лучшего, что было во Франции. После поражения 1870 г. потребовалось возродить Францию — возвращаются к заветам Людовика Святого. Стремление к возрождению вдохновляет работы Наталиса де Вайи, издателя Жуанвиля, Анри Валлона, парадоксальным образом ставшего крестным отцом Третьей Республики, Лекуа де ла Марша, Мариуса Сепета. Эти исследователи воспользовались открытиями Средневековья, добытыми Школой Хартий. Наконец, в последние годы мы наблюдаем еще одну волну публикаций, посвященных Людовику Святому, — книги Франка Ноэна, Р. П. Донкера, Жака Буланже, Франси Жамм, Кодетт Ивер и Гилена де Бенувиля. Многие парижане по-прежнему совершают в воскресенье 25 августа паломничество в церковь Сен-Луи -ан-л'Илья; война и германская оккупация, возможно, разбудили их пыл. Ассоциация «Друзей Людовика Святого» была основана в 1944 г. жителями острова Сен-Луи; но эта организация создана скорее с

литературными и археологическими целями, нежели для почитания культа святого короля.

* * *

Мощи Людовика Святого, избежавшие уничтожения во время революции, хранятся в сокровищнице собора Парижской Богоматери и в церкви Людовика Святого — на Острове: это фрагменты костей и одежды.

В 1803 г. обнаружили захороненное на почетном месте под плитами абсиды Сен-Шапели сердце, помещенное в оловянную коробку, безо всякой надписи. Эта реликвия была снова открыта в 1843 г. и возвращена на то место, откуда была взята. Между учеными разгорелся спор: одни утверждали, другие отрицали, что речь идет о сердце Людовика Святого. Истина не установлена до сих пор. Часть останков святого короля и поныне покоится в мраморной урне в аббатстве Монреаль, близ Палермо.

В церкви Богоматери в Лоншоне, некогда бывшей цистерцианским приорством, которое посетил Людовик Святой, до сих пор хранится реликвия в виде пальца святого; считается, что ее передали церкви старые монахини из аббатства Лоншам после Революции.

* * *

Государи XII в. нисколько не заботились о том, чтобы оставить свое изображение потомкам; тем не менее часто ищут портретное сходство в надгробных памятниках. Считается, что с Филиппа III и его жены Изабеллы Арагонской были сняты посмертные маски и что именно с них якобы были изготовлены изваяния усопшему королю в Сен-Дени и королеве в соборе в Козенце. Мы не знаем, была ли выполнена маска Людовика Святого в Тунисе, и ничто не позволяет предполагать, что изображения, распространившиеся несколькими годами позднее, были выполнены по подобной модели. Скорее кажется, что быстро зародилась традиция придавать облику Людовика Святого черты того короля, который правил во Франции в то время, когда создавалось изваяние; так, в начале XIV в. у статуи Людовика Святого — лицо Филиппа Красивого, который, впрочем, очень походил на своего деда. Статуя Людовика Святого с портала Кенз-Вен является прекрасным изображением Карла V, действительно знаменитым. Традиция придавать изображению Людовика IX черты правившего в то время монарха просуществовала вплоть до Людовика XIV.

Можно увидеть черты святого короля в образах, заказанных его женой, детьми или близкими друзьями. Наиболее знаменитыми являются фрески в монастыре францисканцев — Лурсине. Монастырь был основан в 1289 г. королевой Маргаритой Прованской, вдовой Людовика Святого; она жила в примыкавшем к аббатству доме, где умерла 21 декабря 1295 г. Ее дочь Бланка, вдова принца Фердинанда Кастильского, унаследовала после нее этот дом; она закончила строительство францисканской церкви, которое начала королева Маргарита, и умерла 22 июня 1320 г.

Во францисканской церкви 14 фресок, заказанных принцессой Бланкой, воспроизводили жизнь Людовика Святого. Мы знаем их только по описаниям и эскизам, сделанным в XVII в. эрудитом Пейреском. Избранные сцены иллюстрируют отрывки из текста Гийома де Сен-Патю, который, кроме того, числится среди основателей монастыря францисканцев в Лурсине. Эрудиты XVII в., такие, как Вийон д'Эрваль, не сомневались, что Людовика Святого верно изображали на этих картинах. Фламандский или немецкий мастер,

которому Пейреск поручил скопировать изображение короля, был довольно талантливым; он довольно точно донес до нас черты короля.

Тот же эрудит велел зарисовать четыре картины, украшавшие алтарь Сен-Шапель, на них изображены король в плену; король, омывающий ноги беднякам; король, получающий плеть от своего исповедника; король, кормящий прокаженного монаха. К несчастью, мастер, избранный Пейреском для этой задачи, на этот раз оказался мало сведущ в своем ремесле и плохо выполнил свою задачу.

В Сен-Шапели до Революции хранилась голова, оправленная в золото, украшенная драгоценными камнями, которая была, возможно, идеализированным изображением лица Людовика Святого. Музей в Клюни хранит прелестную деревянную статуэтку XII в., которая появилась из той же Сен-Шапели и имеет сходство с другими изображениями короля.

В 1934 г. Лувр купил каменную голову начала XIV в., происходящую из окрестностей Манта, и которая, по мнению многих, является скульптурным изваянием головы Людовика Святого. Г-н Марсель Обер предложил идентифицировать ее с головой статуи короля, некогда украшавшей амвон доминиканской церкви в Пуасси, основанной, как известно, Филиппом Красивым.

Наконец, выставка 1973 г. познакомила широкую публику со статуей Людовика Святого, хранящейся в церкви Менвиля, деревни в Эре, сеньор которой, Ангерран де Мариньи, был министром Филиппа Красивого. Статуя была выполнена в 1307 г. для капеллы замка. Но не был ли скульптор вдохновлен скорее обликом самого Филиппа Красивого? Разве не сам дух эпохи придает всем этим изображениям величие и набожность?

* * *

Несомненно, почти безнадежно искать Людовика Святого на полях древних манускриптов. Этот труд позволит читателю всего лишь познакомиться с особенностями той эпохи. И мы можем признать, что Людовик Святой и по сей день живет в наших собственных душах, замутненных техникой, наукой, организацией и современными нравами. Одновременно хочу сказать, что я словно держу в кулаке горсть пепла, боясь, что он больше не вспыхнет и даже слабый отголосок величия и милосердия Людовика Святого канет во тьму веков. А его королевство? Оно остается — в наших пейзажах, в наших древних памятниках и в нас самих.

© Альбер Гарро. Людовик Святой и его королевство — СПб.: Евразия, 2002.

© Пер с фр Цыбулько Г. Ф.

Его же: Saint Albert le Grand. Par.1932